

ПОВОЛЖСКИЙ
ИНСТИТУТ
УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ П.А. СТОЛЫПИНА

ВЕСТНИК

П О В О Л Ж С К О Й
А К А Д Е М И И
Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н О Й
С Л У Ж Б Ы

Научный журнал

¹ 4 (37)
2013

Саратов

Научный журнал

Учредитель

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Главный редактор – профессор **Д.Ф. Аяцков**
Зам. главного редактора – профессор **О.Н. Фомин**
Ответственный секретарь – **Д.В. Акаев**

Редакционный совет:

Д.Ф. Аяцков – председатель (доктор исторических наук, профессор, директор),
Л.В. Гильченко (заместитель полномочного представителя Президента РФ
в Приволжском федеральном округе),
В.В. Радаев (губернатор Саратовской области),
Н.И. Меркушкин (губернатор Самарской области),
О.И. Бетин (глава администрации Тамбовской области),
В.К. Бочкарёв (губернатор Пензенской области),
С.И. Морозов (губернатор Ульяновской области),
Ю.З. Камалтынов (руководитель Аппарата Президента Республики Татарстан)

Редакционная коллегия:

В.В. Герасимова, д-р экон. наук; **Э.Г. Липатов**, д-р юрид. наук;
О.А. Лиценбергер, д-р ист. наук; **А.В. Рязанов**, д-р филос. наук;
Ю.И. Тарский, д-р социол. наук; **О.И. Цыбулевская**, д-р юрид. наук;
Т.И. Черняева, д-р социол. наук; **В.Л. Чепляев**, канд. социол. наук

Свидетельство о регистрации средства массовой информации – журнала «Вестник Поволжской академии государственной службы» ПИ № ФС 77 - 52425 от 28 декабря 2012 года выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Роспечати 20432.

Научный журнал «Вестник Поволжской академии государственной службы» входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий (редакция – май 2012 г.), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>

© Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина, 2013

¹ 4 (37)
2013

**B U L L E T I N
OF THE VOLGA REGION ACADEMY
FOR CIVIL SERVICE**

Science journal

Founder:

***The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration***

Editor-in-chief: Professor ***D.F. Ayatskov***
Deputy editor-in-chief: Professor ***O.N. Fomin***
Executive secretary: ***D.V. Akaev***

Editorial council:

D.F. Ayatskov – Chairman (Doctor of History, Professor, Director),
L.V. Gilchenko (Vice of the Plenipotentiary of the President in the Volga Federal District),
V.V. Radaev (Governor of the Saratov Region),
N.I. Merkushkin (Governor of the Samara Region),
O.I. Betin (Head of the Administration of the Tambov Region),
V.K. Bochkarev (Governor of the Penza Region),
S.I. Morozov (Governor of the Ulyanovsk Region),
Yu.Z. Kamaltynov (Head of the Executive Office of the President
of the Republic of Tatarstan)

Editorial board:

V.V. Gerasimova, *Doctor of Sciences (Economics)*;
E.G. Lipatov, *Doctor of Sciences (Law)*;
O.A. Litsenberger, *Doctor of Sciences (History)*;
A.V. Ryazanov, *Doctor of Sciences (Philosophy)*;
Yu.I. Tarsky, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
O.I. Tsybulevskaya, *Doctor of Sciences (Law)*;
T.I. Chernyaeva, *Doctor of Sciences (Sociology)*;
V.L. Chepliaev, *Candidate of Sciences (Sociology)*

© Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2013

**ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ,
ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

D.F. Ayatskov, V.A. Burov
Socio-Economic Stability
in the Regions: Challenges
and Solutions (based on Gaidar
Readings in Saratov)

The article deals with the reasons for the growth of the public debt of the Saratov Region. The key strategies to increase budget income base and to ensure the transition of the region to the investment development are given.

Key words and word-combinations: a subject of the Russian Federation, budgetary system, national debt, regional economy.

Рассматриваются причины роста государственного долга Саратовской области. Приводятся основные стратегии увеличения доходной базы бюджета и перехода региона к инвестиционному развитию.

Ключевые слова и словосочетания: субъект Российской Федерации, бюджетная система, государственный долг, региональная экономика.

УДК 332.1
ББК 65.04

Д.Ф. Аяцков, В.А. Буров

**СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
СТАБИЛЬНОСТЬ
В РЕГИОНАХ:
ВЫЗОВЫ И РЕШЕНИЯ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
ГАЙДАРОВСКИХ ЧТЕНИЙ
В САРАТОВЕ)**

Прошедшие 13–14 июня 2013 г. в Саратове Гайдаровские чтения «Эффективное управление муниципальными финансами: новые задачи и вызовы» стали первой региональной дискуссионной площадкой после выхода в свет обзора, подготовленного группой экономистов во главе с ректором Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ В.А. Мау и содержащего подробный анализ основных тенденций в российской экономике в 2012 г. [1]. Данная работа позволяет региональным властям и экспертным группам синхронизировать усилия по преодолению возникающих угроз и нега-

тивных тенденций в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации.

По мнению В.С. Назарова, заведующего лабораторией бюджетного федерализма научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, одним из ключевых рисков для бюджета Саратовской области является недооцененность его налоговой составляющей [2]. При ее более справедливой оценке возможно сокращение дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности и, как следствие, снижение доходной части регионального бюджета.

Созданный предыдущими поколениями промышленный, аграрный, научно-технический и, самое главное, человеческий потенциал России подвергся в начале 1990-х годов жестким испытаниям на выживаемость. Была изменена система управления отраслями народного хозяйства и наряду с правами собственности на предприятия работники получили ответственность за развитие своих производств. Многие работники предприятий сознательно или вынуждено (например, из-за невыплат заработной платы руководством предприятия или в процессе рейдерского захвата) отказались от управления ими. Произошла концентрация собственности у ограниченного круга лиц, основной задачей которых часто было личное обогащение, вплоть до ликвидации предприятий. Эти процессы в полной мере относятся и к экономике Саратовской области. Печальные примеры такого варварского отношения собственников к своим предприятиям: Саратовский авиационный завод, Энгельское производственное объединение «Химволокно», Саратовский завод тяжелых зуборезных станков, Балашовский комбинат плащевых тканей, Саратовгэсстрой (г. Балаково) и многие другие. Перечисленные предприятия относились к крупнейшим предприятиям Саратовской области, создававшим большое количество рабочих мест и формировавшим бюджеты региона и муниципальных образований [3].

По нашему мнению, первым стратегическим направлением действий региональной и муниципальной власти по увеличению доходной части соответствующих бюджетов является поддержка крупного и среднего бизнеса. Выдвигаемый тезис не противоречит задаче поддержки малого предпринимательства, так как именно крупный и средний бизнес выступает в большинстве случаев заказчиком продукции малого предпринимательства, в том числе путем передачи части работ на аутсорсинг. Кроме того, только крупный и средний бизнес могут предоставить соответствующую технологическую базу для коммерциализации инноваций. Необходимо формировать инновационные кластеры, включающие одно или несколько крупных и средних предприятий и кольцо малых предпринимателей вокруг них. Одним из примеров подобного кластера служит Саратовское территориальное научно-производственное объединение «Саратовская электроника», создаваемое в настоящее время на базе ОАО «НПП «Алмаз» и ОАО «НПП «Контакт»», задуманное еще при разработке стратегического плана развития «Саратовская область: в новый век» [4]. ТНПО «Саратовская электроника» также объединит входящие в структуру госкорпорации «Ростехнологии» ОАО ЦНИИИА, ФГУП «НИИ «Волга»», ОАО «Инжент» и ОАО «Саратовэлектронпроект» [5].

Следующим негативным процессом, оказавшим решающее влияние на сокращение доходной части регионального и местных бюджетов, явилась концентрация и централизация управления и финансовых потоков. Из области были выведены крупнейшие налогоплательщики путем преобразования полноценных самостоятельных предприятий в филиалы, отделения, операционные офисы и т.п.

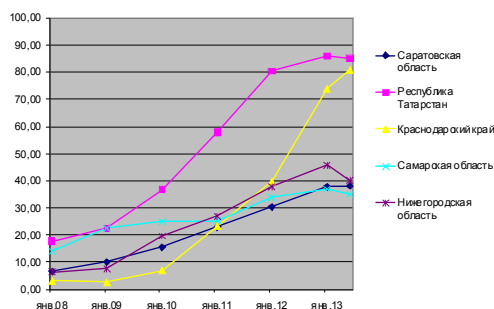
Данное обстоятельство коснулось важнейших отраслей экономики области: банковской (например, Сбербанк ушел в Самару); телекоммуникационной (Волгателеком – в Нижний Новгород), табачной (БАТ-СТФ (Саратовская табачная фабрика) – в Санкт-Петербург), железнодорожной (Приволжская железная дорога – в Москву) и других.

Создание вертикально интегрированных структур вывело уровень принятия решений по развитию предприятий за пределы Саратовской области (энергетика, добыча, переработка и транспортировка нефти и газа и другие отрасли) [6].

Существуют, безусловно, и положительные примеры – создание ОАО «МРСК Волги». Но это единичные случаи, подтверждающие общее правило: самостоятельность области при формировании промышленной политики катастрофически упала.

Таким образом, второе стратегическое направление – возврат в Саратовскую область крупнейших налогоплательщиков. Достижение этой цели является краеугольным камнем в решении проблемы обременения областного бюджета почти 40-миллиардным долгом. Простое замещение коммерческих кредитов бюджетными без значительного увеличения доходной части бюджета не позволит создать полноценный бюджет развития Саратовской области. Более того, замещение кредитора в лице коммерческого банка на кредитора в лице федерального бюджета требует укрепления финансовой дисциплины и увеличивает риск потери самостоятельности при принятии инвестиционных решений.

За период с 1 января 2008 г. по 1 июня 2013 г. государственный долг Саратовской области увеличился почти в 6 раз и составил 38,1 млрд рублей. В настоящее время по уровню государственного долга Саратовская область занимает шестое место среди субъектов Российской Федерации. Для сравнения: на первом месте город Москва с объемом долга 182,6 млрд рублей (на 1 января 2013 г. 188,37 млрд рублей), на втором – Республика Татарстан с объемом 85,22 млрд рублей (85,86 млрд рублей соответственно), на третьем – Краснодарский край с объемом 80,88 млрд рублей (73,88 млрд рублей соответственно), на четвертом – Московская область с объемом 50,41 млрд рублей (97,93 млрд рублей соответственно), на пятом месте Нижегородская область с объемом 40,12 млрд рублей (45,77 млрд рублей соответственно). Динамика изменения объема государственного долга Саратовской области, Краснодарского края, Республики Татарстан, Самарской и Нижегородской областей в 2008–2013 гг. представлена на диаграмме.

Государственный долг Саратовской области, Краснодарского края, Республики Татарстан, Самарской и Нижегородской областей в 2008–2013 годах, млрд рублей

Анализ показывает рост задолженности в первом полугодии 2013 г. у Краснодарского края и Саратовской области. Остальным сравниваемым субъектам РФ удалось снизить долговую нагрузку на бюджеты, причем Московской области почти в 2 раза. Основными направлениями инвестиций для Москвы и Московской области является создание международного финансового центра с соответствующей инфраструктурой и инновационные технологии, а для Республики Татарстан и Краснодарского края это инвестиционные мегапроекты по подготовке и проведению Универсиады-2013 и Олимпийских игр Сочи-2014 соответственно. Анализ эффективности инвестиций в экономику этих регионов показывает их бурное развитие. В Саратовской области за анализируемый период не было замечено каких-либо проектов, сопоставимых по объемам инвестиций с указанными. Более того, крайне неблагоприятна структура государственного долга Саратовской области, состоящая в основном из банковских кредитов [7, 8].

Следующим стратегическим направлением является поиск и реализация небольшого числа инвестиционных проектов, сравнимых с Казанью-2013 и Сочи-2014. Большой инвестиционный потенциал представляет участие Саратовской области в рамках развития евразийского сотрудничества [9], однако региональной власти необходимо усилить лоббирование по включению предприятий, территорий и иных ресурсов области в приоритетные инвестиционные проекты как на государственном уровне, так и на уровне Приволжского федерального округа. Географическое положение области дает ей конкурентное преимущество по участию в таких масштабных международных проектах, как строительство железной дороги «Чуцин – Синьцзян – Европа» и автотранспортного коридора «Европа – Западный Китай», который сейчас дошел со стороны Китая до города Аральск (Казахстан) и далее пройдет по пяти регионам Приволжского федерального округа [10].

Реструктуризация государственного долга Саратовской области на приемлемых условиях и увеличение объема привлекаемых инвестиций напрямую зависят от инвестиционного и кредитного рейтингов региона. Рейтинг инвестиционного потенциала Саратовской области, составляемый рейтинговым агентством «Эксперт РА», сильно упал в конце 2005 г., достигнув минимума в 2007 г.

А ведь это были годы наиболее бурного роста российской экономики, эра сверхвысоких цен на нефть, достигших к июню 2008 г. уровня 146 долларов за баррель. Следовательно, речь идет об отставании динамики развития нашей области в те годы от других регионов. Рост рейтинга, наметившийся в кризисные 2008–2009 гг., связан не с развитием нашей области, а с более глубоким падением экономических показателей в промышленно развитых регионах [11]. В настоящее время, по данным названного агентства, Саратовская область по инвестиционному рейтингу попадает в самую многочисленную группу российских регионов – 3В1, что значит «пониженный потенциал – умеренный риск». В 2010–2011 гг. по показателю риска область занимала 19-е место, по потенциалу – 21-е (в 2009–2010 гг. – 20-е и 22-е место соответственно, а в 1996 г. почетное 9-е место). Наиболее слабые позиции у региона по экономическому и финансовому рискам, наиболее сильные – по криминальному, социальному и управленческому [12].

Одним из направлений улучшения инвестиционной привлекательности является выход Саратовской области на рынок облигаций субъектов РФ. В настоящее время ни Саратовская область, ни город Саратов, ни другие муниципальные образования области не эмитируют государственные или муниципальные облигации и, следовательно, не могут использовать данный инструмент при решении задачи реструктуризации своих долгов. Кроме того, только три саратовских предприятия входят в листинг Московской межбанковской валютной биржи – Российской торговой системы: ОАО «Саратовский НПЗ», ОАО «Саратовэнерго», ОАО «МРСК Волги», что крайне мало. Поэтому следующим стратегическим направлением, по нашему мнению, является увеличение присутствия и активности Саратовской области на фондовом рынке. Завоевание преференций при размещении ценных бумаг на фондовом рынке – достаточно длительный процесс, и чем быстрее и аккуратнее регион выйдет на него, тем скорее он сможет доказать статус надежного заемщика и сэкономить средства на обслуживании долговых обязательств [13, 14].

В заключение следует выразить благодарность организаторам Гайдаровских чтений за предоставление открытой дискуссионной площадки, посвященной таким стратегическим вопросам устойчивого социально-экономического развития области, как межбюджетные отношения; оценка рисков при формировании регионального и местных бюджетов; совершенствование экономико-правовых механизмов местного самоуправления. Проведение подобных мероприятий позволяет в живой научной дискуссии принять участие не только экспертам и научным работникам, но и представителям власти и бизнеса, чтобы выработать стратегию и тактику социально-экономического развития страны.

Библиографический список

1. Российская экономика в 2012 году: тенденции и перспективы / В.А. Мау, Н.В. Лукша, П.В. Трунин [и др.]; Институт Гайдара. М., 2013. Вып. 34.
2. Возможность по выбиванию средств из центра у Саратовской области «крайне ограничена». URL: <http://fin-volga.ru/news/view/id/6914>
3. Буров В.А., Долгий В.И. Методы управления предприятиями региона в условиях кризиса. Саратов, 1999.
4. Аяцков Д.Ф. Промышленный потенциал региона: оценка состояния и стратегия развития // Вестник ПАГС. 2001. № 1. С. 5–15.

5. Электроника будет с брендом. «Ростехнологии» создают НПО из саратовских предприятий. URL: <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/minprom/mmpublic/detail.php?ID=60899>
6. Губернатор провел совещание «О мерах по снижению государственного долга Саратовской области». URL: <http://www.saratov.gov.ru/governor/news/detail.php?ID=86676>
7. Малый В.И., Гусев В.В., Буров В.А. Социальный и экологический аспекты развития энергетической отрасли в Саратовской области // Вестник ПАГС. 2011. № 3. С. 182–188.
8. Зеленский Ю.Б. Структура регионального госдолга: как не оказаться в тупике? // Деньги и кредит. 2012. № 5. С. 35–41.
9. Аяцков Д.Ф. Евразийство как объективная потребность региона в условиях глобализации // Вестник ПАГС. 2013. № 1. С. 4–10.
10. Полпред: автотранспортный коридор из Европы в Китай пройдет по регионам ПФО. URL: <http://www.vzsar.ru/news/2013/05/17/polpred—avtotransportnyi-koridor-iz-evropy-v-kitai-proidet-po-regionam-pfo.html>
11. Буров В.А., Заметта М.Ю. Методологический анализ кризисных ситуаций в некоторых сферах экономики Российской Федерации // Российская многонациональная цивилизация: единство и противоречия: сб. науч. трудов. Саратов, 2009. С. 57–59.
12. Региону присвоены рейтинги. URL: <http://raexpert.ru/database/regions/saratov/>
13. Москва возвращается на рынок облигаций. URL: <http://www.finmarket.ru/z/news/news.asp?id=3130881>
14. Санкт-Петербург возвращается на рынок облигаций. URL: <http://pics-masters.v4.rbcdaily.ru/finance/562949979103992>

К.А. Antipiev
Evaluation of Municipal
Authorities by the Local
Community (based on case
studies in the Perm Region)

The results of original sociological studies of the local community attitudes towards the municipal government are analyzed. Practical recommendations for the implementation of the policy of openness by municipal authorities are given.

Key words and word-combinations: local government, the Perm Region, municipal authority, case study.

Анализируются результаты авторских социологических исследований, посвященных оценке муниципальных органов власти местным населением. Даются практические рекомендации по реализации политики открытости муниципальной властью.

Ключевые слова и словосочетания: местное самоуправление, Пермский край, муниципальная власть, социологическое исследование.

ББК 60.59(235.55)
УДК 316.334.52(571.54)

К.А. Антипов

**ОЦЕНКА
МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОРГАНОВ ВЛАСТИ
МЕСТНЫМ СООБЩЕСТВОМ
(ПО МАТЕРИАЛАМ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПЕРМСКОМ КРАЕ)**

Самостоятельное осуществление гражданами права на местное самоуправление возможно в различных формах, однако эффективное управление невозможно без органов власти. Природа, происхождение муниципаль-

ной власти, ее взаимосвязи с интересами государства, общества и местных жителей всегда привлекали внимание не только практиков, но и теоретиков. Если рассматривать теории местного самоуправления: государственную, общественную, теорию свободной общины и другие, то вопрос происхождения муниципальной власти решался по-разному. Представления о том, что государственная власть решает только «общезначимые» вопросы, а местное самоуправление – «вопросы местного значения», слишком упрощают сложную систему взаимодействий.

Местные органы власти больше приближены к гражданам, чем региональные и федеральные структуры. Их деятельность более прозрачна, так как ее результаты непосредственно отражаются на той среде, в которой протекает жизнь местного сообщества. Исходя из суждений об органах местной власти оценивается и общая результативность муниципальных преобразований, происходящих в стране. Исследование мнений граждан о муниципальной власти позволяет установить проблемы взаимодействий, которые следует решать.

Разрыв между местным сообществом и структурами местной власти не только не снижается, а, скорее, увеличивается, причем этот процесс носит двусторонний характер. С одной стороны, муниципальная власть далеко не всегда заинтересована в активном местном сообществе, которое может стремиться больше ее контролировать, спрашивать с нее за результат деятельности. Складывается ситуация, подобная пресловутой борьбе с коррупцией, с которой системно не борются, а лишь имитируют борьбу, «сдавая» правоохранительным органам несущественные фигуры в коррупционной пирамиде [1, с. 9]. На муниципальном уровне также постоянно ведется речь о необходимости подключать к осуществлению местного самоуправления местное гражданское общество, а на практике механизмы такого взаимодействия остаются малоприспособленными, поскольку «призывы к устойчивому взаимодействию с гражданским обществом не подкрепляются соответствующими процедурными механизмами» [2, с. 4]. С другой стороны, местное сообщество воспринимает местную власть не лучше, чем власть региональную или федеральную, не видя между ними принципиальных различий, как уже отмечали ранее. Кроме того, скептическое восприятие гражданами власти, ее действий, решений складывалось постепенно, на фоне разочарования граждан в способностях властей разных уровней решить ключевые проблемы, улучшить качество жизни более широких слоев населения. Такое отношение имеет под собой реальную основу.

Отечественный и зарубежный опыт показывает, что муниципальная власть, являясь самостоятельным органом, не входящим в институт государственной власти, может лучше учитывать многообразные интересы местного сообщества. Муниципальная власть отталкивается не от государственных интересов, а от интересов местного сообщества, а также несет ответственность перед ним. Местное сообщество участвует в формировании муниципальной власти, избирая представительный орган, главу муниципального образования (прямо или косвенно) и других органов и должностных лиц. Если государство, его структуры стремятся к единообразию в управлении, то местное самоуправление к многообразию. В этом видится основное противоречие между государством и местным самоуправлением.

Местные органы власти в идеале должны быть связаны наиболее тесно с делегировавшим им полномочия местным сообществом и всецело действовать в его интересах. Разумеется, формироваться они должны либо местными жителями из авторитетных и признанных членов сообщества, либо при активном их участии. Ответственность местная власть несет не перед государством, а перед местным сообществом, которое осуществляет и контроль за ней.

Современные российские практики показывают, что и муниципальная власть, несмотря на отсутствие жесткого контроля сверху, менее ответственна за результат своей деятельности, а в чрезвычайных ситуациях и вовсе стремится самоустраниться. В качестве примера можно назвать пострадавший от наводнения Крымск, муниципалитеты Центральной России, пострадавшие от лесных пожаров 2010 г.

Над советской местной властью висел «карающий меч» в лице вышестоящих управленческих структур, партии, надзорных органов, тогда как современная российская местная власть обладает большей свободой в своих действиях. Это вроде бы и неплохо, но интересы граждан уходят на второй план, она все больше занята собственными проблемами, обслуживанием бизнеса и потребностей государственной власти. Муниципальная власть во многом воспроизводит в себе проблемы других уровней российской власти, но все же вынуждена так или иначе пытаться выстраивать доброжелательные отношения с местным сообществом. Однако подобные коммуникации на практике не всегда успешны, так как общественное мнение может идти и вразрез с интересами власти. Типичным примером является переименование улиц во многих городах России и возвращение им исторических названий. Власти могут организовывать опросы общественного мнения, но зачастую действуют вопреки мнению граждан, руководствуясь личными мотивами, симпатиями или антипатиями к политическим событиям прошлого.

На протяжении 12 лет методом социологических исследований нами изучались вопросы оценки гражданами местного самоуправления. Три из них были проведены в 2001, 2009 и 2013 гг. и охватили 2614 респондентов в возрасте от 18 лет, проживающих в Пермском крае. Акцент был сделан на краевой центр. В качестве основного метода сбора информации использован анкетный опрос населения. Осуществлена целенаправленная выборка, обеспечивающая достаточную репрезентативность мнений респондентов. Блоки вопросов затрагивали оценку самой системы местного самоуправления, оценку деятельности и образ муниципальной власти, обратную связь муниципальной власти и населения и другие темы.

Первоначально остановимся на данных наших исследований, показывающих уровень доверия к органам и структурам власти. Граждане все менее доверяют базовым институтам государства: судам, прокуратуре, Правительству РФ, Государственной Думе. Следовательно, три ветви российской власти – судебная, законодательная, исполнительная – не могут заявить о серьезной общественной поддержке. Увеличивается и число лиц, не доверяющих никому из перечисленных субъектов (табл. 1).

Таблица 1

Авторитет властных институтов, %

<i>Каким властным структурам (должностным лицам) Вы доверяете больше всего?</i>	2001	2009	2013
Президенту	71,4	61,4	56,2
Государственной Думе	58,2	36,7	34,3
Правительству	56,4	52,2	49,0
Главе субъекта Федерации (губернатору)	46,2	29,4	42,2
Законодательному собранию края	42,3	46,3	45,4
Главе города (района, поселка)	37,4	27,8	32,6
Городской думе (районному собранию)	34,3	32,3	35,2
Никому	12,1	16,7	18,4
Не ответили	1,2	2,4	3,3

Нельзя сказать, что падение доверия носит катастрофический характер, но очевидно, что происходящие преобразования в политической сфере не привели к сокращению разрыва между обществом и властными структурами. По-прежнему существенную роль играет личность субъекта управления. Так, рост доверия населения главе Пермского края в 2013 г. вызван сменой руководителя. Местная власть не может похвастаться высоким уровнем доверия.

В ходе наших исследований мы пытались выяснить, насколько местная власть прислушивается к мнению местного сообщества. Респондентам был задан вопрос: «Как Вы считаете, прислушивается ли местная власть к жителям?». Полученные данные не вызывают оптимизма, несмотря на то что юридически формы учета мнения граждан закреплены 131-м Федеральным законом (референдум, опрос граждан, нормотворческая инициатива, собрания и конференции граждан, публичные и общественные слушания и др.). Следовательно, между местным сообществом и местной властью присутствует барьер взаимного непонимания, недоверия (табл. 2).

Таблица 2

Оценка учета местной властью мнения местного сообщества, %

<i>Как Вы считаете, прислушивается ли местная власть к жителям?</i>	2001	2009	2013
Да, мнение жителей для власти важно	4,2	3,5	4,5
Иногда прислушивается	58,3	63,5	64,5
Нет, не прислушивается, не заинтересована в этом	24,6	25,6	25,6
Затруднились ответить	8,7	4,0	4,4
Не ответили	4,2	3,4	1,1

Показательно, что за 12 лет почти отсутствует динамика, как положительная,

так и отрицательная. Получается, что каждый четвертый респондент считает, что власть не проявляет интереса к мнению граждан (25,6%), а подавляющее большинство указало, что власть избирательна по отношению к мнению граждан (64,5%).

Главное, по чему судит местное сообщество о муниципальной власти, – ее практические дела, решение конкретных местных проблем, с которыми жители могут сталкиваться каждодневно. При этом многие граждане имеют смутные представления о том, за что конкретно отвечает власть местная, власть федеральная и региональная. В случае возникновения проблем с инфраструктурой, социальными нуждами это становится очевидным. Респондентам был задан вопрос: «Удовлетворены ли Вы тем, как городская (районная) власть решает местные проблемы?» (табл. 3).

Таблица 3

Оценка удовлетворенности жителей решением проблем местной властью, %

<i>Удовлетворены ли Вы тем, как городская (районная) власть решает местные проблемы?</i>	2001	2009	2013
Да, вполне удовлетворен	4,6	2,7	3,8
Не совсем	58,5	56,8	45,5
Нет, не удовлетворен	31,0	35,9	42,3
Затруднились ответить	4,3	4,2	6,1
Не ответили	1,6	0,4	2,4

Лишь незначительное число респондентов (4,6; 2,7 и 3,8% соответственно) указали на свою полную удовлетворенность действиями местных властей, что свидетельствует о наличии у местного сообщества большого числа претензий к качеству работы муниципальных властей, предоставления муниципальных услуг. Возможно, проблема еще глубже и она связана вообще с наделением власти (любого уровня) отрицательными характеристиками, убежденностью, что власть не помогает, а мешает, не решает вопросы, а игнорирует их решение и т.д. Рядовые граждане, не имеющие ни власти, ни богатства, уверены, что чиновники любого уровня по определению не могут сделать для них ничего хорошего и думают только о своем кармане. Отсюда, по их мнению, и высокий уровень коррупции, и запредельное социальное расслоение общества.

Отношение к муниципальной власти местного сообщества и отдельных граждан, по нашему мнению, отражают три ключевых параметра: оценка качества муниципальных услуг, предоставление которых регламентируется и зависит от качества работы чиновников (разбитые дороги, очереди в муниципальных поликлиниках, сложности устройства ребенка в детский сад и т.п.); личный опыт общения с чиновниками местного уровня в ходе обращения в органы местного самоуправления; наблюдение за деятельностью чиновников любого уровня через призму СМИ (любого, потому что, как уже было отмечено, граждане не сильно отличают муниципальную власть от

государственной). Граждан гораздо больше интересует эффективность власти в решении насущных проблем.

Недовольство или удовлетворенность чем-то – достаточно неконкретные категории, поэтому мы задали в анкете уточняющий открытый вопрос: «Если Вы недовольны работой местной власти, то почему?». Получены следующие наиболее типичные ответы: власть заботится только о себе; насущные проблемы не решаются; власти не знают о жизни людей; власти воруют и ничего не делают и т.д. В 2013 г. свыше 352 респондентов ответили на этот вопрос, выделив причины недовольности местной властью. Основными причинами, по мнению респондентов, является то, что власть далека от простых жизненных проблем, власть коррумпирована, власть работает медленно и т.п. Еще один открытый вопрос был адресован тем, кто удовлетворен работой местной власти. На вопрос: «Если Вы удовлетворены работой местной власти, то почему?» – получены ответы: улучшились дороги; стали много строить домов. Ответы носили преимущественно единичный характер.

Представляется важным понять, как местное сообщество видит «образ» местной власти, какими положительными или отрицательными качествами его наделяет. От этого образа зависит, готовы ли граждане к совместной работе с властью или, наоборот, любые начинания властей, могут столкнуться с молчаливым игнорированием инициатив местным сообществом.

На вопрос анкеты: «С какими качествами у Вас ассоциируется местная власть?» – респонденты могли отметить несколько вариантов, поэтому общая сумма ответов больше 100%. Положительные и отрицательные качества специально были даны в анкете смешанно, чтобы обеспечить большую возможность выбора для респондентов (табл. 4).

Таблица 4

Оценка качеств местной власти, %

<i>С какими качествами у Вас ассоциируется местная власть?</i>	2001	2009	2013
Коррумпированная	37,8	45,6	49,9
Безответственная	27,6	37,2	42,0
Лживая	19,2	29,0	34,2
Несамостоятельная	18,4	26,4	24,4
Грамотная	16,2	14,6	12,9
Ответственная	12,7	10,9	8,6
Надежная	8,8	7,5	8,6
Агрессивная	9,2	6,3	8,6
Смелая	7,2	6,1	6,6
Жестокая	7,2	5,6	5,8
Заботливая	3,8	4,0	3,4
Честная	5,6	4,0	3,1

Данные таблицы свидетельствуют, что отрицательные качества в образе местной власти не только доминируют, но и со временем усилились. Коррупци-

рованность, безответственность, лживость и несамостоятельность – доминирующие характеристики местной власти, выделяемые местным сообществом, что вполне укладывается в стереотипное восприятие гражданами власти как силы далеко не дружественной. Это порождает наделение власти отрицательными характеристиками при сохранении патерналистических установок. Так обнаруживается еще одно противоречие между властью и местным сообществом.

Ведущие качества западноевропейского чиновника, с точки зрения российской общественности: компетентность, деловитость, культура и образованность, ответственность и надежность, творческий потенциал и неподкупность (среди восьми доминирующих качеств нет ни одного отрицательного). Портрет же его российского коллеги прямо противоположен: безразличие к людям, продажность, равнодушие к интересам страны, безответственность и некомпетентность [3]. Противоречием является то, что чем ниже оценка обществом качеств чиновников, тем больше людей хотело бы ими быть, особенно это касается молодежи. Молодые люди считают, что быть чиновником престижно, так как это открывает большие «неформальные возможности». Так, сегодня больше половины экономически активного населения России старше 18 лет (57%) выразили желание работать на государственной службе [4]. Как следствие, конкурсы в вузы по этим специальностям очень высокие.

Преобладание такого качества местной власти в оценках местного сообщества, как «коррупцированная», свидетельствует об устойчивости в сознании граждан утверждения, что власть, принятие решений и коррупция идут рука об руку в нашей стране. Согласно опросу ВЦИОМ, проведенному 24–25 ноября 2012 г., сегодня наиболее коррупцированной сферой россиянами признаются именно местные власти (36% против 26% в 2007 г.) [5]. Действительно, уровень коррупции власти вообще и местной власти в частности достаточно высок. При системной коррупции местное самоуправление не может быть уровнем управления, свободным от этого зла.

Не добавляет доверия муниципальной власти и снижение ее выборности и замена прямых выборов другими способами формирования. Так, до 2008 г. главы большинства муниципальных образований в Российской Федерации, как правило, избирались населением на прямых выборах, но вскоре ситуация стала меняться в сторону отсека граждан от непосредственного участия в решении этого вопроса. По Российской Федерации прокатилась волна внесения изменений в уставы муниципальных образований крупных городов и муниципальных районов, отменяющих прямые выборы глав и вводящих их избрание депутатами представительного органа. По рекомендации федерального центра города, в том числе региональные столицы, меняли уставы, с тем чтобы мэры избирались не на прямых выборах, а из числа депутатов местных представительных органов.

Специалисты по вопросам местного самоуправления справедливо пишут, что «линия на отказ от прямых выборов – это антигражданская позиция, которая демонстрирует нежелательность участия населения в делах общества и государства» [6, с. 35]. Необходимо, наоборот, содействовать даже большей выборности на муниципальном уровне, что позволит и активизировать местное сообщество, и создать нормальную политическую конкуренцию, стимулирующую эффективность управления.

Следует согласиться с утверждением, содержащимся в ежегодном докладе Общественной палаты РФ за 2012 г., «что многие формы участия граждан в решении вопросов местного значения, определенные Федеральным законом от 6 октября 2003 г. (ред. от 3 декабря 2012 г.) № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», практически не используются, реальное обсуждение проблем и народное волеизъявление подменяются их имитацией» [7, с. 26].

Местное сообщество в формировании власти не играет доминирующей роли, а становится, скорее, объектом предвыборных манипуляций. Низкая явка на муниципальные выборы и довыборы поднимает вопрос о легитимности избранных органов и должностных лиц, так как сложно говорить о ней, когда победитель выборов получает возделенный пост, заручившись поддержкой лишь менее чем четверти избирателей, включенных в списки. Образ власти в глазах местного сообщества не позволяет ей получить широкую поддержку населения, власть сталкивается с заведомым скептицизмом граждан по отношению к любому своему начинанию. Граждане начинают искать в любом проекте власти скрытые механизмы ее обогащения, а в любых ее высказываниях – скрытые негативные мотивы и действия.

Исследования показали, что в последние 12–13 лет усиливается отчуждение местного сообщества от участия в осуществлении местного самоуправления, муниципальной власти. Внешне данная тенденция проявляется в угасании интереса граждан к местным выборам и низкой явке на них, в недоверии или отсутствии интереса проектам и планам местных властей и в другом. Местная власть так и не стала для граждан «своей», местные политики не стали «народными представителями».

Для сокращения разрыва между местной властью и местным сообществом потребуются существенные усилия обоих субъектов. Граждане должны требовать большей открытости и ответственности власти, а органы местного самоуправления терпеливо поддерживать проявления «низовой» активности местного сообщества.

Органам муниципальной власти следует проводить более открытую политику, особенно в отношении муниципальных программ, проектов, расходов на социальные нужды. Чем выше уровень открытости, тем больше возможностей имеет местное сообщество по контролю деятельности муниципальной власти. Усиление учета мнения местного сообщества по многим вопросам пошло бы на пользу местной власти. Но даже в вопросе переименования улиц местная власть предпочитает игнорировать мнение населения, хотя постепенно пытается взаимодействовать через более мобильные электронные каналы: блоги, сайты, форумы, осознавая, что влияние нетрадиционных форм информирования и обратной связи будет возрастать.

Имидж власти помогло бы изменить и усиление ответственности, как за принятие решений, так и за их исполнение. Фактически ответственность за провал муниципальных проектов, программ, за срыв сроков, низкое качество услуг не наступает. Местное сообщество не видит персонализации и неотвратимости ответственности, поэтому и дает невысокую оценку власти, сомневаясь в ее способностях.

Библиографический список

1. Антипов А.Г., Антипов К.А. Коррупция в современном российском обществе: состояние и борьба с ней // Вестник Перм. ун-та. Сер.: Юридические науки. 2013. № 1. С. 8–13.
2. Тимофеев Н.С. Бремя власти пора переложить на народ // Местное право. 2011. № 3. С. 3–10.
3. Галенко В. Портрет российского чиновника, или За что мы так не любим власть // Свободная пресса. 2009. 16 окт. URL: <http://svpressa.ru/all/article/15574/>
4. Никулин П. Половина россиян мечтает работать чиновником // Свободная пресса. 2010. 5 июля. URL: <http://svpressa.ru/society/article/27413/>
5. ВЦИОМ: Россияне считают местные органы власти наиболее коррумпированными // Взгляд. Деловая газета. 2012. 29 нояб. URL: <http://vz.ru/news/2012/11/29/609425.html>
6. Москалев А.В., Бусыгин Л.И. Некоторые аспекты выборности глав муниципальных образований и роли населения в местном самоуправлении. // Вестник Перм. ун-та. Сер.: Юриспруденция. 2011. № 3. С. 30–36.
7. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2012 год / Общественная палата РФ. М., 2012.

S.V. Kirbitova
Municipalities – Joint Stock
Companies: Relating the
Concepts and Features

The comparison of municipalities and joint stock companies is drawn in order to identify their common and specific features. The research is based on the analysis of the main Federal laws regulating the activities of municipalities and joint-stock companies in Russia.

Key words and word-combinations: municipality, local government, public corporation.

Сопоставляется муниципальное образование и акционерное общество с целью выявления общих и специфических признаков. Исследование опирается на анализ основных Федеральных законов, регулирующих деятельность муниципальных образований и акционерных обществ в России.

Ключевые слова и словосочетания: муниципальное образование, местное самоуправление, открытое акционерное общество.

УДК 352/353
ББК 66.3(0),124

С.В. Кирбитова

МУНИЦИПАЛИТЕТ –
ОТКРЫТОЕ АКЦИОНЕРНОЕ
ОБЩЕСТВО: СООТНЕСЕНИЕ
ПОНЯТИЙ И ПРИЗНАКОВ

Решение проблемы эффективной организации деятельности муниципалитетов – одна из ключевых задач нашего государства и важное направление реализации государственной политики Российской Федерации в области местного самоуправления.

Повышение эффективности местного самоуправления – комплексная задача, предполагающая решение ряда проблем и применение системы методов управления. Представляется необходимым рассмотреть возможность применения механизма корпоративного управления в рамках муниципального образования, что входит в рамки организационного направления повышения эффективнос-

ти. Для этого необходимо соотнести признаки муниципальных образований с признаками акционерных обществ, в которых практика корпоративного управления укоренилась и имеет положительный опыт.

Нередко при изучении особенностей функционирования и организации местного самоуправления исследователи проводят параллель между открытым акционерным обществом и муниципалитетом [1, с. 129–131; 2]. Корпоративные составляющие муниципального образования отмечались еще Максом Вебером: «В средние века город был скрепленной клятвой “коммуной” и считался в правовом смысле “корпорацией”» [3, с. 340–341]. Н.В. Постовой, раскрывая специфику местного самоуправления, отмечает: «Как частная корпорация община имела свое имущество, свое хозяйство, свой бюджет, улицы, дороги, водные пути, здания. Она владела также землей. По существу дела, общине принадлежало имущество, предназначенное для общественных потребностей» [4, с. 22–23]. Основанием необходимости применения инструментов корпоративного управления является наличие в обеих формах «агентской» проблемы, возникающей по причине отделения функции управления и распоряжения собственностью от собственника и передачи этой функции другим лицам или органам управления.

Для того чтобы грамотно применять механизмы корпоративного управления на муниципальном уровне, необходимо выявить области его применения, корректировки в силу специфичности обеих форм организации. Опираясь на российское законодательство, определим специфику, а также выявим общие черты в организации деятельности муниципальных образований и открытых акционерных обществ.

Сначала выделим общие, схожие черты этих двух форм организации деятельности человека. Во-первых, это ограниченная ответственность участников: ни акционеры открытого акционерного общества, ни население муниципального образования не отвечают по долгам акционерного общества или муниципального образования [5, ч. 6, ст. 96; 6, п. 1 ст. 2]. Во-вторых, в качестве основного учредительного документа в обоих случаях является устав акционерного общества либо муниципального образования [5, ч. 6, ст. 98; 7, ст. 44]. В-третьих, количество участников открытого акционерного общества и муниципального образования не ограничено, исключения составляют особые территории муниципальных образований (пограничные зоны, закрытые военные городки, закрытые административно-территориальные образования и пр.) [6, п. 2 ст. 7; 8, ст. 8]. В-четвертых, участниками или учредителями акционерного общества либо жителями муниципального образования могут быть любые лица [6, ст. 66; 7, ст. 8, ст. 2]. В-пятых, на обе формы – и на акционерное общество, и на муниципальное образование – возложена необходимость публичного ведения дел [5, ст. 97; 6, ст. 92]. В-шестых, инициатива создания и оформления муниципального образования является исключительно коллективной (в лице населения) [7, ст. 12–13]. То же самое можно сказать и об акционерном обществе [6, п. 1 ст. 9], разница лишь в том, что в акционерном обществе не исключена единоличная инициатива, что на практике реализуется крайне редко, а также в случае с муниципальным образованием количество инициаторов значительно больше.

В-седьмых, как и в акционерном обществе, в муниципальном образовании выделяют представительные (волеизъявляющие), исполнительные (волереализующие) и контрольные органы управления [6, гл. 7, 8, 12; 7, гл. 6]. В акционерном обществе волеизъявляющим органом являются: наблюдательный совет, председатель наблюдательного совета; волереализующими – директор, генеральный директор, правление или дирекция; контрольным органом – ревизионная комиссия и аудитор общества [6, ст. 64, 69, 70, 85, 86]. В муниципальном образовании волеизъявляющим выступает представительный орган, являющимся юридическим лицом, глава муниципального образования; к волереализующим органам относятся глава муниципального образования, глава местной администрации, местная администрация, которая также обладает правами юридического лица; контрольные функции выполняет контрольно-счетный орган муниципального образования [7, ст. 35–38].

Кроме этого, необходимо отметить, что принудительное исключение участника ни из акционерного общества, ни из муниципального образования практически невозможно. Для акционерных обществ в Законе есть оговорка: «Акционер, полностью оплативший приобретенные акции (либо получивший их в порядке правопреемства), ни при каких условиях не может быть исключен из акционерного общества» [6, ст. 7]. На муниципальное образование распространяется действие Закона «О гражданстве Российской Федерации»: «Гражданин Российской Федерации не может быть лишен гражданства Российской Федерации или права изменить его. Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан иностранному государству» [9, п. 5–6 ст. 4].

Многообразие заинтересованных сторон – ключевая характеристика, которая и обуславливает необходимость применения корпоративного подхода в управлении акционерным обществом и муниципальным образованием. У акционерного общества основными заинтересованными сторонами являются акционеры, менеджеры, работники АО, кредиторы, государственные органы, бизнес-круги и т.п.; у муниципального образования – население, органы местного самоуправления, предприятия на территории МО и другие.

Проанализировав общие черты муниципалитета и акционерного общества, мы получили достаточное основание для того, чтобы предполагать возможность успешного применения основных инструментов корпоративного управления на уровне муниципального образования. Однако, как и любой другой подход, переносимый с одной системы на другую, корпоративный подход должен учитывать специфические черты обеих систем, с тем чтобы адаптация произошла более органично и привела к ожидаемому эффекту.

Среди отличительных признаков акционерного общества и муниципального образования как форм организации деятельности человека выделим ключевые.

Правоспособность у акционерного общества общая, то есть цели деятельности акционерного общества жестко не регламентированы [5, ст. 49], тогда как у муниципального образования правоспособность специальная, цели и направления деятельности заранее определены и регламентированы [7, гл. 3].

В акционерном обществе выделяют стратегических акционеров-инвесторов

и спекулянтов, портфельных и прямых инвесторов, мажоритариев и миноритариев, владельцев привилегированных акций и простых акций. В муниципальном образовании совсем другая классификация: участники в основном подразделяются по социально-демографическим критериям (пол, возраст, род занятий), отдельно выделяются льготные категории, имеющие льготы по уплате налогов, оплате ряда услуг, получающие помощь.

Право собственности на переданное акционерному обществу имущество акционеры этого общества теряют взамен на право получения дивидендов (имущественная обособленность) [5, ст. 48]. В муниципальном же образовании, по сути, его население номинально является собственником всего имущества этого образования и пользуется результатами деятельности.

Выход из числа участников акционерного общества весьма прост – путем отчуждения или продажи своих акций, при этом участник не несет существенных издержек. Акционер не может потребовать от общества никаких выплат или выдач, только компенсацию за отчуждаемые акции [6, ст. 75]. Механизм выхода из числа жителей муниципального образования значительно сложнее. Выход из муниципального образования обычно реализуется через переезд, реализацию жилой недвижимости, при этом Конституцией РФ определено, что «каждый имеет право свободно передвигаться по территории Российской Федерации» [10, п. 1 ст. 27]. Выход осложняется как материальными, так и морально-психологическими факторами. С одной стороны, любой переезд требует затрат времени, финансов, а с другой – возникает необходимость адаптации на новом месте, поиска работы и прочего. В случае переезда житель муниципального образования не может потребовать никаких выплат и компенсаций.

Оценка привлекательности инвестирования и приобретения акций акционерного общества осуществляется по таким рыночным критериям, как динамика чистой прибыли, дивидендов, объема рынка сбыта, стоимости чистых активов. Привлекательность муниципального образования оценивается больше по социальным критериям – степени развитости муниципальной инфраструктуры и муниципальных услуг.

Финансовой основой акционерного общества являются собственные средства: уставный капитал, прибыль АО, фонды и чистые активы. Уставный капитал акционерного общества разделен на определенное количество одинаковых долей, выраженных акциями. Участники акционерного общества однократно осуществляют вклад в акционерный капитал в форме приобретения акций. Прибыль акционерного общества формируется по результатам его деятельности [6, ст. 25, 35, 42]. У муниципального образования основу финансов образуют средства самообложения граждан, местные налоги, доходы от муниципального имущества, часть прибыли муниципальных предприятий, штрафы [7, ст. 55], внебюджетные фонды. Муниципальный бюджет формируется из налогов и неналоговых платежей [11, ст. 41]. Жители муниципалитета, в отличие от акционеров, регулярно вносят вклад в виде уплаты налогов в местный бюджет. Прибыль муниципального образования зависит от результатов деятельности муниципальных предприятий.

Для акционерного общества внешними источниками финансирования явля-

ются в основном заемные средства [6, ст. 33], кредиты, инвестиции. У муниципального же образования большую часть внешних источников занимают трансферты из вышестоящих бюджетов, меньшую – заемные средства, а также добровольные пожертвования [7, ст. 55, 60–64]. Выгоды акционеров акционерного общества реализуются через получение дивидендов (обычно в денежной форме), которые выплачиваются регулярно, единожды за период (кварталё полугодие, девять месяцев, финансовый год). Примечательно, что дивиденды выплачиваются с прибыли после налогообложения общества (чистая прибыль) [6, п. 1–2 ст. 42]. Жители муниципалитета получают выгоды по мере появления в них необходимости в течение всего периода, по большей части в виде общественных благ и услуг. При этом выгоды создаются за счет расходов местного бюджета [12, ст. 65] и муниципальными организациями в виде благ и услуг.

Доля акционера в акционерном капитале общества зависит от количества приобретенных акций, поэтому в акционерном обществе может быть концентрация разных объемов акций, что свидетельствует о неравномерности распределения долей участников. В случае же с муниципальным образованием долевое распределение невозможно, поскольку общественные блага не делятся на доли и доступны всем без исключения. Территориальная принадлежность акционерного общества определяется весьма условно – по юридическому адресу, указанному в уставе общества. По сути, деятельность акционерного общества никак территориально не ограничивается. Территориальная принадлежность муниципального образования, наоборот, строго определена [7, ст. 11].

Решение стратегических вопросов в акционерном обществе осуществляется в основном путем голосования на общем собрании акционеров [6, ст. 48], в муниципальном образовании – через проведение местного референдума, муниципальных выборов, голосование, сход граждан [7, гл. 5]. Передача полномочий по управлению в акционерном обществе осуществляется по решению общего собрания, при этом полномочия исполнительного органа могут быть переданы наемному управляющему (индивидуальному предпринимателю или коммерческой организации – «управляющей компании»), с которым заключается соответствующий гражданско-правовой договор [5, п. 3 ст. 103; 6, п. 1 ст. 69]. В муниципальном образовании передача полномочий не предусмотрена; кроме того, на главу администрации муниципального образования распространяются запреты для муниципального служащего [12, ст. 14].

Вариантов в формах организации у открытого акционерного общества не предусмотрено, тогда как муниципальное образование может быть организовано в следующих формах: городское, сельское поселение, муниципальный район, городской округ, внутригородская территория городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга [7, п. 1.1 ст. 10]. Преобразование акционерного общества возможно в другую организационно-правовую форму хозяйствования, имеющую принципиальные отличия в организации капитала, – в общество с ограниченной ответственностью, в производственный кооператив с соблюдением требований, установленных федеральными законами, а также по единогласному решению всех акционеров в некоммерческое партнерство [6, ст. 20]. Муниципальное образование может преобразовываться путем изменения стату-

са городского поселения в связи с наделением его статусом городского округа либо лишением его статуса городского округа, при этом оно не прекращает быть муниципальным образованием и общие подходы к организации капитала сохраняются [7, ст. 13].

Формой волеизъявления в акционерном обществе является голосование на общем собрании акционеров [6, ст. 47], тогда как в муниципальном образовании предусмотрено большее разнообразие форм волеизъявления: референдум, выборы, голосование, сход, опрос, собрание, конференция граждан, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания [7, гл. 5].

Целый ряд отличительных признаков открытого акционерного общества и муниципального образования свидетельствует о том, что анализируемые формы организации деятельности человека хоть и схожи по целому ряду существенных признаков, но есть множество нюансов, которые обязательно необходимо учесть при переносе положительного опыта корпоративного управления на муниципальный уровень. Наличие отличительных характеристик требует корректного применения подобного опыта с учетом общественной специфики.

Библиографический список

1. *Бабун Р.В.* Глава 3: Концепция муниципального управления // Система муниципального управления: учебник для вузов / под ред. В.Б. Зотова. СПб., 2005.
2. *Борисов В.А.* Муниципальная корпоративная культура // Связи с общественностью в муниципальной политике: сб. статей / под ред. В.Э Гончарова. URL: <http://dvo.sut.ru/libr/soirl/i204gonc/5.htm>
3. *Вебер М.* Город // *Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/vebobr/
4. *Постовой Н.В.* Местное самоуправление: проблемы и перспективы. М., 2002.
5. Гражданский кодекс РФ от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 3 июля 2013 г.). URL: <http://www.gzkodeks.ru/>
6. Об акционерных обществах: Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. от 5 апр. 2013 г.). URL: <http://www.consultant.ru/popular/stockcomp/>
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 19 апр. 2013 г.). URL: <http://www.consultant.ru/popular/selfgovernment/>
8. О праве граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации: Федер. закон от 25 июня 1993 г. № 5242-1-ФЗ (в ред. от 30 дек. 2012 г.). URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=140260>
9. О гражданстве Российской Федерации: Федер. закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (в ред. от 2 июля 2013 г.). URL: http://base.garant.ru/184539/1/#block_100
10. Конституция РФ от 12 дек. 1993 г. (в ред. от 30 дек. 2008 г.). URL: <http://www.rg.ru/2009/01/21/konstitucia-dok.html>
11. Бюджетный кодекс РФ от 31 июля 1998 г. № 145 (в ред. от 3 июля 2013 г.). URL: <http://www.consultant.ru/popular/budget/>
12. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федер. закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (в ред. от 7 мая 2013 г.). URL: <http://www.rg.ru/2007/03/07/sluzhba-dok.html>

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

T.P. Rynkovoy
**Technologization of Government
in Ukraine in the Context
of Social and Political
Transformations**

Major tendencies of using managerial technologies in political sphere and activities of public authorities in Ukraine are analyzed.

Key words and word-combinations: political technologies, social sphere, public administration, Ukraine.

Анализируются основные тенденции использования управленческих технологий в политической сфере и деятельности органов государственной власти в Украине.

Ключевые слова и словосочетания: политические технологии, социальная сфера, государственное управление, Украина.

УДК 323(477)
ББК 66.3(4Укр)

Т.П. Рынковой

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Социальная сфера – относительно самостоятельная среда жизнедеятельности общества, охватывающая отношения между различными социальными слоями, а также внутри их, между отдельными личностями, занимающими разное положение в обществе и принимающими различное участие в его жизни. Социальная сфера с позиции государственного управления – это совокупность отраслей, предприятий, организаций, которые непосредственно связаны и определяют способ и уровень жизни людей, их потребление (образование, культура, охрана здоровья и т.д.) и благосостояние [1, с. 659].

Возникает необходимость поиска форм решения, адекватных заданиям социального управления на новом этапе развития общества, и, как следствие, формулируются новые

требования к профессионализму государственных служащих, в чьих руках находятся рычаги управления социальными процессами. В настоящих условиях приобретает актуальность определение особенностей применения в современной общественной деятельности и управлении технологий как способа максимально эффективного использования материальных, технических и человеческих ресурсов для получения желаемого результата деятельности.

Социальная технология, по определению ряда специалистов, – это совокупность методов и приемов, применение которых является результативным во взаимодействии между людьми. Шире социальная технология трактуется как последовательность этапов социального взаимодействия, в ходе которой каждый субъект, принимающий участие во взаимодействии, реализует собственную управленческую стратегию относительно других и формирует социальную деятельность. Социальные технологии используются также в таком особом виде социальной инновационной деятельности, как управленческий консалтинг. Можно определить социальную технологию как структуру коммуникативных влияний, изменяющих социальные ситуации или социальные системы, в том числе и отдельного человека как единую социальную систему [2–4].

Основная цель использования социальной технологии состоит в оптимизации общественных отношений, их функционировании и развитии, жизнедеятельности социального организма в целом, а также разработке механизмов согласования интересов разных социальных групп. Целесообразно определять эту технологию как онтологический феномен, как знание и как важный элемент механизма социального управления. Как онтологический феномен социальная технология представляется общественно произведенным и закрепленным историческим опытом, своеобразным механизмом взаимодействия разных социальных групп, а также отношений человека и общества – в традициях, обычаях, праве, государственном устройстве, семейно-бытовых отношениях, общественном мнении и т.п.

Социальная технология как знание – это научное осмысление конкретных механизмов функционирования и развития общества, с учетом сложного соединения материальных, духовных, политических, правовых, национально-этнических, социально-культурных и других факторов. Как элемент механизма социального управления социальная технология выступает средством перевода требований объективных законов на язык практики социального управления и конкретных решений (нормативно-правовых актов, нормативных документов, указаний и т.п.), которые стимулируют людей к достижению поставленных целей. Современные тенденции позитивного развития социальных технологий заключаются в смещении акцентов с «обработки человека» на управление общественными отношениями – как с помощью методов согласования интересов разных социальных групп и конструктивного решения конфликтов, так и с помощью проектирования и эффективного использования объективных социальных регуляторов – социальных институтов [1, с. 659–660].

Социальная технология – это определенный способ достижения общественных целей. Ее суть заключается в поэтапном осуществлении деятельности, когда операции разрабатываются заранее, сознательно и последовательно, на основе

научных знаний. По М. Маркову, социальная технология – «это способ реализации конкретного сложного процесса путем деления его на систему последовательных взаимозависимых процедур и операций, которые выполняются однозначно» [3, с. 31].

При реализации социальной технологии субъект управления не так жестко прикован к управлению этапностью процедур и операций, как в сфере производства. Диапазон отклонений от технологической схемы у него значительно больше, чем на производстве. Но существует и определенная грань таких отклонений, при которой творческий подход переходит в субъективизм и неизбежно приводит к снижению эффективности государственного управления или же к результату, противоположному ожидаемому [2, с. 185–189].

Ранее украинское общество переживало процесс социального строительства, когда закладывались основы принципиально нового уклада общественной жизни, формировались основные его институты и организации, когда социальная организация общества находилась в процессе становления и еще только организационно закрепляла принципы, завоеванные социальной революцией. Сегодня этап социального строительства и свойственное ему становление – уже достояние истории. После того как основные социальные организации и институты общества сложились и исторически определились, задача социального строительства постепенно сменяется задачей социального управления.

Сложившаяся социальная организация не остается статичной, она постоянно трансформируется под воздействием исторических условий и человеческой деятельности и вызывает необходимость управления этим процессом исторического движения социальной организации общества. Социальное руководство, регулирование организации и управление нельзя считать новыми для государственного управления. По сути, они существовали давно, и соответственно перед ними выдвигались специальные задания социального управления и руководства.

Примерами таких видов деятельности могут служить «преобразования» объектов, конструирование, проектирование, научное исследование, руководство, управление, политика. Формы кооперации и организации в исходящих пунктах зависят от средств, процедур и объектов. Тем не менее после своего оформления они получают самостоятельность и конституируются в виде особых «организмов» и сфер деятельности. При этом каждый такой вид деятельности, с одной стороны, отделяется от других и противопоставляет себя в качестве особого и социально признанного вида, а с другой – все время «захватывает» и ассимилирует другие виды деятельности, как бы «вырывая» фрагменты других «организмов» и сфер деятельности и поглощая их.

Так, управление и руководство в структуре государственной службы приобретает черты политики, «присваивая» специфические технологии этого вида деятельности для решения своих непосредственных задач и тем самым расширяя свой управленческий арсенал.

Государственные служащие на Западе также осознают необходимость изменений в своей деятельности, связанных с усложнением сферы общественной жизни. Бывший исполнительный директор Международной организации мэ-

ров городов М. Кинг (США) говорил следующее: «Бывшая концепция, относительно которой каждый работник органов местного управления представляет интересы местного сообщества в целом и не реагирует на давление ведомств и групп, представляющих специальные интересы местного сообщества в целом, сегодня еще дальше от реальной практики, чем раньше... Сегодня глава местной администрации должен все чаще играть роль переговорщика и посредника... Политическая роль руководителя сегодня более важна и более трудна» [5, с. 76].

Усложнение структуры общественной жизни диктует новый тип задач для представителей государственной службы. Если в условиях стационарного общества любое действие государственной службы было строго нормировано и регламентировалось соответствующими инструкциями, то теперь управленческие команды в структуре государственного управления не только имеют право, но и обязаны самостоятельно решать широкий спектр заданий в рамках государственных программ. Последние, в свою очередь, выполняют функцию не жестких инструкций, а, скорее, целевых установок и рамок деятельности. Одна из таких рамок, несомненно, есть сама общественно-социальная система [6].

В Украине необходимость управления социальными процессами назрела давно, и во всех сферах осуществляются практические попытки совершить это управление еще в больших масштабах. Однако из-за отсутствия соответствующего понимания и необходимой теоретической базы эти попытки разворачиваются стихийно, в целом неэффективны и временами приводят к еще большей дезорганизации социальной жизни и систем воспроизводства, нежели это было ранее. Суть состоит в том, что разрозненные действия отдельных общественных организаций в решении социальных проблем не могут давать ощутимый результат без координации и поддержки их действий соответствующей функцией государственной службы. Рассматривая негосударственный, некоммерческий сектор как один из наиболее значимых ресурсов развития социальных систем, отметим, что государственная служба, на наш взгляд, должна при этом сохранить свои управленческие позиции в этой сфере. Это значит, что нужно с опережающими темпами внедрять и осваивать новые управленческие технологии и «научиться» при необходимости самостоятельно инициировать появление актуальных общественных проектов. Достижение этих целей и может сформировать необходимую базу для управления социальными процессами в Украине.

Таким образом, на новом этапе развития общества наиболее эффективны социальное партнерство и управление через проекты. В кризисных ситуациях, в период модернизации общества и его предыдущих состояниях, когда неизбежно возрастает роль стратегических поисковых усилий выхода из кризиса, эту функцию, как правило, выполняют социальные программы, проекты, которые способны определить оптимальное соотношение стратегических и тактических заданий, поступательность их достижения. Данные формы социального управления дают возможность оптимизировать общественные отношения, их функционирование и развитие, жизнедеятельность социального организма в целом.

Социальная технология как элемент механизма социального управления выступает средством своеобразного перевода требований объективных законов на язык практики социального управления и конкретных решений, направленных

на стимулирование людей к достижению поставленных целей. Поэтому современные тенденции развития социальной технологии смещают акцент в сторону управления общественными отношениями. Следовательно, последующие исследования стоит вести в направлении разработки подходов к становлению управленческих технологий, что является результатом утверждения системного подхода в управлении, его научного осмысления.

Украинское общество сегодня нуждается в разработке соответствующей теоретической базы для преодоления стихийности и неэффективности управления социальными процессами.

Библиографический список

1. Энциклопедический словарь по государственному управлению / сост.: Ю. Сурмин, В. Бакуменко, А. Михненко [и др.]; под ред. Ю. Ковбасюка [и др.]. Киев, 2010.
2. Государственное управление: основы теории, история и практика: учеб. пособие / В. Бакуменко, П. Надолишний, Г. Арабаджи / под общ. ред. П. Надолишнего, В. Бакуменко. Одесса, 2009.
3. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1983.
4. Философия политики: крат. энцикл. слов. / авт.-сост.: В. Андрущенко [и др.]. Киев, 2002.
5. Прикладная политология: учеб. пособие / под ред. В. Горбатенко. Киев, 2008.
6. Политическая аналитика в системе публичного управления: учеб. пособие / С. Телешун, С. Семин, А. Титаренко [и др.]; под ред. С. Телешуна. Киев, 2008.

M.V. Andriyashko
Implementing the State Family
Policy in the Republic of Belarus

The preliminary results of a campaign to reduce the number of children in boarding schools are analyzed. Shortcomings in the work of child welfare authorities concerning the placement of orphans are systematized.

Key words and word-combinations: orphans and children left without parental care; custody; guardianship.

Анализируются предварительные результаты кампании по сокращению численности воспитанников интернатных учреждений. Систематизированы недочеты в работе органов опеки и попечительства по устройству детей-сирот.

Ключевые слова и словосочетания: дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей; опека; попечительство.

УДК 66.3(0),4(4Бел)
ББК 316.334.3(476)

М.В. Андрияшко

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Республика Беларусь, являясь одним из первых государств, ратифицировавших Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 г. [1], придерживается курса на реализацию наиболее полной защиты прав несовершеннолетних, в связи с чем проводит активную государственную семейную политику [2], в том числе в направлении улучшения положения детей [3].

Действующими в обозначенной сфере программными документами, в частности Про-

граммой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 г., определяется приоритетность создания условий в Республике Беларусь для воспитания детей-сирот в семейной среде путем государственной поддержки семейных форм устройства сирот, организации эффективной работы детских деревень, семейных детских домов [4].

Увеличение удельного веса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях, до 80% в общем числе детей данной категории является ожидаемым результатом реализации другого программного документа – Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 г. [5]. Одной из задач этой программы является создание условий для сокращения социального сиротства путем развития семейных форм устройства на воспитание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [5].

По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, на 1 января 2013 г. насчитывалось 23 831 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, из них в семьях воспитывалось 18 602 ребенка [6], или 78% от общего числа детей сиротской категории [7]. Формально можно сделать вывод об успешности предпринимаемых государственными органами действий, направленных на удовлетворение целевых программных требований, и реальном сокращении численности детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в интернатных учреждениях.

Преимущественно уменьшение численности воспитанников интернатов в Республике Беларусь достигнуто посредством оптимизации интернатных учреждений: ликвидации и репрофилирования. В период с 2008 по 2012 г. закрыто 27 интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 9 – реорганизованы. По данным за 2012 г., в системе образования функционировало 44 интернатных учреждения (27 детских домов, 10 школ-интернатов для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, 7 вспомогательных школ-интернатов) [8]. Вместе с тем, по справедливому замечанию прокурора Могилевской области, сделанному в 2012 г., «в последние годы не отмечается значительный рост числа приемных семей по причине оптимизации сети функционирующих» [9].

С учетом указанного представляется целесообразным признать успешной кампанию по сокращению детских интернатных учреждений. Однако сокращением числа воспитанников интернатов не уменьшается удельный вес детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общем числе несовершеннолетних граждан Республики Беларусь. Путем сокращения воспитанников интернатов происходит перераспределение контингента детей сиротской категории, воспитывавшихся в интернатах, между существующими возможностями семейного устройства таких детей. Принимая во внимание сложную конъюнктуру форм семейного устройства, динамику законодательства в этой сфере, а также другие обстоятельства, следует признать преждевременными и поверхностными выводы об успешности кампании по сокращению численности воспитанников интернатных учреждений.

Проблемы в порядке организации, функционирования и прекращения устройства детей сиротской категории на семейное воспитание обусловлены объек-

тивными и субъективными причинами (ошибки специалистов отделов по охране детства в определении кандидатов в усыновители, опекуны, попечители, приемные родители). По субъективным причинам в 2010 г. в интернаты были возвращены 127 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (0,51% от числа таких детей, находившихся на семейном воспитании); в 2011 г. – 150 детей (0,51%) [10, с. 16; 11, с. 14].

В период с 2001 по 2010 г. отменено усыновление в отношении 107 детей по причинам сокрытия диагноза усыновленного ребенка, лишения родительских прав усыновителя, конфликтных отношений между биологическими детьми усыновителя и усыновленными детьми, наступления смерти одного из усыновителей и тяжелым заболеванием другого, аморального поведения усыновленного, психофизических особенностей усыновленного, отсутствия родительского авторитета [12].

С 2008 по 2011 г. в отношении 92 детей из приемных семей (9% от числа детей переданных за этот период в приемные семьи) досрочно расторгнуты договоры об условиях воспитания и содержания и трудовые договоры по причинам несоответствующих условий содержания, жестокого обращения, насилия, отсутствия взаимопонимания между воспитанниками и приемными родителями [10, с. 16; 11, с. 14]. В течение 2011 г. только в Минске были освобождены и отстранены от выполнения своих обязанностей 43 опекуна и попечителя и 16 приемных родителей, которые осуществляли свои обязанности в отношении 46 и 17 детей соответственно.

Анализ отчетов Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в сфере надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи позволил систематизировать по группам нарушения, допускаемые при устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и выделить: 1) нарушения в деятельности органов опеки и попечительства; 2) нарушения в деятельности опекунов и попечителей.

Случаями ненадлежащего выполнения органами опеки и попечительства обязанностей по устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являются: ненаправление или несвоевременное направление в учреждение «Национальный центр усыновления Министерства образования Республики Беларусь» информации о детях, подлежащих усыновлению; нарушение сроков выдачи актов обследования условий жизни кандидатов в опекуны и попечители, неполное выяснение их материального положения, жилищно-бытовых условий, микроклимата в семье; отсутствие необходимого контроля за целевым расходованием денежных средств, выделяемых на содержание приемных детей, подопечных детей, детей-воспитанников детских домов семейного типа; несоблюдение сроков и периодичности проведения контрольных обследований условий жизни усыновленных, подопечных, приемных детей и недостаточно полное выяснение психофизического и социального развития ребенка, трудностей и проблем в его воспитании.

Помимо перечисленных имеются случаи нарушения законодательства органами опеки и попечительства при заключении договоров об условиях воспитания и содержания детей. В частности, не всегда указывается срок, на который ребенок передается в приемную семью, либо трудовой договор с приемным родителем не всегда заключается на срок, предусмотренный в договоре об условиях воспитания и содержания ребенка, или вообще не заключается; допуска-

ются ошибки при оформлении трудовых отношений с приемными родителями и родителями-воспитателями; встречаются нарушения порядка предоставления отпусков приемным родителям.

Органами опеки и попечительства допускаются нарушения не только при совершении действий, предшествующих устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, но и в последующем. В частности, имеют место случаи несвоевременного и некачественного обследования жилых помещений, подлежащих закреплению за сиротами; необоснованного вынесения решений о непригодности жилья для проживания; несвоевременности постановки детей-сирот на учет нуждающихся в улучшении жилищных условий; истребования у родителей документов, подтверждающих уважительность причины их отсутствия, при установлении опеки или попечительства над детьми при временном отсутствии родителей; необоснованности и несвоевременности отстранения опекунов и попечителей при ненадлежащем выполнении ими обязанностей и другие.

Опекуны и попечители также допускают в своей деятельности нарушения, наиболее распространенными из которых являются: несвоевременность принимаемых мер к установлению причитающегося сиротам имущества и денежных средств; необеспечение сохранности закрепленных за сиротами жилых помещений и имущества; нарушение сроков при решении вопросов о наследстве и назначении пенсии по случаю потери кормильца; сдача внаем жилых помещений, закрепленных за детьми-сиротами, без предварительного письменного согласия органа опеки и попечительства и без зачисления на банковские счета детей денежных средств, получаемых от сдачи жилья.

Среди причин нарушения органами опеки и попечительства, опекунами и попечителями законодательства в исследуемой сфере следует выделить наличие коллизий и пробелов в законодательстве и необоснованно высокие темпы динамики законодательства.

Успешность развития отношений по поводу устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, зависит от предпринятых мер по устранению названных причин, качества исследований научных подходов к устройству детей сиротской категории на воспитание, полноты изучения положительного опыта применения законодательства в этой сфере за рубежом, а также возможности применения зарубежных технологий в отечественных реалиях.

Библиографический список

1. Convention on the Rights of the Child, New York, 20 November 1989. URL: http://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=IV-11&chapter=4&lan_g=en
2. Об утверждении Основных направлений государственной семейной политики Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь от 21 янв. 1998 г. № 46 (в ред. от 28 дек. 2007 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2008. № 5.
3. О Национальном плане действий по улучшению положения детей и охране их прав на 2004–2010 годы: постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 18 дек. 2003 г., № 1661 (в ред. от 16 дек. 2008 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2009. № 1.
4. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы: Указ Президента Респ. Беларусь от 11 апр. 2011 г. № 136 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2011. № 43.

5. Об утверждении Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 год: Указ Президента Респ. Беларусь от 11 авг. 2011 г. № 357 (в ред. от 12 сент. 2012 г.) // Нац. правовой Интернет-портал Респ. Беларусь. 2012. 14 сент.

6. Демографические процессы в 2012 году развивались позитивно: справка о ходе выполнения в 2012 году Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 годы / М-во труда и соц. защиты Респ. Беларусь. URL: <http://mintrud.gov.by/ru/demographia>

7. В белорусских семьях воспитывается 78% детей-сирот. URL: http://www.prof-press.by/belarus/news/society/116_74.html

8. Прус Е. В Беларуси активно развиваются семейные формы устройства на воспитание детей-сирот // БЕЛТА – Новости Беларуси. URL: http://www.belta.by/ru/person/comments/Raisa-Sidorenko_i_513826.html

9. Прокурором Могилевской области в Могилевский облисполком внесено представление об устранении нарушений законодательства о гарантиях по социальной защите детей-сирот // Генеральная прокуратура Респ. Беларусь. URL: <http://prokuratura.gov.by/main.aspx?guid=92200#doc>

10. Частная опека и охрана прав детей в Республике Беларусь по состоянию на 1 января 2012 г.: стат. сб. / М-во образования Респ. Беларусь. Минск, 2012.

11. Хмелевский В.М., Марчук Г.С. Проблемы социального сиротства в цифрах, 1993–2011 годы / под общ. ред. В.М. Хмелевского. Минск, 2012.

12. Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей: рез-ты обработки гос. стат. и ведомств. отчетности / ГИАЦ М-ва образования Респ. Беларусь. URL: <http://giac.unibel.by/ru/main.aspx?guid=16611>

13. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье: Закон Респ. Беларусь от 9 июля 1999 г. № 278-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 7 янв. 2012 г.) // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. 2012. № 9.

G.S. Ismailova
Features of Government
Decentralization in Uzbekistan:
Experiments and Reforms

The practical experience of decentralization in the Republic of Uzbekistan is studied. Features of public administration reforming are revealed.

Key words and word-combinations: public administration, decentralization, local authorities, reforms.

Исследуется практический опыт децентрализации в Республике Узбекистан. Показаны особенности реформирования государственного управления.

Ключевые слова и словосочетания: государственное управление, децентрализация, местные органы власти, реформы.

УДК 323(575.1)
ББК 66.3(5У36)

Г.С. Исмаилова

ОСОБЕННОСТИ
ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ
УПРАВЛЕНИЯ
В УЗБЕКИСТАНЕ:
ЭКСПЕРИМЕНТЫ
И РЕФОРМЫ

Децентрализация и развитие современной системы органов самоуправления стали основными компонентами переходного периода в Республике Узбекистан. В стране были

реструктурированы политический механизм, экономическая система, институты и практика управления, которые достались в наследство от предыдущего управления. Неоднозначная смена ориентиров и изменение скорости проводимых изменений характеризовали долгий процесс при создании новых местных органов публичной власти.

Реформу государственного управления невозможно проанализировать без учета системных трансформаций в целом. Однако аналитики сталкиваются не с линейными теоретическими характеристиками переходного процесса, а с хаотичным переплетением вопросов и событий, вызванных политическими, социальными и экономическими потрясениями, пережитыми странами постсоветского пространства. Основные характеристики по регионам можно относительно просто обобщить, но при изучении и сравнении отдельных процессов оказывается, что разные страны совершенно индивидуально реагировали на конкретные проблемы.

Узбекистан накопил собственный «позитивный и негативный» опыт в сфере децентрализации. Этот опыт имеет существенные особенности, обусловленные политическими, историческими, правовыми и культурными особенностями данного государства. Важно и то, что принцип децентрализации объективно можно рассматривать как закономерность, присущую практически любой управленческой системе.

После обретения независимости страна пережила острый и трудный период: серьезно осложнил обстановку ряд негативных тенденций, проявившихся в экономике. Ощутимо возросла нехватка товаров народного потребления. Усилилась инфляция. Заметно упала производственная и трудовая дисциплина. Все это привело к нарастанию социальной напряженности [1, с. 27].

Процессы реформирования и демократизации трех ветвей власти в Республике Узбекистан начались с момента завоевания независимости. Переход к рыночной экономике, обновление экономических отношений требовал осуществления институциональных преобразований, особенно в исполнительной сфере, это требовало создания соответствующей структуры управления экономикой. Необходимо отметить, что система центральных органов государственной власти и четкое разграничение полномочий между ними не могли получить положительную оценку в столь короткие сроки. Несмотря на то что было принято множество законов, в первые годы независимости большинство граждан их не придерживались.

Вопросы децентрализации государственного управления в Республике Узбекистан усилились его конституционным закреплением. Например, в Конституции Республики Узбекистан принцип децентрализации находит свое непосредственное выражение как на территориальном, так и на функционально-компетенционном уровне.

Так, в ст. 11 Конституции Республики Узбекистан закреплено, что система государственной власти основывается на принципе разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. В ст. 73 Конституции устанавливается, что «Республика Каракалпакстан самостоятельно решает вопросы своего административно-территориального устройства». Представительными орга-

нами власти в области, районах и городах (кроме городов районного подчинения, а также районов, входящих в состав города) являются Кенгаши народных депутатов, возглавляемые хокимами, которые, исходя из интересов государства и граждан, решают вопросы, отнесенные к их компетенции (ст. 99 Конституции Республики Узбекистан). «Органами самоуправления граждан в поселках, кишлаках и аулах, а также в махаллях городов, поселков, кишлаков и аулов являются сходы граждан...» (ст. 105).

Принцип децентрализации является объективной закономерностью для любой управляющей системы, поскольку управленческое воздействие невозможно осуществить строго централизованными силами единой системы. От формы государства и его специфических особенностей зависит только степень использования данного принципа или, точнее, приоритетное использование какой-либо одной из форм децентрализации – деконцентрации, делегирования или передачи власти.

С 1996 г. вопросам децентрализации в Узбекистане уделялось большое внимание. По мнению И.А. Каримова, «с позиций достигнутого, ставя перед собой задачи углубления демократических, политических реформ, мы должны исходить из необходимости достижения конечной цели – построение гражданского общества. То есть создание такого государственного и общественного устройства, когда сильная центральная власть концентрировала бы свои усилия на главных общенациональных функциях, к которым можно отнести оборону, государственную безопасность и безопасность граждан, правопорядок, внешнюю политику, формирование валютно-финансовой, налоговой систем, принятие законов и другие стратегические задачи развития общества. А решение остальных вопросов постепенно должно передаваться из центра на места, от органов государственной власти к общественным организациям и органам самоуправления граждан» [2, с. 124].

Одновременно с этим необходимо идти по пути предоставления максимальной свободы хозяйственным субъектам, свертывая вмешательство государства в их дела. Наиболее глубокие структурные изменения произошли в системе управления отраслями и отдельными сферами экономики. Многие предприятия союзного и союзно-республиканского подчинения в зависимости от профиля своей деятельности были объединены в государственные концерны. С расширением экономической самостоятельности предприятий государственные концерны были преобразованы в отраслевые ассоциации. В отраслях и сферах деятельности, имеющих общенациональное значение (туризм, транспорт, система кинофикации и др.), были созданы национальные компании.

В настоящее время наряду с отраслевыми и функциональными министерствами, госкомитетами осуществляют свою деятельность различные ассоциации, концерны, корпорации, национальные компании, холдинговые компании. В соответствии с Законом «О реорганизации местных органов власти Республики Узбекистан» с января 1992 г. на областном, районном и городском уровнях учрежден институт хокимов, возглавляющих представительную и исполнительно-распорядительную власть на местах.

Согласно Указу Президента Республики Узбекистан от 9 декабря 2003 г. «О

совершенствовании системы республиканских органов государственного управления» упразднены дублирующие друг друга министерства, ведомства, государственные организации [3, ст. 229]. В результате упразднены 27 органов государственного управления и хозяйственных объединений, ранее исполнявших различные функции государственного управления, остальные хозяйственные объединения лишены полномочий органов государственного управления, существенно сокращено высшее звено управленческого аппарата (более 20 должностных лиц, имевших ранг министра и более 80, имевших ранг заместителей министра), а также сокращено около 40 тысяч государственных служащих, исполнявших административно-управленческие функции [4, с. 70].

В ходе реорганизации центральных органов государственного и хозяйственного управления многие их функции переданы местным органам государственной власти. Местные органы государственной власти выполняют функции, связанные с осуществлением контроля и надзора, выдачей лицензий, установлением стандартов, размещением ресурсов, оказанием государственных услуг, осуществлением мониторинга за их качеством и т.д.

Местные органы государственной власти также передают часть функций органам самоуправления граждан, неправительственным организациям. Местные хокимияты по тендеру передают городские маршруты перевозок пассажиров частным фирмам. «За январь – март 2011 г. межведомственной комиссией при хокимиятах размещены пассажирские маршруты через открытые тендеры; таким образом, 3689 направлений из 3738, то есть 98,7%, были размещены через тендер. В частности, в первой четверти 2011 г. всего был проведен 31 открытый тендер, были размещены 350 маршрутов, из них перевозчики были размещены: на восьми тендерах по 51 городскому маршруту, 21 тендере по 247 пригородным маршрутам и 20 тендерах по внутриобластным междугородним маршрутам и трех тендерах по междугородним – межобластным маршрутам» [5].

Сегодня многие предприятия розничной торговли, общественного питания и сферы услуг стали приватизированными, освободив местные органы государственной власти от участия в сугубо конкурентной сфере деятельности и соответственно позволив им сосредоточить все внимание на вопросах коммунального хозяйства.

Рациональность, эффективность и качество системы управления особенно отчетливо проявляются в переходный период, когда устаревшие, не отвечающие требованиям государственные институты сменяются новыми. В такие периоды стабильность в обществе может быть обеспечена лишь при условии продуманной стратегии демонтажа структур существующей системы и постепенной, логически последовательной замены их структурами более совершенными. Идея необходимости рационализации государственного управления, основанного как на сильной центральной власти, так и на достаточно объемной и самостоятельной власти регионов и местных сообществ, утверждалась долго, весьма полемично и до сих пор не получила своего завершения.

Центральное правительство передало на местный уровень решение жилищных проблем: ремонт многоквартирных домов, всестороннее содержание жилья, и принятие ответственности за сбор оплаты коммунальных услуг. Таким обра-

зом возникли типичные формы и принципы приватизации: продажа бывшей государственной собственности сразу же привела к снижению государственной ответственности и сужению спектра коллективных услуг. Простая форма приватизации отражала тот факт, что на первых порах лишь сократились объемы государственной ответственности. Для быстрого и успешного проведения приватизации были установлены символические цены на недвижимость, а также льготы определенному слою населения. Только начальная цена покупки была низкой, но в дальнейшем их ожидали многочисленные затраты: «В типичных узбекских дворах и домах... строение довоенных построек было настолько ветхим, что не подлежало ремонту, без центрального отопления, водопровода, газа и канализации, где в двух-трех комнатах ютятся несколько семей, где на человека приходится 2-3 квадратных метра площади» [1, с. 79]. Положение надо было поправлять самым экстренным, самым необычайным образом.

С социальными последствиями политики приватизации местные органы государственной власти столкнулись сразу же, если учесть, что большинство новых собственников оказались семьями с низким уровнем доходов. Проблема содержания коммунального жилищного фонда стала проблемой номер один.

Разграничение внутригосударственных полномочий теоретически основывается на разных критериях. Например, услуги населению должны предлагаться на ближайшем к ним административном уровне, с учетом эффективности затрат на оказание услуг этими территориальными единицами, у которых есть и финансовые средства, и инфраструктура для предоставления услуг. Таким образом, вместо жилищно-эксплуатационных контор (ЖЭК) созданы товарищества собственников жилья. Хозяйственные отношения местных государственных органов власти с предприятиями, не находящимися в муниципальной собственности, строятся на договорной основе.

Итак, в Узбекистане децентрализация публичного управления, безусловно, состоялась. Но, как и во всяком реформируемом государстве, пока еще не найдена та оптимальная степень сочетания децентрализации и иных методов управления, которая позволила бы говорить об эффективности, рациональности, экономичности и, главное, о высоком качестве публичного управления, как в целом на общегосударственном уровне, так и его составляющих на региональном и местном уровнях.

Библиографический список

1. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости. Ташкент, 2011.
2. Каримов И.А. Мыслить и работать по-новому – требование времени. Ташкент, 1997.
3. Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2003. № 23.
4. Национальный доклад о человеческом развитии, 2005. Ташкент, 2006.
5. Доклад заместителя начальника Узбекского агентства автомобильного и речного транспорта Ш. Шавахובה на заседании коллегии агентства от 16 апр. 2011г. «Об итогах работы за январь – март 2011 года. URL: www.autotranse.uz

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

N.V. Kazantseva
**The Major Criminogenic Factors
Causing Commission of Crimes
Encroaching on the Freedom of
Worship and Religion in Russia**

The criminogenic factors causing commission of crimes encroaching on the freedom of worship and religion are analyzed. Their types and significance for the prevention of crimes encroaching on the freedom of worship and religion are investigated.

Key words and word-combinations: criminogenic factors, freedom of worship, religious crimes.

Анализируются криминогенные факторы, обуславливающие совершение преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания. Исследуются их виды и значение для предупреждения преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания.

Ключевые слова и словосочетания: криминогенные факторы, свобода совести, религиозные преступления.

УДК 343.9
ББК 67.51

Н.В. Казанцева

ОСНОВНЫЕ КРИМИНОГЕННЫЕ ФАКТОРЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА СВОБОДУ СОВЕСТИ И ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ В РОССИИ

Свобода совести и вероисповедания как одно из важнейших неотъемлемых прав человека и гражданина закреплена в ст. 28 Конституции РФ. Наличие данного права, прописанного законодательно, свидетельствует об уважении со стороны государства к многонациональному народу, проживающему на его территории, имеющему разное мировоззрение и религиозную принадлежность. В последнее время случаются попытки несоблюдения и нарушения данного права путем совершения правонарушений и преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания граждан.

В связи с этим возникает необходимость выявления детерминант, способствующих со-

вершению данных противоправных деяний на территории России. В криминологической науке принято выделять такие основания классификации детерминант преступности и отдельных видов преступлений, как механизм действия, уровень функционирования, содержание, сущность и природа их возникновения. По мнению В.Д. Малкова, механизм действия образуют три составляющие его части: причины, условия и криминогенные факторы [1, с. 99–100]. Следовательно, для комплексного научного исследования какого-либо преступного поведения и его последующего объяснения необходимо определить и изучить явления, способствующие его возникновению. В частности, речь идет об основных криминогенных факторах, обуславливающих совершение преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания в России.

Факторы, детерминирующие группу преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания в России, достаточно многообразны и сложны, так как помимо внешних составляющих имеют глубокую психоэмоциональную основу, что требует комплексного подхода к проблемам их последующей профилактики как на общесоциальном, так и на специально-криминологическом уровне. Изучение криминогенных факторов данной группы преступлений – одна из наиболее актуальных криминологических проблем, что обусловлено не только резким увеличением количества таких преступлений, совершаемых в нашей стране, их дерзким характером и способом совершения, но и повышенной степенью общественной опасности как для российского общества, так и для ряда других государств, где проживают множественные этнические группы населения с различным мировосприятием и мировоззрением, имеющих под собой религиозную основу.

Актуальность исследования криминогенных факторов, способствующих совершению преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания, подтверждается следующими фактами. Совершаемые в России преступления, посягающие на свободу совести и вероисповедания, стали предметом открытого обсуждения среди органов государственной власти, высказавших свою озабоченность негативными, в том числе политическими последствиями таких преступлений. Государственной Думой Федерального Собрания РФ 19 сентября 2012 г. сделано заявление о том, что государство осознает факт «накатившейся» на Россию волны преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания, опасность которых прежде всего заключается в их направленности на расслоение российского общества, утрату духовности и нравственных ценностей, разжигание межнациональных конфликтов [2].

Особое внимание на совершение преступлений, имеющих религиозную основу, обращает Президент России. В частности, выступая на расширенном заседании коллегии МВД России, глава государства назвал одним из современных приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов защиту прав и законных интересов граждан от преступных посягательств, борьбу с национальной и религиозной нетерпимостью, угрожающих единству и целостности страны [3]. Пиковой точкой значимости рассматриваемой проблемы стало принятие Федерального закона от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и

отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан» [4], который следует считать одним из важнейших «шагов» в борьбе с преступлениями, посягающими на свободу совести и вероисповедания.

С учетом изложенного подчеркнем, что выявление основных криминогенных факторов и исследование их влияния на совершаемые в России преступления, посягающие на свободу совести и вероисповедания, – задача, в настоящее время остро нуждающаяся в скорейшем и эффективном решении. Анализ данных факторов должен лежать в основе создания долгосрочных программ профилактического воздействия на такие преступления.

Прежде чем перейти к основным криминогенным факторам, обуславливающим совершение преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания, необходимо выяснить происхождение слова «фактор». Этимологически слово «фактор» является заимствованным (лат. factor – делающий, производящий), трактуется как причина, движущая сила какого-либо процесса, явления, определяющая его характер или отдельные его черты [5]. Факторы преступности, по мнению Т.В. Анафьяновой, представляют собой совокупность явлений, воздействующих на саму преступность. Они могут порождать, определять преступность, но могут и противодействовать ей [6]. В теории криминологии все факторы подразделяются на криминогенные и антикриминогенные. Среди них выделяются: социально-демографические, экономические, социально-психологические, социально-воспитательные, моральные, идеологические, организационно-управленческие, информационные, криминальные и т.д.

В научной литературе изучением криминогенных факторов преступности занималась целая плеяда известных деятелей науки, в их числе: А.А. Герцензон, А.И. Долгова, Э. Дюркгейм, В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец, Н.Ф. Кузнецова, Ч. Ломброзо, Г.М. Миньковский, К. Маркс, А.Б. Сахаров, Г.В. Шаргородский и другие. Однако глубокому анализу криминогенные факторы, способствующие совершению преступлений, посягающих именно на свободу совести и вероисповедания, не подвергались.

Лишь в последнее десятилетие данная проблема стала представлять интерес для юристов, социологов, психологов и ряда других специалистов. Среди современных научных исследований, проведенных в рамках рассматриваемой проблематики, следует выделить работу О.В. Старкова и Л.Д. Башкатова [7, с. 41]. Предлагаемая ими классификация криминогенных факторов построена с учетом комплексной специфики религиозных преступлений и базируется на двух основных уровнях: общесоциальном (в масштабе всего общества) и индивидуальном (на уровне личности), из которых вытекает ряд самостоятельных подуровней. Такую классификацию, по нашему мнению, можно использовать и в современных условиях для решения вопросов по профилактике и предупреждению преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания. Однако следует учитывать изменения различного социально-политического, экономического и правового характера, которые претерпела Россия за последние несколько лет. При этом требуется сделать поправку на тенденции сложившейся политико-религиозной обстановки в России, достаточно сложной и противоречивой.

Определение криминогенных факторов, порождающих рассматриваемые преступления, позволит не только разобраться в причинно-следственном комплексе таких деяний, но и разработать в дальнейшем конкретный механизм их предупреждения, адаптировав его с учетом современных условий развития российского общества.

На выявление данных факторов было нацелено проведенное в 2012–2013 гг. на территории Саратовской области комплексное междисциплинарное исследование, состоящее из нескольких самостоятельных методик. Во-первых, изучены материалы СМИ (радио, телевидение, Интернет), в которых упоминалось о различных детерминантах преступного поведения лиц, посягающих на свободу совести и вероисповедания граждан. Изучены статистические данные 17 материалов ГИАЦ МВД России (в период с 1990 по 2013 г.); материалы проверок уголовных дел МВД; опубликованные, а также неопубликованные материалы следственной и судебной практики по правонарушениям и преступлениям, направленным на воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповедания, связанные с надругательством над телами умерших и местами их захоронения, геноцидом против религиозной группы как таковой.

Проведен экспертный опрос 57 сотрудников правоохранительных органов, которым были заданы вопросы по проблемам, возникающим в ходе расследования уголовных дел данной категории преступлений, а также велось административное производство по аналогичным делам в рамках административных правонарушений. В качестве респондентов приняли участие сотрудники МВД (следователи (8), оперативные работники (13), дознаватели (17), участковые (13)); работники прокуратуры (4); судьи (2). Проведено фокусированное интервью 10 священнослужителей и 36 прихожан православных храмов, расположенных на территории Саратовской области (Храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, Храм в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали», Храм в честь Казанской иконы Божией Матери). Интервью ориентировано на сбор мнений по поводу факторов и причин преступлений и правонарушений, совершаемых в религиозной сфере, а также по поводу уровня веротерпимости граждан, отношения к другим религиям и религиозным течениям и т.д. Всем респондентам предложено назвать основные, по их мнению, обстоятельства в конкретной сфере (политической, социальной, экономической, правовой, идеологической), которые так или иначе могли оказать негативное влияние на противоправное поведение лиц в рассматриваемой проблеме.

Проведенное исследование позволило выявить несколько основных групп криминогенных факторов, способствующих совершению преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания в стране.

В первой группе сосредоточены факторы социально-демографического характера. Среди них: наличие многонационального состава России, на территории которой проживают более 194 народностей и этногрупп [8]; влияние миграционных процессов, происходящих в России; распространение таких явлений, как пьянство, наркотизм и проституция, снижающих уровень терпимости населения к другим религиям и религиозным течениям. Кроме того, невысокий культурный и образовательный уровень в вопросах конфессиональ-

ных отношений значительной части населения, и прежде всего молодежи, во многом связан с высоким ростом количества регистрируемых и действующих на территории России религиозных организаций. Так, по данным Росстата на 1 января 2012 г., в России зарегистрировано: 24 642 централизованные религиозные организации, 464 местных религиозных организаций, 202 духовно-образовательных учреждения, 440 монастырей и подворий, 272 религиозных учреждения [9].

Вторую группу образовали духовно-идеологические факторы: наличие недостатков в духовной и идеологической сфере жизни российского общества; искажение и утрата населением, что особенно проявляется в молодежной среде, общепризнанных норм поведения в обществе как социальной среде, и многолетних выработанных человеческих идеалов и принципов жизни; снижение уровня толерантности населения в целом, что отражается в росте уровня криминализации населения России.

Третью группу составили такие политико-экономические факторы, как неразрешение на ранних стадиях формирования некоторых социально-политических конфликтов, не нашедших конструктивного решения; отсутствие единой государственной системы мониторинга состояния конфессиональных отношений на основе комплексной (многофакторной) оценки конфликтности регионов и отдельных населенных пунктов с целью выявления и принятия мер по предупреждению возникновения конфликтных ситуаций и снижения уровня напряженности [10]; отсутствие качественной подготовки органов государственной власти и местного самоуправления по вопросам разрешения конфликтных ситуаций и противоречий, возникающих на религиозной почве; безынициативность к диалогу по вопросам, связанным с той или иной религиозной деятельностью на территории страны, проводимой между религиозными, культурными, национальными организациями и представителями органов власти, особенно на местном и региональном уровнях; высокий уровень коррупции в России, в том числе в связи с вопросами лоббирования интересов узкой группы населения в российском парламенте.

Следующей группой, особо выделяемой всеми категориями респондентов, являются информационно-пропагандистские факторы, а именно: провокационные действия, допускаемые отдельными СМИ (телевидение, радио, пресса, Интернет-ресурсы). Нельзя не сказать о роли сети Интернет, которая информирует, а также дезинформирует людей о событиях, происходящих в стране и за ее пределами. Достаточно часто публикуемая информация носит противоречивый характер и не всегда соответствует действительности, что, в свою очередь, искажает представление людей о сущности различных религий, исповедующих иные убеждения, приводит к акциям массовых протестов, погромов и убийств, как со стороны верующих, так и против них. В частности, это касается вышедшего в сентябре 2012 г. в сети Интернет фильма «Невинность мусульман». Это лишний раз подтверждает аксиому, что подобного рода конфликты, возникающие на религиозной почве и затрагивающие чувства верующих, не имеют государственных границ, в результате чего такие волнения охватывают разные государства, приносят немало ущерба, дестабилизируют внутривнутриполитическую и межгосударственную обстановку.

Опрошенные сотрудники правоохранительных органов выделили группу организационно-правовых факторов, включающих правовой нигилизм населения; недостатки организационно-технической деятельности в системе правоохранительных органов; низкий уровень раскрываемости данных преступлений; несовершенство системы криминологического предупреждения преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания; формальный подход. Кроме того, отмечались отсутствие достаточного уровня подготовки сотрудников правоохранительных органов к раскрытию, расследованию таких преступлений и проведению профилактической работы; низкий уровень доверия граждан к полиции; пробельность и нестабильность российского законодательства в данной сфере, отсутствие его достаточного толкования.

Таким образом, результаты исследования обнажают ряд серьезных и не решенных в нашей стране на сегодняшний день проблем разнородного характера. Приведенные криминогенные факторы, провоцирующие нестабильность религиозной атмосферы и веротерпимости в России, наглядно указывают на дестабилизацию внутренней социально-политической обстановки в стране, оказывающей непосредственное влияние на экономическую стабильность, что в комплексе ослабляет государство на внешнеполитической арене. Отметим, что выявление основных факторов, обуславливающих совершение преступлений, посягающих на свободу совести и вероисповедания в России, и их изучение с криминологической точки зрения позволит разработать механизмы предупредительно-профилактического воздействия на преступления, совершаемые в религиозной сфере.

Совершаемые в современной России преступления, посягающие на свободу совести и вероисповедания, имеют достаточно высокую степень социальной опасности, так как могут спровоцировать и другие преступления с вовлечением больших масс населения (беспорядки, вооруженные мятежи, геноцид). Это свидетельствует о необходимости скорейшего и эффективного решения данной проблемы путем применения мер, направленных на борьбу с данным видом преступлений, осложняемую высокой степенью их латентности.

Основные криминогенные факторы во взаимосвязи с детерминантами преступного поведения лиц, посягающих на свободу совести и вероисповедания, образуют своеобразную базу взаимозависимых явлений, определяющих «образ» данного вида преступлений. Следует учитывать, что данный вид преступлений, впрочем как и преступности в целом, имеет тенденцию претерпевать ряд изменений качественного и количественного характера в том или ином направлении, меняя свою природу и производя новые криминогенные факторы.

Библиографический список

1. Криминология: учебник / под ред. В.Д. Малкова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2006.
2. О защите религиозных чувств граждан Российской Федерации: проект заявления Государственной Думы. URL: <http://www.komitet2-22.km.duma.gov.ru>
3. Новости МВД. Выступление Президента В.В. Путина на заседании расширенной коллегии МВД. URL: <http://police-russia.info>
4. Рос. газ. 2013. 2 июля.

5. Толковый словарь Д.Н. Ушакова, 1935–1940. URL: <http://dic.academic.ru>
6. Анафьянова Т.В. Особенности социально-медицинской работы с лицами и группами девиантного поведения в регионе: учеб. пособие. URL: <http://www.monographies.ru>
7. Баикатов Л.Д., Старков О.В. Религиозные преступления: видовой состав, причины и условия, профилактика / под общ. ред. О.В. Старкова. М., 2000.
8. Российская государственная статистика. Народы и этногруппы России по данным Всероссийской переписи 2010 г. URL: <http://www.gks.ru>
9. Российская государственная статистика. Число религиозных организаций, зарегистрированных в РФ, на 1 января 2012 г. URL: <http://www.gks.ru>
10. Причины и факторы религиозного экстремизма в Республике Дагестан. URL: <http://charodinec.livejournal.com>
11. Антонян Ю.М. Преступное поведение (новые исследования): сб. науч. трудов / под общ. ред. Ю.М. Антоняна. М., 2002.

A.A. Savchenko
Topical Problems of Land
Reservation and Withdrawal
for Municipal Needs

Most topical problems of exercising the power to reserve and withdraw land for municipal needs at the current stage are considered. Ways of improving the legal institution of land reservation and withdrawal for municipal needs are proposed.

Key words and word-combinations: land reservation, withdrawal of land plots, local government, municipal needs.

Рассматриваются наиболее актуальные проблемы реализации полномочий по резервированию и изъятию земельных участков для муниципальных нужд на современном этапе. Предлагаются направления совершенствования правового института резервирования и изъятия земель для муниципальных нужд.

Ключевые слова и словосочетания: резервирование земель, изъятие земельных участков, органы местного самоуправления, муниципальные нужды.

УДК 347.243
ББК 67.407.1

А.А. Савченко

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
РЕЗЕРВИРОВАНИЯ
И ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ
УЧАСТКОВ
ДЛЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ
НУЖД

В условиях рыночной экономики земельные ресурсы выступают ключевым фактором социально-экономического развития как Российской Федерации в целом, так и муниципальных образований в частности. В связи с этим более эффективное использование земель могло бы существенно повысить уровень экономического и, как следствие, социального развития муниципалитетов, тем самым подняв общий уровень жизни местного населения. В то же время нельзя забывать, что земля является ограниченным ресурсом для муниципального образования и ограничены эти ресурсы территорией муниципального образования.

В последние годы проанонсировано множество государственных проектов, для использования которых требуется большой объем земель, зачастую находящихся не только в публичной собственности. На ближайшее время в бюджеты различных уровней заложено финансирование крупных инфраструктурных проектов: строительство автомагистралей, объектов энергетики, связи, а также объектов, необходимых для проведения крупнейших международных мероприятий (к примеру, строительство космодрома «Восточный» в Амурской области, проведение XXII зимних Олимпийских игр и XI зимних Паралимпийских игр 2014 г. в г. Сочи) [1, с. 43].

При реализации указанных проектов государство в лице специализированных органов и организаций сталкивается с двумя проблемами: проблемой дефицита земельных участков, подходящих для реализации поставленных задач, и проблемой многообразия видов прав на землю, где предполагается строительство. Одним из эффективных механизмов обеспечения управления земельными ресурсами выступает резервирование земель для государственных или муниципальных нужд.

Несмотря на то, что правовой режим резервирования земельных участков прописан в законодательстве слабее по сравнению с изъятием их для государственных и муниципальных нужд, резервирование используется гораздо чаще для удовлетворения различных публичных интересов, в том числе и при осуществлении градостроительной деятельности в муниципальных образованиях Российской Федерации.

На основании ст. 70.1 Земельного кодекса РФ резервирование земель для государственных или муниципальных нужд осуществляется в следующих случаях:

1) при необходимости изъятия, в том числе путем выкупа, земельных участков для государственных или муниципальных нужд в исключительных случаях, предусмотренных ст. 49 ЗК РФ;

2) в случаях, связанных с необходимостью размещения объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, объектов обороны и безопасности, созданием особо охраняемых природных территорий, строительством водохранилищ и иных искусственных водных объектов, объектов инфраструктуры особой экономической зоны, предусмотренных планом обустройства и соответствующего материально-технического оснащения особой экономической зоны и прилегающей к ней территории – исключительно земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности и не предоставленных гражданам и юридическим лицам.

Р.Г. Аракельян, рассматривая вопросы классификации резервирования земель в качестве особого вида земельно-планировочных мероприятий, выделяет долгосрочное резервирование земель под некоторые будущие государственные или местные нужды: например, при планировании создания крупных промышленных предприятий, аэропортов, новых населенных пунктов, при проектировании развития открытой и подземной добычи полезных ископаемых и т.п. [2, с. 36].

Однако представляется, что основания резервирования, предусмотренные ЗК РФ, охватывают как краткосрочное, так и долгосрочное резервирование в

зависимости от конкретных целей резервирования земельных участков, отраженных в решении о резервировании и планировочной документации субъекта РФ или муниципального образования. Выделять долгосрочное резервирование в качестве самостоятельного вида резервирования нецелесообразно, так как генеральный план сам по себе является документом, принимаемым на долгосрочную перспективу. Так, в настоящее время генеральные планы утверждаются на срок не менее чем 20 лет; в них может быть предусмотрен перспективный срок реализации до 30–40 лет [3].

В современной юридической литературе активно обсуждается проблема терминологического определения понятия «муниципальные нужды» как основания для резервирования и изъятия земель, причем в данном обсуждении можно выделить два направления: первое связано с предложением о необходимости замены в законодательстве термина «государственные и муниципальные нужды» термином «общественные нужды и цели»; второе – с необходимостью законодательного введения термина «градостроительные нужды».

Сторонником введения понятия «общественные нужды» применительно к изъятию земельных участков является Т.В. Дамбиева, которая утверждает, что ставить знак равенства между государственными и муниципальными нуждами и общественными нуждами нельзя. В правовом государстве возможно совпадение содержания этих понятий, но нельзя исключать возможность злоупотребления правом со стороны государства, так как интересы общества могут идти вразрез с интересами аппарата государственной власти [4]. Данная точка зрения отстаивается также И.С. Илюхиным [5, с. 108].

Однако с подобным подходом не согласны А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков и М.С. Сотникова, выделяющие две причины невозможности замены указанных терминов. Во-первых, от того, что термин «государственные и муниципальные нужды» будет заменен в Законе на «общественные нужды и цели», никаких препятствий для нарушения прав и свобод граждан недобросовестными чиновниками не возникнет. Во-вторых, расширение перечня оснований принудительного прекращения права частной собственности на земельные участки способно причинить на практике существенный вред охраняемым законом правам частных собственников [6, с. 156].

На наш взгляд, в предложении законодательного введения термина «общественные нужды» (но не замены терминологии) есть рациональное зерно применительно именно к местному самоуправлению. Согласно Федеральному закону о местном самоуправлении органы местного самоуправления действуют исходя из интересов населения. В настоящее время населению муниципальных образований предоставлено право реализации различных форм осуществления местного самоуправления, посредством которых оно может выступать инициатором решения конкретных социальных, экономических или иных проблем своего муниципального образования. К примеру, территориальное общественное самоуправление, реализуя свои полномочия, вправе выразить инициативу сооружения спортивного, лечебно-оздоровительного или иного социального объекта либо выразить мнение населения по вопросу, отвечает ли признакам «общепольности» принятое решение о резервировании или изъятии земель.

Научного обсуждения требует также предложение ряда ученых о введении термина «градостроительные нужды». По мнению В.П. Камышанского, остается неясным, может ли быть отнесена к числу муниципальных нужд реконструкция поселения [7]. В.П. Камышанский приводит в пример краевую целевую программу «Краснодару – столичный облик», принятую в 2006 г. Законодательным собранием Краснодарского края. Ее содержанием стала, в частности, реконструкция 210 кварталов центральной части города Краснодара. На наш взгляд, применяя системный анализ содержания ст. 49 и 70.1 ЗК РФ, можно сделать вывод об отсутствии необходимости особого отражения градостроительных нужд, так как в ст. 49 ЗК РФ предусмотрены, в частности, *иные обстоятельства в установленных федеральными законами или законами субъектов Российской Федерации случаях*. Таким образом, реализация органами государственной власти или местного самоуправления градостроительных полномочий, в том числе реконструкция поселения, предусмотренная генеральным планом муниципального образования, является законным основанием для резервирования земель и изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд.

Земельный и Градостроительный кодексы РФ предусматривают еще одну, на наш взгляд, важную гарантию от необоснованного ограничения прав субъектов земельных отношений при резервировании земель. Так, ч. 4 ст. 9 Градостроительного кодекса РФ запрещает принимать решение о резервировании земель, изъятии земель, переводе земель из одной категории в другую при отсутствии документов территориального планирования (за исключением особо оговоренных законом случаев). Положения указанной нормы направлены на недопущение злоупотреблений со стороны органов, наделенных властными полномочиями, при принятии решений, которые могут нарушить права владельцев конкретных земельных участков. В соответствии с Градостроительным кодексом РФ принятие документов территориального планирования осуществляется путем реализации процедур, обеспечивающих учет мнения населения и пресечение возможных конфликтных ситуаций.

Министерством регионального развития РФ в связи с предполагаемым вступлением в силу запрета на принятие органами государственной власти, органами местного самоуправления решений о резервировании земель и изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд при отсутствии документов территориального планирования было издано письмо от 26 июня 2012 г. № 15762-АВ/02, в котором Минрегион России убедительно просит принять необходимые меры по завершению подготовки документов территориального планирования в субъектах РФ и муниципальных образованиях до 1 января 2013 г. [8]. Однако указанный срок продлен для городских поселений до 31 марта 2013 г., для сельских поселений – до 31 декабря 2013 г.

Причина проста: в местных бюджетах зачастую просто отсутствуют средства, достаточные для реализации дорогостоящей процедуры подготовки документов территориального планирования. Выходом здесь может быть только дополнительное финансирование таких расходов из средств федерального бюджета или бюджета субъектов РФ. Именно так поступили органы государствен-

ной власти Ростовской области, выделив в период с 2007 по 2011 г. из областного бюджета по Фонду софинансирования расходов денежные средства на разработку генеральных планов и правил землепользования и застройки муниципальных образований в объеме 802,7 млн рублей [9].

На наш взгляд, в отношении городских (а особенно сельских) поселений необходимо на федеральном уровне разработать механизм организации помощи органам местного самоуправления в разработке градостроительной документации. Проблема отсутствия документов территориального планирования поселений характерна для большей части данного вида муниципальных образований, но она требует скорейшего решения. Роль документов территориального планирования чрезвычайно высока. Без официально утвержденных документов территориального планирования развитие поселения будет нестабильным, создавая неконтролируемый процесс застройки и в конечном счете препятствуя реализации программ перспективного развития поселений, нанося ущерб окружающей среде. С нашей точки зрения, данная проблема может быть решена путем оказания финансовой помощи муниципальным образованиям посредством предоставления бюджетного кредита (ст. 93.2 Бюджетного кодекса РФ) либо выделения целевых межбюджетных трансфертов.

Однако может сложиться ситуация, когда принимаются акты о резервировании земель, а документ территориального планирования утверждается позднее. Тогда, как указывает Г.Л. Землякова, документ территориального планирования будет иметь приоритет перед ранее принятым актом о резервировании земель, и такой акт должен быть приведен в соответствие с документом территориального планирования [10, с. 45].

В связи с этим возникает вопрос: законно ли основание для резервирования и изъятия земли в условиях фактической замены документов территориального планирования соответствующей инвестиционной программой? Существует мнение, что наличие программы – довольно условное основание для отказа в выкупе земли. «Любое решение местных властей можно обжаловать. И если суд сочтет основания для отказа недостаточно вескими... он примет решение в пользу фирмы. Даже в том случае, если на “вашей” земле планируют построить жилой дом или торговый комплекс, это еще не означает, что в суде вы проиграете» [2, с. 127–128].

Действительно, к настоящему времени данная позиция подтверждена соответствующей судебной практикой. Примером является постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24 сентября 2010 г. № 09АП-19718/2010 по делу № А40-56113/09-72-404, которым, в частности, подтверждено, что Закон г. Москвы от 25 июня 2008 г. № 29 «О городской адресной программе развития застроенной территории квартала № 804 “Камушки” Пресненского района г. Москвы на 2008–2009 годы» не может быть основанием для резервирования земель (т.е. фактически приравниваться к документам территориального планирования).

Следовательно, решение о резервировании земель или изъятии земельного участка для муниципальных нужд должно соответствовать документам территориального планирования, принятым в соответствии с Градостроительным ко-

дексом РФ. В противном случае будет считаться, что орган местного самоуправления не доказал отсутствие иных вариантов размещения объекта местного значения.

Анализ судебной практики показывает, что при подаче физическими или юридическими лицами заявлений об оспаривании решений об изъятии земельных участков для публичных нужд на том основании, что орган местного самоуправления не доказал отсутствие иных вариантов размещения объекта местного значения, в большинстве случаев суды отказывают в удовлетворении таких заявлений при условии соблюдения органами местного самоуправления процедуры, установленной законом. Однако существует и иная практика. Так, постановлением ФАС Восточно-Сибирского округа от 22 августа 2005 г. было признано недействительным распоряжение мэра г. Якутска об изъятии земельного участка со следующей мотивировкой: «Мэрией не доказано, что выкуп земельного участка с целью строительства детской площадки является исключительным случаем, предусмотренным ЗК РФ» [11].

Ряд исследователей также обращают внимание на необходимость в целях защиты прав и интересов физических и юридических лиц в каждом индивидуальном случае проверять компетенцию государственных органов и органов местного самоуправления, производящих изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд, а также иных лиц, действующих по их специальному поручению и от их имени. Дело в том, что орган местного самоуправления, обладая правом на принятие решения об изъятии земельных участков, а также правом на обращение в суд с иском о принудительном изъятии земельного участка, одновременно несет обязанности, в частности, соблюдать установленный законом порядок изъятия земельных участков для муниципальных нужд. Данное положение представляется чрезвычайно важным, так как органы местного самоуправления должны осознавать, что они, хотя и наделены соответствующими властными полномочиями, обязаны наравне с другими участниками правоотношений соблюдать установленную законом процедуру.

Таким образом, можно выделить следующие направления совершенствования правового института резервирования и изъятия для муниципальных нужд.

Существует необходимость законодательного введения термина «общественные нужды» применительно к местному самоуправлению как основания для резервирования и изъятия земельных участков. Закрепление данного института, разработка на законодательном уровне его содержания обусловлены рядом причин. Во-первых, проблема резервирования и изъятия земельных участков неизбежно приводит к столкновению публичных и частных интересов, поэтому указанные меры станут значительным шагом на пути решения подобных проблем. Во-вторых, это будет способствовать демократизации процедуры резервирования и изъятия земельных участков, проблемам которой в настоящее время уделяется большое внимание в теории земельного и муниципального права.

В целях устранения проблем правоприменения при принятии решений о резервировании земель, изъятии земельных участков, переводе земель из одной категории в другую требуется скорейшее принятие органами местного самоуп-

равления поселений документов территориального планирования. В связи с недостаточностью в бюджетах большинства поселений финансовых средств, необходимых для реализации дорогостоящей процедуры подготовки документов территориального планирования, предлагается решить данную проблему путем оказания финансовой помощи муниципальным образованиям.

Библиографический список

1. *Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Чаркин С.А.* Земельное право России: краткий курс лекций / под. ред. А.П. Анисимова. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2012.
2. *Аракельян Р.Г.* Резервирование и изъятие земельных участков в механизме правового регулирования отношений собственности: гражданско-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2007.
3. Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов генеральных планов поселений и городских округов: приказ Минрегиона РФ от 26 мая 2011 г. № 244 // Информационный бюллетень о нормативной, методической и типовой проектной документации. 2011. № 7.
4. *Дамбиева Т.В.* Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Адвокат. 2006. № 10.
5. *Илюхин И.С.* Защита прав граждан при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
6. *Анисимов А.П., Рыженков А.Я., Сотникова М.С.* Право муниципальной собственности на земельные участки в Российской Федерации: вопросы теории и практики. М., 2010.
7. *Камышанский В.П.* Резервирование земель поселений для муниципальных нужд при осуществлении градостроительной деятельности // Жилищное право. 2006. № 5.
8. О принятии мер по завершению подготовки документов территориального планирования: письмо Минрегиона России от 26 июня 2012 г. № 15762-АВ/02 // Ценообразование и сметное нормирование в строительстве. 2012. № 10.
9. О разработанных схемах территориального планирования муниципальных районов и генеральных планах городских округов, городских и сельских поселений Ростовской области: доклад на заседании Правительства Ростов. обл. 23 янв. 2013 г. URL: <http://rostovnadonu.bezformata.ru/listnews/territorialnogo-planirovaniya/9075493/>
10. *Землякова Г.Л.* Правовые проблемы резервирования земель для государственных и муниципальных нужд в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2009. № 12.
11. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 22 августа 2005 г. по делу № А58-5774/04-Ф02-3965/05-С1 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

V.V. Gerasimova, A.M. Mansurov
**Social Responsibility
in the Development
of the Partnership between
the State and Business**

The internal and external reasons for the development of partnership between the state and business are analyzed. The necessity for the participation of public private partnership in the development and implementation of the state economic policy is grounded. The difference between public-private partnership and social partnership is considered.

Key words and word-combinations: social responsibility, public-private partnership, levels of management.

Анализируются внешние и внутренние причины развития партнёрских отношений государства и бизнеса. Обосновывается необходимость участия частно-государственного партнерства в формировании и реализации экономической политики государства. Рассматривается отличие частно-государственного партнерства от социального партнерства.

Ключевые слова и словосочетания: социальная ответственность, частно-государственное партнерство, уровни хозяйствования.

УДК 65.290
ББК 338

**В.В. Герасимова,
А.М. Мансуров**

СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В РАЗВИТИИ ПАРТНЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И БИЗНЕСА

Частно-государственное партнерство как альтернатива конкуренции и эффективный способ снижения и предотвращения социальных конфликтов в обществе возникло в странах Западной Европы в конце 1970-х – начале 1980-х годов. Однако феномен частно-государственного партнерства быстро приобрел интернациональный характер, поскольку его участие в формировании и реализации государственной экономической политики давал как государству, так и бизнесу определенные преимущества и приносил дивиденды. Признание частно-государственного партнерства во многих странах мира объяснялось тем, что оно демонстрировало новый тип социально-экономических отношений, складывающихся в процессе партнерского взаимодействия государства и бизнеса, в основе которых заложен принцип социальной ответственности.

Социальная ответственность государства и

бизнеса перед гражданами своей страны выражала их обоюдную сопричастность к интересам, нуждам и чаяниям народа. Принцип социальной ответственности реализовывался непосредственно и в самих партнерских отношениях государства и бизнеса, что крайне важно для их развития и укрепления. Возведение частно-государственного партнерства в ранг важнейшего общественного института и придание ему государственного статуса в отдельных странах обусловлено рядом причин, которые можно разделить на внешние и внутренние.

К внешним причинам следует отнести, на наш взгляд, во-первых, динамизм глобализации социально-экономических процессов, в значительной степени активизировавший потоки финансовых средств за рубеж, перелив капитала из национальных экономик в финансовый и реальный сектора экономики других стран. Создана благоприятная внешняя среда для формирования транснациональных корпораций и предприятий с иностранными инвестициями в развитых странах, а также в странах на постсоциалистическом пространстве.

Во-вторых, внешней причиной можно считать укрепление финансового сектора в экономике развитых стран и его влияние на экономическую политику и макроэкономическую ситуацию в этих странах. Это создает предпосылки финансовых кризисов, условия для которых созданы на мировом финансовом рынке и финансовых рынках ряда стран.

В-третьих, доминанта монетаризма в государственной идеологии и экономической платформе правительств ведущих стран Западной Европы и США привела к тому, что экономическая политика основывалась на финансово-кредитном механизме государственного регулирования, в рамках которого реальный сектор экономики все более ощущал необходимость ликвидации «провала» рынка и снижения степени конкурентной борьбы [1].

В-четвертых, правительства стран Евросоюза и других ведущих государств как в Европе, так и во всем мире стремились найти выход из создавшейся ситуации путем создания альянса государства и бизнеса в различных формах в целях укрепления реального сектора экономики и осуществления социальной экономической политики в интересах широких слоев населения, реализуя идеи социальной справедливости, социальной защиты населения, защиты прав человека, охраны окружающей среды.

В-пятых, взаимодействие государства и бизнеса на конструктивной основе было выгодно крупным корпорациям и их филиалам за рубежом, в особенности в развивающихся странах, на территории которых интенсивно развивались транснациональные корпорации.

В-шестых, геополитическое пространство, сложившееся в конце 1960-х – начале 1970-х годов, должно было отвечать интересам промышленно развитых стран Европы и США, которые в политике противостояния странам социалистического содружества пытались выстраивать отношения с развивающимися странами, используя принцип экономической взаимопомощи и идеологию «государства всеобщего благосостояния». Фактически же реализовывались принципы экономической зависимости и экономической экспансии развитых стран по отношению к развивающимся странам.

В этот период при поддержке международных организаций, и прежде всего

ООН, широко пропагандировалась идея взаимовыгодного сотрудничества транснациональных корпораций развитых стран с правительствами развивающихся стран в целях закрепления позиций транснациональных корпораций на территориях развивающихся государств и их стабильного и длительного там пребывания. Взаимоотношения правительств развивающихся государств и транснациональных корпораций предполагалось строить на взаимовыгодных условиях, учитывающих оказание содействия правительствам развивающихся стран в социально-экономическом развитии со стороны транснациональных корпораций, размещенных на их территории, посредством передачи опыта формирования индустриальных государств, технологий их функционирования. В свою очередь правительства развивающихся стран должны были обеспечить благоприятные условия для стабильной производственно-хозяйственной и экономической деятельности транснациональных корпораций.

Складывающийся альянс правительств развивающихся стран и транснациональных корпораций поощрялся как правительствами развитых стран, так и ООН и другими международными организациями. Был разработан Кодекс поведения корпораций, осуществляющих взаимодействие с правительствами, на основе которого OECD рекомендовало транснациональным корпорациям основные направления и принципы взаимодействия с правительствами развивающихся государств [2].

Формирование партнерского взаимодействия правительств развивающихся стран и транснациональных корпораций провозглашалось на принципах, реализующих общечеловеческие ценности и основные постулаты, обеспечивающие социально-экономический прогресс и созидательное развитие гражданского общества и демократии в этих странах. Альянс транснациональных корпораций развитых стран и молодых индустриальных стран также складывался на предписанных OECD основах партнерского взаимодействия.

Таким образом, указанные внешние причины способствовали формированию международной формы сотрудничества или взаимодействия иностранных государств и транснациональных корпораций, локализованных на их территории. Основопологающим принципом такого сотрудничества провозглашен принцип социальной ответственности, обязывающий правительства иностранных государств выполнять свои обязательства перед транснациональные корпорациями и транснациональные корпорации – перед правительствами зарубежных стран. Данный принцип рассматривался в дальнейшем в качестве основы во взаимоотношениях крупных национальных корпораций и акционерных обществ с национальными правительствами собственных государств.

К внутренним причинам, способствующим развитию и становлению партнерского взаимодействия государства и бизнеса, относятся причины, связанные с переходом стран на новый технологический уклад, с созданием постиндустриального типа общественного развития и формированием в рамках постиндустриализма «информационной», сетевой экономики и экономики, основанной на знаниях. К этому следует добавить определенную степень зрелости гражданского общества в странах Западной Европы и США, формирование гражданского общества в постсоциалистических странах и в государствах с переходной

экономикой. Новые реалии постиндустриализма в экономике ведущих европейских стран и развитых стран мира вынуждены были откликнуться на призывы народных масс и политических партий, провозглашающих принципы социальной справедливости в социально-трудовых отношениях, соблюдения прав человека, охраны и защиты окружающей среды, защиты прав потребителей.

Решение поставленных перед правительством задач могло быть обеспечено лишь путем объединения совместных усилий правительства, бизнеса, общественных организаций, политических партий, составляющих ядро гражданского общества, причем определяющим в этом процессе становилось взаимодействие государства и бизнеса, реализующееся в различных формах, наиболее действенным и эффективным из которых выступало частно-государственное и социальное партнерство. На наш взгляд, частно-государственное и социальное партнерство следует рассматривать как формы партнерского взаимодействия, имеющие определенного рода отличия от взаимодействия государства и бизнеса в других формах.

Частно-государственное и социальное партнерство характеризует то, что оно формируется на принципах партнерского взаимодействия, в основе которого заложен принцип социальной ответственности и социальной справедливости в отличие от других форм взаимодействия государства и бизнеса. Реализация данного принципа в частно-государственном партнерстве возможна, вследствие того что государство и бизнес оценивают подобное взаимодействие, сложившееся в обществе на рубеже XX и XXI вв., как свою миссию в развитии общества, непреходящую ценность демократического общества.

Внутренние причины, способствующие формированию партнерских взаимоотношений государства и бизнеса, должны быть обеспечены соответствующими условиями, имеющими как общие, так и специфические проявления.

К общим условиям следует отнести следующие аспекты. Так, бизнес приобрел к концу XXI в. высокую степень организованности, что давало представление о высокоорганизованном капитале и свидетельствовало о возможном его вовлечении во взаимодействие с государством. Была сформирована институциональная система общества, способная обеспечить структурную организацию капитала, получившего все основания на альянс с государственными структурами. В рамках сложившейся многоотраслевой структуры хозяйства в развитых странах четко обозначился высокий уровень взаимосвязи и взаимозависимости государственного и частного секторов экономики, что явно свидетельствовало о необходимости взаимодействия государственных структур с частным капиталом. Наконец, сложившаяся институциональная структура общества оказывала влияние на структурную организацию частного сектора капитала, в результате чего появилась новая форма партнерского взаимодействия государства и бизнеса – институт частно-государственного партнерства. Он складывался и приобрел широкую известность в мире в то же время, когда наметилась тенденция формирования организованного капитала и организованного труда, что способствовало высокой степени вовлеченности организованного капитала и труда в партнерское взаимодействие.

Специфика условий возникновения взаимодействия государства и капитала

в формах частно-государственного и социального партнерства связана с особенностями социально-экономического развития стран, со сложившейся в данный период макроэкономической ситуацией в конкретной стране, учитывая при этом ее место и роль в системе мирового хозяйства; с избранной моделью социально-экономического развития страны, системой государственного регулирования, национальным законодательством стран, признающих формальный характер частно-государственного и социального партнерства. В различных странах оказывает значительное влияние на формирование рассматриваемого института наличие и в определенной мере сочетание количественных и качественных характеристик частно-государственного и социального партнерства.

Наряду с партнерским взаимодействием представителей государственных структур и государственного сектора экономики с частным сектором существуют иные формы хозяйственно-экономического взаимодействия, характеризующиеся строгими нормами и правилами экономического взаимодействия: лизинг, аутсорсинг, субконтракция. Они широко используются в зарубежной и российской практике с привлечением разветвленной сети поставщиков при организации промышленного производства.

Субконтрактная форма взаимодействия государственного и частного секторов экономики предполагает взаимосвязь множества малых и средних предприятий, представителей частного сектора с головным предприятием. В качестве контракта головного предприятия могут выступать представители государственного сектора. Субконтракторы в лице малых и средних предприятий специализируются на определенных, строго ограниченных производственных операциях, процессах, соблюдая условия договорных поставок. Несмотря на то что субконтракты заинтересованы в получении долгосрочных заказов и относительно длительном сотрудничестве с контрактором, тем не менее эта форма взаимодействия не может быть отнесена к формам частно-государственного партнерства, поскольку в основе подобного взаимодействия лежит принцип экономической рациональности и экономии на затратах. Контрактор и субконтракторы строят свои взаимоотношения на основе агентских соглашений, существенно отличающихся от партнерских соглашений, сформированных на основе принципа социальной ответственности.

Принципы экономической целесообразности и экономической рациональности лежат в основе взаимодействия представителей государственного и частных секторов экономики, реализуемого в форме аутсорсинга, суть которого заключается в передаче сторонним организациям крупной компании целиком отдельных функций производства или части процессов и задач, связанных с производством продукции. В мировой практике аутсорсинг выступает в двух видах: аутсорсинг заготовок и комплектующих и аутсорсинг операций по обеспечению производства продукции. Примерно 60% американских компаний используют аутсорсинг в производстве и немногим более 40% – при обслуживании оборудования. Аутсорсинг дает возможность компании сконцентрировать ресурсы на основной деятельности, что позволяет снизить издержки и получить преимущества перед конкурентами. Передача частно-производственных функций другим предприятиям позволяет уско-

рить сроки выполнения работ ввиду доступности использования необходимого их оборудования.

Система лизинговых операций дает возможность государству участвовать в экономическом взаимодействии в качестве лизингодателя и лизингополучателя, получая и в том и в другом случае определенные преимущества. Государство в лице лизингодателя располагает правом долевого участия в прибыли, а как лизингополучатель оно при долгосрочной аренде может экономить на издержках, снижать риск и, как следствие, увеличивать доход.

Возможности совместной деятельности государственного и частного секторов экономики велики, и образуются все новые формы в условиях инновационно ориентированной модели экономического развития государства на современном этапе. Тем не менее принцип экономической эффективности и экономической рациональности доминирует в хозяйственно-операционном сотрудничестве. Принцип социальной ответственности реализуется достаточно ограниченно – лишь в обязательствах охраны и защиты окружающей среды при ведении производства, в обязательствах по выполнению установленных норм безопасности производства и создания условий труда для работников, а также в обязательствах работодателей по вопросам социального обеспечения и социальной защиты населения.

Принцип социальной ответственности в широком смысле синтезирует социально-экономические и политические общественные аспекты в деятельности бизнеса и государства, выражая сопричастность национального бизнеса к нуждам, чаяниям и интересам народа, страны и государства, что может быть реально проиллюстрировано на конкретных примерах при осуществлении совместных объектов в рамках частно-государственного партнерства и реализации социальных проектов в рамках социального партнерства. В определенной мере патриотизм и преданность бизнеса национальной идее и общественным интересам являются важнейшими составляющими понимания социальной ответственности как общественного феномена, характеризующего деятельность бизнеса.

Принцип социальной ответственности включает ответственность государства и бизнеса по различным направлениям. Он присущ партнерскому взаимодействию государства и бизнеса в формах частно-государственного и социального партнерства, поскольку совместная деятельность государства и бизнеса предполагает решение важных стратегических задач социально-экономического возрождения территории, реализацию национальных проектов, комплексных целевых программ социально-экономического развития отраслей и секторов экономики, вывод страны на инновационный путь развития.

Социальная ответственность бизнеса должна проявляться на разных уровнях хозяйствования и на международном уровне по различным направлениям: на международном уровне – в области осуществления экономической стратегии и экономической политики субъектов бизнеса в рамках реализуемой экономической политики государства; на национальном уровне – в области тиражирования технологических, экономических и социальных инноваций, управления и продвижения их на национальный и международный рынки, а также безвозмездной передачи другим национальным субъектам хозяйствования при

условии использования разных форм государственной поддержки в разработке данных инновационных продуктов; на региональном и локальном уровнях – в области содействия социально-экономическому развитию, а в отдельных случаях возрождения территории на основе тесного сотрудничества с местной властью; на уровне предприятий, корпораций, промышленных ассоциаций – в области организации и охраны труда, содействия развитию бизнеса на других хозяйствующих субъектах, локализованных на данной территории.

Социальная ответственность бизнеса на международном уровне определена его обязанностью проводить конструктивную политику, способствующую экономическому и социальному прогрессу, сохранению окружающей среды в тех странах, где он непосредственно функционирует. Экономическая политика, проводимая национальными корпорациями, транснациональными корпорациями не должны противоречить международным обязательствам правительства и обязательствам других субъектов бизнеса той страны, где локализованы филиалы корпорации и ТНК.

На национальном уровне бизнес несет социальную ответственность за развитие трудового потенциала страны и инвестирования в человеческий капитал, непосредственное финансовое участие в формировании соответствующих профессиональных компетенций и конкурентоспособности экономически активной части населения.

На региональном и локальном уровнях социальная ответственность бизнеса корреспондируется с его возможностями налаживать тесное сотрудничество с органами регионального управления и местного самоуправления в целях внедрения эффективных практик корпоративного управления на предприятиях обслуживаемой зоны, управлять инновациями частного сектора в государстве, строя взаимоотношения с местной властью и другими предприятиями на условиях доверительности и уважения. Бизнес должен принять обязательства по проведению эффективной политики в области охраны труда, политики занятости; соблюдать законодательные нормы налоговой и финансовой политики, дистанцироваться от политики, противоречащей законодательно установленным нормам экономического поведения, которая проводится другими экономическими субъектами, активно включается в разработку и реализацию локальной и региональной экономической политики, направленной на стабильное социально-экономическое развитие территории и процветание бизнеса. Бизнес обязан организационно и динамично оказывать содействие и непосредственно участвовать в экономической политике государства через институты частного-государственного и социального партнерства.

Библиографический список

1. Герасимова В.В., Майбородин В.А. Управление развитием частно-государственного партнерства на современном этапе. Саратов, 2009.
2. The OECD Guidelines for Multinational Enterprises Review 2000 Commentaries. Paris, 2000. 27 June.

D.V. Akaev
Using Crowdsourcing Internet
Projects in Social and Political
Processes

The role of the Internet in social and political processes is considered. The optimization mechanisms of political communication between the authorities and society are studied. The application of modern crowdsourcing projects on the Internet is analyzed.

Key words and word-combinations: political communication, power, society, crowdsourcing, the Internet.

Рассматривается роль Интернета в общественно-политических процессах. Исследуются механизмы оптимизации политической коммуникации между властью и обществом. Анализируется применение современных краудсорсинг-проектов в сети Интернет.

Ключевые слова и словосочетания: политические коммуникации, власть, общество, краудсорсинг, Интернет.

УДК 004:002
ББК 73

Д.В. Акаев

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРАУДСОРСИНГОВЫХ ИНТЕРНЕТ-ПРОЕКТОВ В СОЦИАЛЬНО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ¹

За последние несколько лет Интернет стал частью нашей жизни. По данным общероссийских исследований, пользователем глобальной сети в России является уже каждый второй житель страны старше 18 лет [1]. Качественно меняется структура пользователей: Интернет из игрушки, доступа к развлекательному контенту становится источником важной и эксклюзивной информации, средством коммуникации, частью жизни современного человека. Прогнозы развития глобальной сети, даже самые неправдоподобные, в реальности нередко оказываются скромнее осуществленных достижений. Закономерен в связи с этим научный интерес к проблемам развития Интернета. Особое значение приобретают исследования, посвященные социально-политическим аспектам сети, а также применению Интернет-технологий в государственном управлении и связанном с ним экспертно-научным сопровождении [2].

Одной из особенностей Интернета как средства массовой коммуникации в отличие от традиционных СМИ является превраще-

¹ Статья выполнена на материалах исследования, осуществляемого в рамках внутреннего гранта Поволжского института управления им. П.А. Столыпина «Краудсорсинг как метод поиска социально одобряемых путей евразийской интеграции», руководитель проекта – Д.В. Акаев.

ние массы пассивных разрозненных индивидов в массу активно действующих гражданских сообществ. Телевидение в наши дни является средством информирования людей и не побуждает их на активные действия, так как не имеет возможности обратной связи. У Интернета есть качественно новые технологии, которые позволяют людям общаться, интерактивно обмениваться информацией и способствуют пробуждению гражданской активности.

Активная жизненная позиция присуща не всем гражданам страны. Особенно остро проблема низкой инициативности становится очевидной при выявлении различных очагов народного волнения. Перекрытие федеральных трасс, несанкционированные акции протеста являются финальной стадией закономерных процессов нарушенной обратной связи жителей с местной властью.

Интернет дает возможность не только власти иметь связь с гражданами, но и самим гражданам участвовать в политическом процессе своего населенного пункта, региона, страны. С помощью интерактивного характера Интернет-взаимодействия выросло число каналов коммуникации между гражданами и властью, а кроме того, изменилась и система представительства гражданских интересов.

В настоящее время трансформация гражданских инициатив происходит параллельно со стремительным развитием сетевых технологий, значительно расширяющих свои возможности за счет возросших способов коммуникаций между индивидами. Примером реализации гражданских инициатив в сети Интернет являются различные социальные сети и их вариации, которые представляют общности людей, объединенных какой-либо тематикой, и основаны на потребностях и ценностях субъектов общения. Именно Интернет в современных условиях стал связующим инструментом, способствующим объединению граждан. Виртуальная среда более доступна для огромного количества людей ввиду своей распространенности в мире. Немаловажную роль играет и фактор доверия в Интернет-сообществах, которое не свойственно для людей в повседневной жизни [3].

Интернет как информационная среда социума изменил динамику социального взаимодействия, ускорив ритм информационно-коммуникационных процессов между социальными агентами, «работающими» благодаря этой технологии в режиме реального времени, что Э. Гидденс метко назвал «сворачиванием пространства и времени». Интернет в качестве информационно-коммуникационной структуры социального взаимодействия создает новый тип социального пространства и новый тип социального взаимодействия, при этом появляются качественно новые возможности для обсуждения проблем экономики, политики, науки, культуры.

В условиях значительного развития указанных возможностей глобальной сети становится возможным использование различных методик, учитывающих положительные стороны Интернета в коммуникации и технологизации. Одним из востребованных методов организации обратной связи между различными политическими, экономическими, общественными и научными акторами становится метод краудсорсинга, дословно переводящийся как «использование ресурсов толпы».

Исходя из представления о толпе и массе, можно сделать вывод, что в краудсорсинге представители обоих рассмотренных образований могут быть источниками информации, они как бы сливаются. В рамках использования исследуемой методики понятия толпы и массы принимают положительный оттенок. Это связано с потенциалом применения краудсорсинга и с его ролью

для общества и государства. Он применяется в различных сферах социальной деятельности.

Термин «краудсорсинг» впервые появился и был употреблен именно как экономический термин. Его впервые ввел в оборот Джефф Хауи в 2006 г. в статье «Восхождение краудсорсинга», опубликованной на страницах американского журнала «Wired» [4]. Сегодня стали возможны ситуации, когда клиенты участвуют в создании продукции. К примеру, крупнейший российский банк «Сбербанк» реализует краудсорсинг-проект www.sberbank21.ru, где черпаются новые идеи развития различных банковских продуктов, реализации всевозможных инновационных проектов. Посетители сайта предлагают новые идеи и голосуют за понравившиеся проекты. Победитель получает вознаграждение в виде эквивалентных бонусов. Примеров компаний с похожей маркетинговой стратегией достаточно много.

С недавних пор появились веб-ресурсы, содержание которых наполняется самими пользователями. Например, в известной электронной энциклопедии Википедия каждый пользователь может создавать или редактировать статьи, а социальные сети предоставляют максимальную свободу для индивидуализации зарегистрированных пользователей.

С помощью современных информационных и технических средств и технологий каждый, кто становится очевидцем происходящих событий и обладает какой-либо информацией, может запечатлеть эти события и стать автором новости. Но даже не это самое главное. Основная задача краудсорсинга состоит не только в сборе и обработке информации от большого числа людей, но и в помощи обществу и государству.

Коммуникация – это процесс обмена информацией. Краудсорсинг – тоже процесс коммуникации. В начале XX в. американский социолог Г. Лассуэл в работе «Структура и функции коммуникации в обществе» предложил модель процесса коммуникации, которая получила название коммуникативной цепи. Данная цепь включает четыре элемента: источник, сообщение, канал и получатель [5]. Наиболее часто источником массовой коммуникации в политической и социальной сфере является либо какое-то средство массовой коммуникации (телевизионный канал, радиостанция, газета, журнал), либо конкретный журналист или политик. Обычно массовая коммуникация носит односторонний характер, источник не всегда организует обратную связь с получателем, по причине сложности организации данного процесса.

В краудсорсинге источником информации может быть любой человек, обладающий любой информацией о какой-либо ситуации. В данной методике обратную связь легче организовать технически, так как все сообщения поступают через технические средства и через них же можно выйти на связь с автором сообщения. Кроме того, обратная связь обусловлена спецификой Интернета, который является неотъемлемой частью данной методике. В Интернете на многих сайтах предусмотрена возможность участия пользователя в обсуждении какой-либо темы, проблемы или ситуации, например в чате, социальной сети или блоге. Необходимо указать, что роль Интернета в данном случае гораздо значительнее, чем у технического средства коммуникации. Как уже отмечено, пользователи глобальной сети склонны доверять друг другу больше, чем традиционным собеседникам. В то же время Интернет предоставляет свободу выбо-

ра участия в различных проектах, где не только «можно сказать, когда хочешь, но и промолчать без последствий».

Эффективность деятельности платформ подкрепляется еще тем, что граждане действуют без посредников в виде бюрократических структур, замедляющих решение проблем. Различные общественные проекты, базирующиеся на краудсорсинге, могут становиться институтами гражданского общества. Они задействуют большие массы людей, которые действуют организованно. В некоторых случаях подобные гражданские объединения в какой-то мере начинают сами исполнять функции государства. Данная модель самоорганизующейся кооперации с применением сетевых технологий помогает достигать существенных для общества и государства результатов [6].

Во многих случаях краудсорсинговые платформы являются достаточно гибкими: они создаются под конкретную ситуацию, но не прекращают существовать с ее улучшением, а способны трансформироваться для последующего решения схожих проблем.

Методика краудсорсинга может быть использована общественными и государственными структурами. Краудсорсинг призван помочь преодолеть трудности на различных уровнях: от решения проблем определенной группы людей или жителей ограниченной местности до разработки ведущими учеными идеологических предпосылок крупных сообществ. Это могут быть жители как отдельного государства, так и нескольких государств. Данная методика универсальна. Благодаря возможностям Интернета географические границы между государствами сегодня стираются, возникает новое сетевое пространство. Новейшие средства связи стирают привычные временные и географические границы между людьми. Особенно полезными в данном случае могут оказаться различные, по аналогии с методиками социологических исследований, разведывательные краудсорсинг-проекты, в том числе проекты, которые не получили официального международного статуса, но представляют особый научный и государственный интерес.

Проанализировав опыт практического применения методики краудсорсинга, можно выделить его положительные эффекты. Так, краудсорсинг делает картину происходящего в стране или мире более прозрачной. Информация о проблеме, поступившая на краудсорсинговую платформу, не может быть отфильтрована. Кроме этого, постоянно дополняющаяся информация позволяет выстроить динамичную картину происходящего. Один из главных принципов краудсорсинга - независимость от каких-либо структур, в том числе политических, поэтому никто не может влиять на то, какие сообщения будут опубликованы на платформе. Поступившая информация может быть затем опубликована в различных блогах и социальных сетях. Таким образом, краудсорсинг не только обеспечивает обратную связь с населением, но и является рычагом оказания давления на властные органы со стороны общества.

Важно, что любой человек может стать пользователем платформы и отправить на нее сообщение. Преимущество краудсорсинговых платформ состоит в том, что их можно «запустить» в минимальные сроки и с минимальными финансовыми затратами. Оперативные центры, которые создаются для мониторинга и обработки огромного количества информации, а также для координации деятельности, придают еще большую эффективность и оперативность созданным сетевым проектам.

В современном обществе роль Интернет-проектов становится крайне высокой, особенно, если они оптимизируют общественно-политическую коммуникацию между властью и обществом. Такие проекты позволяют заниматься независимым экспертным мониторингом и обращать внимание властей на проблемы, о которых сигнализирует общество. Хорошо продуманные, научно обоснованные краудсорсинговые проекты могут в значительной степени являться альтернативой количественных социологических опросов, в последнее время плохо репрезентирующих российское общество. Управление всегда нуждалось не только в реальной обратной связи с населением, но и в возможности объективного мониторинга общественного мнения и выстраивания с учетом этих данных грамотной социальной, экономической и идеологической политики.

Библиографический список

1. Опрос «Интернет в России: динамика проникновения», весна 2013 / Фонд «Общественное мнение» URL: http://runet.fom.ru/uploads/files/Бюллетень_Интернет_в_России.Выпуск_40.Зима_2012-2013__демо.pdf
2. Акаев Д.В. Место Интернет-сообществ в современном общественно-политическом процессе // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2008. № 3(16). С. 57–62.
3. Фомин О.Н., Акаев Д.В. Политический блог: опыт социологического анализа // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 3. С. 68–73.
4. Howe J. The Rise of Crowdsourcing // Wired. June 2006.
5. Лассуэл Г. Структура и функции коммуникации в обществе // Массовая коммуникация в современном мире: хрестоматия / сост. М.М. Назаров М., 2002.
6. Asmolov G., Machleder J. Social Change and the Russian Network Society URL: http://www.academia.edu/1958899/Social_Change_and_the_Russian_Network_Society._Redefining_Development_Priorities_in_New_Information_Environments

S.O. Kozhakina
The Need of Teenagers for Social Success

The needs of teenagers and the components of their social success are analyzed. Problems of the adolescence in accordance with the age characteristics are considered.

Key words and word-combinations: a teenager, adolescence, needs, Maslow theory.

Анализируются потребности подростков и компоненты их социальной успешности. Рассматриваются проблемы подрастающего поколения, связанные с возрастными особенностями.

Ключевые слова и словосочетания: подросток, подростковый возраст, потребности, теория Маслоу.

УДК 159.922.7:159.9:316.6
ББК 88.8+88.5

С.О. Кожакина

ПОТРЕБНОСТЬ ПОДРОСТКОВ В СОЦИАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ

В настоящее время в подростковой среде обострились социальные проблемы, связанные со снижением образовательного и культурного уровня, размыванием жизненных ориентиров, ценностей, неумением констру-

тивно взаимодействовать, разрешать конфликты. Такая ситуация возникла преимущественно в результате неудовлетворения потребностей подростков.

Анализируя потребности подростков и компоненты их социальной успешности, под которыми понимаются адекватная самооценка, высокая степень самоуважения, социальная активность, социальная адаптированность, можно установить между ними связь и сделать вывод, что в целом потребности подростков сводятся к одной более общей – стать социально успешным. Таким образом, для формирования социально успешной личности необходимо определить особенности подросткового возраста, потребности детей в этом возрасте, а также влияние удовлетворения данных потребностей на эффективность формирования их социальной успешности.

Понятие «подростковый возраст» возникло достаточно недавно. Ученые обозначают его по-разному. Например, Э. Шпрангер, Ф. Ариес, С.В. Кривцова, П.П. Блонский, Б.Г. Ананьев, Л.И. Божович, Ст. Холл в своих трудах используют упомянутое нами определение – подростковый; Л.С. Выготский называет этот возраст переходным; Ш. Бюлер, Г. Гецер – пубертатным; Д.Б. Эльконин, Д.И. Фельдштейн – подростничеством. Ученые связывают появление подросткового возраста с усложнением жизни общества. Французский этнограф и историк Ф. Ариес предположил, что подростковый возраст возник в XIX в., когда контроль родителей за развитием ребенка продолжался вплоть до брака. В настоящее время в развитых странах мира этот период жизни имеет тенденцию к постепенному увеличению. По современным данным, он охватывает почти десятилетие – от 11 до 20 лет.

Различают младший (12–13 лет) и старший (14–16 лет) подростковый возраст. В начале подросткового возраста физиологическое взросление – половое созревание – вызывает бурный рост, диспропорции тела, неуклюжесть, неловкость. Подростку начинает казаться, что между ним и взрослым нет никакой разницы, поэтому можно говорить о возникновении и формировании чувства взрослости в этом возрасте. Важным моментом в развитии самосознания подростка является осознание своих индивидуальных качеств, оценка которых происходит по степени взрослости. Часто подросток выделяет эталон и смотрит на себя через него. Чувство взрослости формируется в ходе общения как со взрослыми, так и со сверстниками, в процессе которого происходит усвоение морально-этических норм поведения [1, с. 6].

Дети старше 14 лет отличаются относительной стабильностью культурных интересов, то есть они проявляют интерес к какому-либо определенному направлению в музыке, стилю одежды, хобби и т.п. Для детей данного возраста характерна внешняя половая оформленность и знание норм отношений с противоположным полом. Подростки 14–16 лет склонны к рефлексии, самоанализу, у них появляются первые ответственные размышления о жизненных планах, формируются собственные представления о значении семьи, ее структуре и функциях, о будущей профессии, собственный взгляд на мир, религию, моральные нормы и социальное устройство общества [2].

Определение содержания понятия «подростковый возраст» до сих пор остается дискуссионной проблемой психологии, но стоит отметить сходство во

мнениях большинства ученых относительно таких ключевых аспектов этой проблемы, как ведущая деятельность подростков (общение, социально значимая деятельность); центральные новообразования подросткового возраста (чувство взрослости, физиологическое созревание, самоопределение, ценности подростка).

Важным регулятором поведения человека являются его потребности. Потребность – это состояние индивида, создаваемое испытываемой им нуждой в объективных условиях, предметах, объектах, без которых невозможно развитие и существование живых организмов. А. Маслоу выделяет две группы потребностей: потребности фундаментальные (базовые) и метапотребности, которые зависят от человека, его психологических, возрастных особенностей и изменяются на протяжении всей жизни.

У подростка, безусловно, есть базовые потребности, но они возникают и существуют в соответствии с его возрастными особенностями. Их нельзя называть метапотребностями, скорее это разновидности (направления) фундаментальных потребностей человека. К физиологическим потребностям человека относится необходимость пищи, воды, сна, нормальной для организма температуры и т.д. Неудовлетворение данных потребностей может привести к нарушению в развитии, а также к гибели организма, причиной чего станет голод, обезвоживание и т.д. Что касается подростка, то в результате очень быстрого роста его тела по сравнению с развитием внутренних органов он быстро утомляется и постоянно ощущает усталость. Подростку, как любому человеку, необходимы вода и пища, но особенность заключается в том, что их должно быть больше, а нехватка приведет к чувству голода и, следовательно, нежеланию что-либо делать, к снижению активности, к слабости. Такой ребенок не только теряет интерес ко всему, но и к нему пропадает интерес у окружающих, уменьшается количество друзей, что в итоге неблагоприятно влияет на формирование его социальной успешности. Безусловно, физиологические потребности являются самыми важными для каждого человека, и подростка в частности. Недаром А. Маслоу разместил их у основания своей иерархической пирамиды потребностей.

После удовлетворения физиологических потребностей возникают потребности, относящиеся к следующей группе: потребность в безопасности. Имеется в виду стабильное состояние (положение в обществе), действенность закона и ощущение своей юридической безопасности, свобода от страха. Удовлетворение данной потребности способствует более эффективному формированию социальной успешности. Особенность данной потребности у детей в подростковом возрасте заключается в следующем, они очень остро испытывают необходимость в ощущении своей безопасности в семье, в школе, что выражается в отсутствии конфликтов с родителями, учителями, сверстниками; в поддержке со стороны родителей, друзей, педагогов в случае угрозы здоровью. Для удовлетворения данной потребности педагоги и родители должны учитывать тот факт, что в переходном возрасте для подростков, как никогда важно мнение окружающих людей, а значит, следует создавать ситуации, в которых дети будут чувствовать позитивное отношение как сверстников, так и взрослых, тогда удовлетворение потребности в безопасности будет более эффективным. В целом потребность в безопасности есть потребность в эмоцио-

нально-комфортном состоянии, влияющем на процесс формирования социально успешной личности.

Следующей в иерархической лестнице потребностей А. Маслоу является потребность в любви и принадлежности. Необходимо помнить, что подростковый возраст характеризуется неуверенностью, незнанием многого, фобиями (например, страх своей ненужности). Для ребенка подросткового возраста удовлетворение данной потребности связано со стабильным положением в группе сверстников, ощущением любви, нужности родителям, близким людям, с пониманием, одобрением его поступков, мнения, увлечений. Чаще всего он не находит этого в общении со взрослыми и с большой вероятностью обнаруживает при общении со сверстниками. Педагогам следует обращать пристальное внимание на личностные особенности каждого подростка, помогая ему в удовлетворении рассматриваемой группы потребностей как в стенах школы, так и в семье. Родители должны быть как можно ближе к своим детям, чаще хвалить, направлять на принятие правильного решения.

Весомое значение имеет потребность в признании, в понимании. Каждому человеку важно, чтобы рядом были такие люди, которые понимали бы его, принимали, разделяя его взгляды на различные предметы и явления. Особенность данной потребности у подростков заключается в том, что они находятся в переходном возрасте между детством и взрослой жизнью, «ищут себя», а поэтому нуждаются в признании окружающих людей, в поддержке их выбора. Решающую роль играют отношения со сверстниками, так как именно в процессе общения подростков осваиваются нормы социального поведения, нормы морали, при этом устанавливаются отношения равенства / неравенства и уважения / неуважения друг к другу [3]. Педагогам следует учитывать данную особенность подросткового возраста и создавать соответствующие условия, организовывать в воспитательных целях дела, которые способствовали бы формированию позитивного отношения друг к другу, уважительного отношения к сверстникам и к взрослым.

Подросток занимает определенное место внутри коллектива, в частности класса, оценка которого становится даже важнее оценки учителя, мнения взрослого. Под влиянием внутригруппового статуса формируются мотивы поведения школьника, его отношение к учебе, жизненным ценностям. Очень важно, что именно в сложившемся коллективе идет воображаемое проигрывание всех самых сложных сторон будущей жизни: переживание радости, обиды, разочарования, отстаивание своей точки зрения, происходит усвоение моральных норм, осваивается система моральных ценностей. Ребенок пытается социально адаптироваться, то есть занять определенное положение в обществе, в группе своих товарищей-одноклассников в частности. Можно сказать, что потребность подростка в признании есть своего рода потребность в социальной адаптации, что, в свою очередь, является показателем сформированности социальной успешности.

Следующей по значимости для человека является потребность в уважении. Безусловно, подростку, как и каждому человеку, свойственна потребность в уважении. Данную потребность следует понимать и как необходимость в уважении к себе, то есть самоуважение, и как необходимость в уважении окружа-

ющих: сверстников, родителей, педагогов. Существует взаимозависимость двух сторон уважения. Самоуважение формируется на основе уважения окружающих (если подросток видит уважительное отношение к нему со стороны, то и сам начинает уважать себя). Вместе с тем ребенка не начнут уважать взрослые, сверстники, пока он сам не будет относиться к себе уважительно. Данная зависимость самоуважения и уважения окружающих не меняет смысла потребности подростка в уважении.

Ребенку в подростковом возрасте важно, чтобы к нему относились как к взрослому человеку, выслушивали и прислушивались к его мнению, уважали его точку зрения, а не «отбрасывали» в сторону, не считались с его пожеланиями. В подростковом периоде у ребенка появляются новые интересы, новые знакомые, и именно в этот момент возникает потребность поделиться этим с самыми близкими людьми, потребность рассказать о своей неповторимости, уникальности и, главное, получить обратную реакцию в виде понимания и уважения с их стороны, поддержки его самостоятельного мышления, личного мнения. Часто родители не принимают во внимание сказанное ребенком и, более того, категорично отвергают любое высказанное им мнение, поэтому он, испытывая потребность в уважении, ищет его среди сверстников и находит.

К сожалению, как отмечает И.С. Кон, учителя и родители часто акцентируют и замыкают самоуважение ребенка лишь на учебной успеваемости, совершенно не учитывая его достижения в других сферах деятельности. Тем самым они ставят его жизненные цели и его самосознание в опасное положение, так как неудача в учебе может обернуться для ребенка появлением чувства личной неполноценности и даже психологическими отклонениями [4]. Подростку следует объяснить отличие понятий «учебная успеваемость» и «социальная успешность» и учитывать личные особенности (способности, умения, навыки) каждого ребенка, не замыкая его успешность только на учебных отметках.

Ребенок, которого уважают окружающие его люди и который уважает себя, может наиболее адекватно дать себе оценку. У ребенка с низкой степенью самоуважения соответственно и самооценка занижена, что неблагоприятно влияет на процесс формирования его социальной успешности.

Немаловажной потребностью является потребность в самоактуализации. Каждый человек стремится к активному образу жизни, к выражению себя. Но именно у подростка данная потребность выражена наиболее ярко, специфично, так как в этом возрасте меняются интересы, появляются новые возможности, возникает желание доказать себе и другим, что «я уникальный», «я лучший». Именно поэтому подростки наиболее активны, инициативны. Но необходимо помнить, что влияние на активность проявления своих возможностей оказывает среда, в которой воспитывается ребенок.

Я. Корчаком выделены четыре типа «воспитывающих сред»: «*догматическая среда*», способствующая развитию пассивности и зависимости ребенка; «*карьерная среда*», способствующая развитию активности, но и зависимости ребенка; «*безмятежная среда*», способствующая свободному развитию, но и обуславливающая формирование пассивности ребенка; наконец, «*творческая среда*», способствующая свободному развитию активного ребенка [5], создание кото-

рой в образовательной организации, по нашему мнению, необходимо для формирования социально успешной личности. Требуется создать такие условия для позитивной реализации потенциала ребенка, в которых процессы самоутверждения, самоактуализации будут проявляться в правильной, а не в искаженной форме, способной привести к неблагоприятным реакциям и последствиям. Такими условиями могут быть: эмоционально-комфортный климат в школе, ориентирование подростков на создание ситуаций, в которых возможны культурные пробы, открытость образовательного учреждения и, безусловно, учет базовых потребностей подростка.

Таким образом, удовлетворение базовых потребностей подростка способствует его социальной адаптации, социальной активности, формированию социальной успешности: высокой степени самоуважения, уверенности в себе, адекватной самооценке, мотивированности на успех.

Библиографический список

1. *Выготский Л.С.* Педология подростка // Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 4.
2. *Сергоманов П.А.* К вопросу о ведущей деятельности в старшем школьном возрасте // Педагогика развития: соотношение учения и обучения: мат-лы 7-й науч.-практ. конф. Красноярск, 2000. Ч. 1.
3. *Обухова Л.Ф.* Детская (возрастная) психология: учебник. М., 1996.
4. *Кон И.С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984.
5. *Корчак Я.* Как любить ребенка. М., 1991.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

A.M. Kolosovsky
Institutional Aspects
of Postindustrial Modernization
of the Economy of Russia
and Its Exclave Region

The factors and mechanisms to ensure the post industrial modernization of regional economy are considered. The economy of the Kaliningrad Region, which is a peculiar economic formation, is analyzed.

Key words and word-combinations: modernization, economic space, exclave region.

Рассматриваются факторы и механизмы, обеспечивающие постиндустриальную модернизацию хозяйства региона. Анализируется экономика Калининградской области, являющейся особым экономическим образованием.

Ключевые слова и словосочетания: модернизация, экономическое пространство, эксклавный регион.

УДК 332.1(470+571):338(470+571)
ББК 65.04(2Рос)+65.9(2Рос)

А.М. Колосовский

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИИ И ЕЕ ЭКСКЛАВНОГО РЕГИОНА

На современном этапе интенсивно идет процесс трансформации экономики и всего человеческого сообщества в новое состояние, которое принято называть «информационным обществом», «постиндустриальной эрой» и т.п. [1]. Третья волна (по Э. Тоффлеру) [2], или современная социально-экономическая трансформация в духе неоклассической теории (начало 90-х годов XX в.), родилась в лоне западной экономической мысли [3, с. 8]. Она является закономерным порождением последней, выходит из западной культуры, в том числе и экономической. Советская модернизация также являлась ответом на вызовы Запада. Как указывают некоторые авторы [4; 5], России свойственно достаточно медленное, инерционное развитие, которое периодически прерывается резкими, динамичными взлетами, что со-

ответствует догоняющему типу цивилизации [6–8]. Более того, для России сила традиции (в плане инерции) столь велика, что традиционное общество и соответствующий ему экономический уклад можно реформировать именно только динамично, часто путем насилия, как это не раз случалось в истории нашей страны.

В периоды краткосрочного, но столь же стремительного подъема экономики, по сути, осуществлялась перманентная искусственная имплицитная модернизация, насильственная для подавляющего числа групп общества. Делалось это в целях ликвидации хронического отставания России от стран Запада, для обеспечения поступательного движения вперед [9]. Однако низкая концентрация населения на огромных территориях не может обеспечить экстенсивный рост (прежде всего демографический) хозяйства страны, если не говорить об альтернативном интенсивном пути развития. Поэтому российским лидерам, когда они всякий раз ставили перед обществом амбициозные цели, приходилось прибегать к насилию (макиавеллизм), дабы все привести в движение.

В настоящее время речь идет о необходимости трансформации российского менталитета, способов решения хозяйственных задач, в частности, на западный образец, посредством западной хозяйственной технологии, трансформационной машины. Таким образом, следует рассматривать модернизацию как процесс осовременивания на принципах западной экономической культуры, как отказ от принципов традиционной российской культуры этатизма, сложившейся в результате столетий тоталитарного государственного влияния на все сферы жизни общества, в том числе на хозяйственную жизнь.

Как представляется, модернизация может пройти по нескольким вариантам. Во-первых, модернизация сверху. Это путь максимально управляемой и контролируемой модернизации. Однако, по мнению Е. Ясина [10], такой путь для России неприемлем, поскольку успешная модернизация сверху возможна при наличии у страны следующих условий: а) должна быть отсталая аграрная страна; б) требуется наличие значительного потенциала импорта технологий посредством их покупки или иностранные инвестиции; в) необходимо наличие открытых рынков для экспорта значительной части производимой в стране продукции по низким ценам. Другими словами, это не российская ситуация.

Во-вторых, может осуществляться модернизация снизу, инициируемая властями в сотрудничестве с заинтересованной политической и деловой элитой, а также других социальных групп «по интересам», то есть при самой широкой поддержке населения.

В-третьих – неуправляемая революция, наиболее негативный вариант, который нами не рассматривается.

Четвертый путь – экстенсивное, инерционное развитие, вариант, по которому сейчас Россия и идет. Этому пути соответствуют нынешние способы решения задач: использование западных технологий при полном отсутствии внутренней мотивации общества (государства прежде всего) к развитию. Источником экстенсивного развития в этом случае выступают сырьевые ресурсы, дешевая и низкоквалифицированная, чаще всего иностранная рабочая сила. Это одна из причин захлестнувшей Россию волны гастарбайтеров.

Вернемся, однако, ко второму варианту модернизации для России. Это не-

традиционный для нашей страны путь – переход в лоно западной культуры, западной цивилизации, в том числе экономической [3, с. 9]. В данном случае важно понять следующее: главная причина неуспешности реформ, во многом зашедших в тупик, состоит в том, что революция в умах людей еще не произошла. Они продолжают решать возникающие задачи по-старому; зная о необходимости изменений, тем не менее продолжают жить по инерции. Это явление Р.М. Нуреев образно назвал «эффектом колеи» [7, с. 487]. Примером такого пути является проведение столь масштабных, столь и громких публичных мероприятий, требующих немалых средств, щедро финансируемых из бюджетов всех уровней, в то время как хронически недофинансируются медицина, образование и культура. Масштабное строительство «отверточных» производств, построенных на западных технологиях, предполагает полное отсутствие спроса на отечественные высокотехнологичные разработки, а также выпускников технических вузов.

Выходом из сложившейся ситуации, как представляется, способна стать управляемая революция в сфере человеческого мышления. Подобная революция может быть проведена посредством целенаправленного воспитания через образование и культуру, незаслуженно отодвинутые на последние места в таблице государственных забот [6, с. 30].

Если же говорить об экономике эксклавного региона России, то выход из кризисного состояния видится в ее комплексной модернизации. Такой подход различные авторы понимают по-разному [11–14]. Например, А.К. Нагоева [14] предлагает воспринимать модернизацию «как широкое и многозначное общественное явление, в структуре которого смена поколений технологий взаимосвязана с проблемой существования общественной среды, способной к воспроизводству, внедрению и использованию технологий». А.К. Нагоева также полагает, что модернизация социально-экономического развития регионов «будет происходить в условиях усиливающейся конкуренции территорий за создание благоприятных условий ведения бизнеса и повышения качества жизни населения...». В.Н. Елисеев и А.В. Ермишина, касаясь проблем модернизации ЖКХ, фокусируют внимание на социально-политических аспектах модернизации этой отрасли: создании всеобщей избирательной системы, обеспечивающей «моральную селекцию» управленческих кадров, и формировании слоя предпринимателей, способных реализовать свои интересы, увязывая их с интересами всего общества [15].

Наиболее исчерпывающий, комплексный подход к проблеме модернизации региона предложен Л.С. Шеховцевой. Она приводит слова академика А.Г. Аганбегяна о том, что модернизация – это структурная перестройка народного хозяйства прежде всего с целью создания экономики инновационной, запуска инновационного механизма [16], который основывается на взаимодействии трех активных элементов: населения, делового сообщества, органов управления – в модернизации региональной социально-экономической системы [13, с. 76]. В работе Л.А. Щербаковой модернизационный и инновационный процессы разделены [13]. По нашему мнению, инновационный процесс необходимо рассматривать как составную часть более общего процесса комплексной модернизации региональной социально-экономической системы, поскольку без инновационного развития, без нововведений невозможно обеспечить модернизацию региона.

В свете затронутых аспектов, как представляется, актуален подход, предложенный авторами доклада о развитии человеческого капитала в России [17]. Авторы трактуют модернизацию как уход от традиционного общества, подчиненного обычаям и ритуалам, к облику современного социума, где людьми осуществляется свободный выбор тех или иных форм поведения. Эти представления восходят к исследованиям начала XX в., работам социолога Макса Вебера [18]. Сам же термин «модернизация» появился и стал широко использоваться в обществоведческой литературе много позже, в 1950-е годы, и к настоящему времени значительно эволюционировал. Например, по Ю. Хабермасу, «модернизация» охватывает целую связку кумулятивных и взаимно усиливающихся, синергетических процессов, таких, как формирование капитала и мобилизация ресурсов, развитие производительных сил, повышение продуктивности труда, развитие городских форм жизни, формальное школьное образование, секуляризация ценностей и норм и т.д. [19, с. 8].

Таким образом, обобщив различные подходы к процессу модернизации, можно прийти к следующему его пониманию. Под комплексной модернизацией региональной социально-экономической системы следует понимать всеобъемлющий процесс обновления всех сторон жизни регионального сообщества, его культуры, основанный на свободном выборе людьми адекватных форм поведения. При этом имеется в виду культура политическая, социальная, экономическая, научно-техническая, деловая, правовая, экологическая, психологическая и т.п. Деловая культура, выполняющая роль экономического локомотива, механизма в развитии самых богатых стран, все еще не привилась в массовом сознании россиян. Об этом свидетельствуют результаты социологических исследований, согласно которым больше половины экономически активного населения России (около 57% в 2010 г. и 55% в 2013 г.) выразило желание работать на государственной службе либо на государственном предприятии [20].

Применительно к эксклавному положению Калининградской области можно прийти к следующему промежуточному выводу. В отличие от большинства внутренних регионов страны особенностью регионального сообщества, его этноса является бóльшая раскрепощенность людей, их более глубокая приверженность свободе выбора стереотипов поведения, что определяется географическим положением региона как российского эксклава внутри ЕС. Однако серьезной ошибкой федерального центра и региональных властей в 2006–2010 гг. стал упор не на массовое предпринимательство, а на развитие экономической модели, основанной на привлечении в экономику региона крупных иностранных и российских инвестиций [21], причем такой импульс развития возник на фоне усиления кризисных явлений в российской и глобальной экономиках [22]. Малый и средний бизнес, достаточно успешно развивавшийся в качестве резидентов особой экономической зоны (ОЭЗ) в Калининградской области в соответствии с действовавшим законодательством с 1996 г. [23], был отсечен от этого механизма. Принимаемые в настоящее время Правительством РФ меры направлены на устранение этой ошибки с учетом современных экономических реалий, возникших в связи со вступлением России в ВТО и Таможенный союз России, Казахстана и Белоруссии.

В связи с изложенным регион может развиваться как особая дискретная составная часть российского экономического пространства в рамках европейского экономического пространства (ЕЭП) или под влиянием НТЦ Евросоюза. Этот фактор и является ключевым при определении вектора модернизации экономики и всей социально-экономической сферы Калининградской области, которая претерпевала значительный экономический спад в 2009 г. вследствие неблагоприятного влияния мирового финансово-экономического кризиса на экономику области. Однако начиная с 2010 г. наметилась стабилизация ВРП Калининградской области. Динамика изменения основных макроэкономических показателей экономики области такова, что рост ВРП на душу населения за 2007–2011 гг. демонстрирует достаточно динамичный показатель – 56,7% (или более 14% в год). Нельзя не отметить поведение такого не менее важного показателя эффективности региональной экономики, как индекс ВРП в сопоставимых ценах к предыдущему году. Значения этого показателя на протяжении всего анализируемого периода неуклонно снижались – на 11,9% (почти на 3% в год) [24].

Несмотря на перечисленные макроэкономические показатели, в Калининградской области наблюдается существенное продвижение по пути модернизации. Речь идет о введении с июля 2012 г. малого приграничного перемещения (МПП), по которому жители региона в безвизовом порядке могут посещать территорию приграничных районов Республики Польша, а жители Польши – всю территорию Калининградской области.

Обращаясь к особенностям модернизационного развития экономики Калининградской области, следует отметить настоятельную необходимость перехода от коррумпированной модели развития к транспарентной (прозрачной) экономике, адекватной той, которая является неотъемлемым элементом европейского экономического пространства, окружающего экономику самого западного региона России. Без такого перехода, по мнению многих специалистов [13–15; 17; 25, 26], невозможно говорить ни о перспективах инновационного развития экономики страны, ее регионов, ни завершить процесс постиндустриальной модернизации.

В связи с этим можно согласиться с выводами И.И. Гизятова о негативной роли коррупции в отношении перспектив модернизации российской экономики [26, с. 62]. Автор раскрывает на основе расчетов экономико-математической модели влияние уровня транспарентности экономики на энергоемкость ВВП. Согласно этим расчетам энергоемкость ВВП на 54% зависит от уровня транспарентности экономики, который определяется такими факторами, как наличие и степень монополизма, проявляющегося в численности крупных, аффилированных с государством корпораций, распространенность коррупции, уровень административных барьеров для развития предпринимательства и прочие.

Россию и ее регионы затронул глобальный по своим масштабам процесс постиндустриальной модернизации. Что же касается Калининградской области, то, с одной стороны, как особый регион России, находящийся в окружении ЕС, она обладает весомым модернизационным потенциалом. С другой стороны, регион имеет значительные трудности на указанном пути. Для того чтобы сделать этот процесс максимально благоприятным, требуются политические меры на всех уровнях управления. Процесс необходимо реализовать при самом ши-

роком участия неформальных институтов гражданского общества в ходе воспроизводства и интродукции массовой научно-технической культуры, а также развития бизнес-культуры как важнейших составляющих общей ментальности народа. Без активной реакции гражданского общества трансформационный переход будет существенно затруднен.

Библиографический список

1. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting. N.Y., 1973.
2. *Toffler A.* The Third Wave. N.Y., 1980.
3. *Kolosovsky A.* Capitalized economy of Russia: theory and practice // Global Academic Society Journal: Social Science Insight. 2009. Vol. 2, № 8. P. 4–23.
4. *Уринсон Я.М.* Перспективы развития экономики: Россия и мир. URL: <http://readings.gaidarfund.ru/articles/1122>
5. *Ясин Е.Г.* Сценарии развития России на долгосрочную перспективу. М., 2011.
6. *Колосовский А.М.* Воспитание нации: о проблемах, сдерживающих инновационное предпринимательство как фактора саморазвития территории // Креативная экономика. 2010. № 2. С. 27–33.
7. *Нуреев Р., Латов Ю.* Россия и Европа: эффект колен (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград, 2010.
8. *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Тайна догоняющего развития. URL: <http://institutiones.com/general/2155-tajna-dogonyayushhego-razvitiya.html>
9. *Гайдар Е.Т.* Власть и собственность: Смуты и институты. Государство и эволюция. СПб., 2009.
10. *Ясин Е.Г.* Модернизация без шоковой терапии // Ведомости. 2011. 14 окт. URL: http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1392520/postepennaya_decentralizaciya
11. *Кондаков Ю.Н.* Модернизация российской экономики как императив инновационного развития страны в будущем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / ИСЭРТ РАН. 2012. Вып. 16.
12. *Ивантер В.В., Комков Н.И.* Основные положения концепции инновационной индустриализации России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / ИСЭРТ РАН. 2012. Т. 23. Вып. 5. С. 21–32.
13. *Щербакова Л.А.* Модернизация российской экономики: многофакторная задача со многими неизвестными // ЭКО. 2010. № 9. С. 73–93.
14. *Нагоева А.К.* Основные факторы модернизации региональной экономической системы современной России // Новые технологии. 2010. № 4. С. 114–116.
15. *Елисеева В.Н., Ермишина А.В.* Факторы и перспективы модернизации коммунальной экономики России // Terra Economicus. 2011. Т. 9, № 3, ч. 2. С. 43–47;
16. *Шеховцева Л.С.* Системный подход к модернизации и инновационному развитию региона: стратегические цели // Международное сотрудничество в сфере инноваций, образований и науки. 2001. № 9. С. 15–27.
17. Модернизация и развитие человеческого потенциала: доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А.А. Аузана и С.Н. Бобылева. М., 2011.
18. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко. М., 1990.
19. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М., 2003.
20. Исследовательский Центр рекрутингового портала SuperJob. URL: <http://www.superjob.ru>
21. Об особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации Федер. закон от 10 янв. 2006 г. № 16-ФЗ (в ред. от 30 окт. 2007 г.; 27 нояб. 2010 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»;
22. Социальный атлас российских регионов. Независимый институт социальной политики, 2012. URL: <http://atlas.socpol.ru>

23. Об особой экономической зоне в Калининградской области: Федер. закон № 13-ФЗ от 22 янв. 1996 г. № 13-ФЗ (в ред. Федеральных законов от 21 марта 2002 г. № 31-ФЗ; от 8 дек. 2003 г. № 169-ФЗ, с изм., внесенными Федеральными законами от 27 дек. 2000 г. № 150-ФЗ; от 30 дек. 2001 г. № 194-ФЗ; от 24 дек. 2002 г. № 176-ФЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

24. Основные показатели социально-экономического положения Калининградской области и Российской Федерации за I квартал 2012 г. // Калининградская область в цифрах 2012 – I квартал: стат. сб. [Экспресс-информация от 14 мая 2012 г. № 17] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=1786005>

25. Россия в индексе восприятия коррупции-2012: новая точка отсчета. URL: <http://www.transparency.org.ru/>

26. *Гизятов И.И.* Ресурсосбережение и проблемы транспарентности экономики в контексте институциональной парадигмы // Проблемы современной экономики. 2011. № 1 (37). С. 61–63.

Yu.A. Koblova
**The Evaluation of Forming
the Network Economy of Russia
on the Basis of Information
and Communication
Technologies Development
Indicators**

The formation of network economy in Russia is studied, and its condition and dynamics are monitored. On the basis of international indicators of development the network economy of Russia is assessed. Factors contributing to and hindering its development are identified.

Key words and word-combinations: network economy, network readiness index, information and communication technology.

Исследуется формирование сетевой экономики в России, проводится мониторинг ее состояния и динамики. На основе международных индикаторов развития дается оценка сетевой экономики России. Выявляются факторы, способствующие и препятствующие ее развитию.

Ключевые слова и словосочетания: сетевая экономика, индекс сетевой готовности, информационно-коммуникационные технологии.

УДК 338.24(470+571):004:002(470+571)
ББК 65.050(470+571)+73(470+571)

Ю.А. Коблова

ОЦЕНКА ФОРМИРОВАНИЯ СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ РОССИИ НА ОСНОВЕ ИНДИКАТОРОВ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Иntenсивный процесс формирования глобальной информационно-коммуникационной среды открывает принципиально новые возможности в различных сферах социально-экономической деятельности человека и приводит к формированию нового типа экономической системы – сетевой экономики. Эта экономика основана на интенсификации использования сетевого и информационного потенциалов общества как возобновляемого ресурса его устойчивого прогрессивного развития, что обеспечивает значительное повышение его эффективности по сравнению с материальным производством индустриально-

го общества и, как следствие, оказывает значительное влияние на динамику развития современной цивилизации в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В связи с этим актуализируется необходимость в исследовании развития сетевой экономики, мониторинге ее состояния и динамики, учитывающем все многообразие факторов ее развития.

Сетевая экономика определяется как «среда, в которой любая компания и индивид, находящийся в любой точке экономической системы, могут легко и с минимальными затратами контактировать с любой другой компанией или индивидом в процессе работы или другого общения» [1, с. 45]. В данном определении подчеркивается главная особенность сетевой экономики – возможность установления прямых длительных связей между всеми участниками совместной деятельности. Создание такого рода связей в традиционном экономическом пространстве требует либо компактного географического расположения участников, либо больших затрат ресурсов и времени на их перемещения. Организация информационных каналов между людьми также требовала существенных затрат. Однажды созданные, сети таких связей представляли собой ценный «редкий ресурс», доступ к которому давал определенные преимущества одним группам агентов над другими, которые такого доступа не имели. Современные массовые децентрализованные применения информационных технологий для установления и использования экономических связей показали, что параметры географического расположения агентов и экономических ресурсов должны быть заменены параметрами их подключения к сети. Таким образом, затраты для преодоления географических пространств заменяются в сетевой экономике на затраты подключения к сети и на организацию эффективного сетевого доступа [2, с. 92].

Катализатором процесса формирования и становления сетевой экономики выступают общемировые информационные и коммуникационные сети. При этом одной из самых важных черт информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) является возможность создания глобального пространства для деятельности всех экономических агентов мировой экономики, число которых расширяется. В данном контексте уровень информатизации общества выступает в качестве одного из важнейших показателей уровня развития и конкурентоспособности сетевой экономики.

Цель нашего исследования: анализ готовности России к сетевой экономике и выявление факторов, способствующих и препятствующих ее развитию на основе индикаторов развития ИКТ.

В настоящее время известно несколько комплексных (интегральных) индексов, характеризующих условия развития экономики страны и общества в целом, оценивающих экономическую и правовую среду, качество регулирования и развития бизнеса и частной инициативы, способность общества и его институтов к эффективному использованию имеющегося и созданию нового знания, широкому внедрению ИКТ. Среди них: «Индекс экономики знаний» (Knowledge Economy Index, KEI) и «Индекс знаний» (Knowledge Index, KI), «Индекс информатизации общества» (Informational Society Index, ISI), «Индекс развития ИКТ» (Development Index, IDI) «Глобальный инновационный индекс» и другие [3].

Наряду с перечисленными показателями, главным инструментом для мониторинга развития сетевой экономики является «Индекс готовности к сетевой экономике», или «Индекс сетевой готовности» (Networked Readiness Index, NRI), – комплексный показатель развития ИКТ, разработанный в 2001 г. Он рассчитывается Всемирным экономическим форумом и международной школой бизнеса «INSEAD» с 2002 г. в рамках специальной ежегодной серии докладов о развитии информационного общества в странах мира. В настоящее время данный индекс считается наиболее полным и авторитетным источником международной оценки влияния ИКТ на конкурентоспособность и благосостояние стран. Он используется в качестве средства анализа для построения сравнительных рейтингов, отражающих уровень развития сетевой экономики в различных странах, и включает следующие субиндексы: «Окружающая среда»; «Готовность общества к использованию ИКТ»; «Фактическое использование ИКТ основными экономическими агентами»; «Последствия, которые ИКТ порождают в экономике и обществе» [4, с. 35–36]. Первые три субиндекса можно рассматривать как драйвер, определяющий величину четвертого субиндекса, то есть воздействие ИКТ на общество и экономику.

Рассмотрим индикаторы развития ИКТ, составляющие Индекс сетевой готовности и характеризующие готовность страны к сетевой экономике. Для развития сетевой экономики требуются прежде всего соответствующие рыночные условия и нормативно-правовая база, образующие среду, необходимую для развития сетевой экономики. Оценка деловой и инновационной среды определяет качество условий ведения бизнеса и характеризует: наличие новейших технологий; наличие венчурного капитала; общую налоговую ставку; время, необходимое для начала бизнеса, в днях; количество процедур, необходимых для открытия бизнеса; уровень конкуренции на рынке; высшее образование (коэффициент охвата); качество школ менеджмента и государственные закупки передовых технологий. Политическая и нормативно-правовая среда обнаруживает, в какой степени национальная правовая база способствует развитию ИКТ и безопасному развитию предпринимательской деятельности. Ее составляют: эффективность законодательных органов; законы, связанные с ИКТ; независимость судей; эффективность правовой системы в урегулировании споров; эффективность правовой системы в сложных вопросах; защита интеллектуальной собственности; масштабы компьютерного пиратства; количество процедур, необходимых для заключения контракта; время, необходимое для заключения контракта.

Готовность страны к сетевой экономике во многом зависит от того, насколько основные агенты экономики заинтересованы и подготовлены к использованию ИКТ в своей повседневной деятельности. Она оценивается наличием ИКТ-инфраструктуры и доступом к цифровому контенту, стоимостью доступа к ИКТ и уровнем конкуренции в данной отрасли, способностью общества к эффективному использованию ИКТ благодаря наличию основных образовательных навыков. Оценка инфраструктуры и цифрового контента включает производство электроэнергии, уровень покрытия мобильной сети, международный Интернет-трафик, безопасность Интернет-серверов и доступность цифрового контента. Оценка доступности ИКТ отражает тарифы на услуги мобильной связи, фиксированные тарифы на широкополосный доступ в Интернет, уровень конкуренции в сфере Интернета и телефонии. Навыки к использованию ИКТ характеризуются качеством системы

образования, качеством математического и научного образования, уровнем среднего образования и грамотности взрослого населения.

Сетевая экономика предполагает реальное использование ИКТ основными экономическими агентами, а также значительное влияние ИКТ на увеличение эффективности и производительности. Индивидуальное использование отражает распространение ИКТ на индивидуальном уровне и характеризуется количеством домашних компьютеров, пользователей мобильными телефонами, виртуальными социальными сетями и т.п. Использование ИКТ бизнесом отражает степень использования в бизнесе Интернета, а также вклад фирм в создание высокотехнологичной, инновационно благоприятной среды, которая генерирует рост производительности. Использование государством показывает эффективность государственной политики в области ИКТ, в частности доступность государственных услуг онлайн.

О потенциале развития сетевой экономики свидетельствуют экономические и социальные последствия, получаемые от ИКТ, для повышения конкурентоспособности и благополучия общества. При этом влияние на экономику проявляется в воздействии ИКТ на конкурентоспособность страны, а также на переход экономики к наукоемкой модели развития. Влияние на общество отражает воздействие ИКТ на окружающую среду, образование, здоровье, активное гражданское участие.

В отчете за 2012 г. представлены данные по Индексу сетевой готовности в 142 странах мира. В первую десятку наиболее развитых в этом отношении стран вошли: Швеция, Сингапур, Финляндия, Дания, Швейцария, Нидерланды, Норвегия, Соединенные Штаты, Канада и Великобритания. Россия занимает 56-е место в рейтинге, между Казахстаном и Панамой [5]. Рассмотрим детализацию Индекса сетевой готовности России, включающую рейтинг и значение указанных индикаторов развития ИКТ (табл. 1, рисунок).

Таблица 1

Индекс сетевой готовности России в 2012 г.

Составляющие индекса сетевой готовности	Рейтинг: 56 (из 142)	Значение: 4,0 (0–7)
1. Субиндекс «Среда»	100	3,5
1.1. Политическая и нормативно-правовая среда	102	3,2
1.2. Деловая и инновационная среда	83	3,8
2. Субиндекс «Готовность»	32	5,4
2.1. Инфраструктура и цифровой контент	40	4,8
2.2. Доступность	17	6,2
2.3. Навыки	53	5,2
3. Субиндекс «Использование»	60	3,7
3.1. Индивидуальное использование	52	3,9
3.2. Использование бизнесом	83	3,4
3.3. Использование государством	71	3,7
4. Субиндекс «Влияние»	73	3,4
4.1. Влияние на экономику	53	3,4
4.2. Влияние на общество	89	3,4

Показатели индекса NRI России в 2012 г. [5]

Приведенные таблица и диаграмма свидетельствуют о наличии сильных и слабых сторон готовности России к сетевой экономике. Так, к сильным сторонам России относятся заинтересованность и готовность экономических агентов к использованию ИКТ в своей хозяйственной деятельности, что обеспечивается производством электроэнергии, высоким уровнем покрытия мобильной сети и международного Интернет-трафика. Тарифы на услуги мобильной связи и доступ в Интернет делают ИКТ доступными для широкого применения в российской экономике. Уровень конкуренции в сфере Интернет и телефонии способствует повышению качества и разнообразию предоставляемых информационно-коммуникационных услуг. Способность российского общества к эффективному использованию ИКТ определяется высоким уровнем образования и грамотности населения. Напротив, слабыми сторонами готовности России к сетевой экономике являются качество политической и нормативно-правовой среды, незначительное влияние ИКТ на общество и экономику. Неэффективность правовой системы и слабая восприимчивость компаний и государственных структур к внедрению информационных технологий мешают стране подняться в рейтинге выше.

В табл. 2 представлены 10 показателей с наиболее высоким рейтингом и 10 показателей с наименьшим рейтингом Индекса сетевой готовности России, отражающих факторы, способствующие развитию сетевой экономики в России, и факторы, препятствующие этому.

Таблица 2

Показатели России с самым высоким и самым низким рейтингом (2012 г.) [5]

Показатели с самым высоким рейтингом	Рейтинг	Показатели с самым низким рейтингом	Рейтинг
1. Мобильный широкополосный доступ, на 100 чел.	7	1. Уровень освоения технологий фирмами	130
2. Уровень грамотности взрослого населения, %	9	2. Защита интеллектуальной собственности	126

Окончание табл. 2

Показатели с самым высоким рейтингом	Рейтинг	Показатели с самым низким рейтингом	Рейтинг
3. Время, необходимое для заключения контракта, дни	11	3. Уровень конкуренции на рынке	124
4. Высшее образование, коэффициент охвата, %	13	4. Независимость судей	123
5. Фиксированные тарифы на широкополосный доступ в Интернет, \$ / мес.	17	5. Эффективность правовой системы в урегулировании споров	123
6. Количество наукоемких рабочих мест, %	18	6. Эффективность правовой системы в сложных вопросах	123
7. Производство электроэнергии, кВт/ч на 1 чел.	28	7. Наличие новейших технологий	121
8. Международный Интернет-трафик, кбит/сек	36	8. Влияние ИКТ на новые продукты и услуги	112
9. Количество патентных заявок в сфере ИКТ, на 1 млн чел.	40	9. Влияние ИКТ на доступ к базовым услугам	111
10. Тарифы на услуги мобильной связи, \$ / мин.	42	10. Качество школ менеджмента	107

Как следует из данных табл. 2, развитие сетевой экономики в России ограничивается главным образом институциональными и технологическими факторами. В числе первых несовершенство и неэффективность нормативно-правовой базы, незащищенность прав интеллектуальной собственности, теневизация и коррумпированность судебной системы, высокие административные барьеры и т.д. Ко вторым относится отсутствие новых прорывных технологий и низкий технологический уровень российских предприятий, что обусловлено прежде всего технологическим отставанием России от ведущих стран мира, сырьевой ориентацией российской экономики, недофинансированием науки и т.д. Следовательно, для повышения готовности России к сетевой экономике и ее места в рассмотренном международном рейтинге необходимо проведение соответствующей институциональной и научно-технологической политики.

Таким образом, в настоящее время идет активный процесс формирования сетевой экономики в России и мире. Мониторинг сетевой экономики России на основе индикаторов развития информационно-коммуникационных технологий, входящих в состав Индекса сетевой готовности, показал недостаточную степень и потенциал ее развития. Позиция России в мировом рейтинге свидетельствует о наличии как сильных, так и слабых сторон. Для повышения готовности России к сетевой экономике необходима системная работа по институциональному и технологическому развитию государства.

Библиографический список

1. Лазарев И.А., Хижа Г.С., Лазарев К.И. Новая информационная экономика и сетевые механизмы развития. М., 2010.
2. Коблова Ю.А. Сетевая экономика и траектории институционального развития. Саратов, 2012.

3. Ковалев М.М., Курбацкий А.Н. Как измеряют готовность страны к сетевой экономике? // Экономический вестник. 2002. Вып. 2, № 3. С. 400–416.

4. Бортвин Д.О., Лобза Е.В., Хасанишин Р.Р. Оценка инновационного потенциала через призму индикаторов развития информационного общества и экономики знаний // Вестник международных организаций. 2010. № 1 (27).

5. The Global Information Technology Report. 2012. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-2012/>

**A.V. Ivanov
Formation of Industrial
Enterprise Management
Mechanism in Modern
Conditions**

The main components of the industrial enterprises management mechanism operating in conditions of uncertainty and variability of the environment are considered. The efficiency of complex implementation of the activities proposed for the full operation of an industrial enterprise is analyzed.

Key words and word-combinations: industrial enterprise, management system, management mechanism.

Рассматриваются основные составляющие механизма управления промышленным предприятием, функционирующим в условиях неопределенности и изменчивости внешней среды. Анализируется эффективность комплексной реализации предлагаемых мероприятий для полноценной работы промышленного предприятия.

Ключевые слова и словосочетания: промышленное предприятие, система управления, механизм управления.

УДК 338.24
ББК 65.291.2

А.В. Иванов

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Современное промышленное предприятие в процессе своего функционирования постоянно находится под воздействием факторов быстро изменяющейся внешней среды, что приводит к возникновению проблем и задач, требующих оперативного решения. В связи с этим необходимо постоянно совершенствовать механизм управления промышленным предприятием, учитывая внешние и внутренние условия формирования структуры и методов внутрифирменного менеджмента, а также особенности внешнего окружения, влияющего на его функционирование.

Для российских производителей прогнозируемость изменений внешней среды в первую очередь важна с точки зрения обеспечения рационального и устойчивого функционирования в сложных экономических обстоятельствах перехода на инновационный путь развития. В рамках модернизации управления промышленных предприятий становится необходимым создание внешне ориенти-

рованных устойчивых механизмов управления, с помощью которых промышленное предприятие способно рационально использовать имеющиеся ресурсы и функционировать в новых рыночных условиях. Таким образом, актуальным является формирование механизма управления промышленным предприятием, отвечающего современным требованиям хозяйствования.

Под механизмом управления промышленным предприятием понимается совокупность организационных, методических, технологических и инструментальных приемов, структурирующих и направляющих процессы деятельности предприятия сообразно поставленным целям.

В работах ряда исследователей современное промышленное предприятие определяется как открытая система, динамично взаимодействующая с окружающим миром. Для поддержания своей деятельности оно получает извне ресурсы, которые преобразует в готовую продукцию, получает прибыль, а также образует отходы [1]. Предприятие соотносится с внешними системами, охватывающими различные стороны функционирования национальной экономики – политическую, экономическую, социальную, ресурсную, технологическую. При этом влияние внешней среды рассматривается с различной степенью детализации, а факторы внешней среды подразделяются по признаку оказания прямого или косвенного воздействия. К факторам косвенного воздействия относятся международные и политические события, состояние национальной экономики, социально-культурные события, научно-технический прогресс (НТП) [2].

Количество факторов внешней среды, которые необходимо учитывать при организации и ведении бизнеса, характеризует сложность управления. На разных предприятиях не может быть единой, одинаково эффективной для всех структуры управления. Многофакторное окружение промышленного предприятия приводит к усложнению его организационной структуры и механизмов функционирования. Организовать данный процесс можно только посредством формирования интегрированной системы менеджмента предприятия.

Внешняя среда имеет и динамические характеристики. Динамика, или подвижность, внешней среды выражается в частоте, величине и регулярности тех или иных изменений, которые необходимо учитывать при принятии решений. Таким образом, при формировании механизма управления промышленным предприятием следует учитывать влияние факторов внешней среды как можно более в полном объеме, поскольку внешняя среда отличается высокой степенью неопределенности и препятствует принятию эффективных управленческих решений.

Механизм управления промышленным предприятием в условиях открытого рынка должен быть рациональным, достаточным, воспроизводимым, прозрачным, обеспечивая многовариантность поведения во внешней среде и возможность эволюционного развития. Комплекс планируемых изменений на предприятии должен быть понятным в управлении для зарубежных партнеров и аудиторских фирм, способствуя тем самым инвестиционной привлекательности предприятия и его адаптации к условиям мировой экономической системы. Для разработки конкретных решений по созданию механизма управления на предприятии необходимо сформировать модель управления.

Управление предприятием подразумевает эффективное применение инвестиций, активов в целом. Деятельность предприятие связана с необходимостью

управления непрерывным материальным потоком. Оно получает из внешней среды сырье, материалы, энергоносители и услуги. Осуществление основных технологических процессов по переработке и потреблению этих ресурсов следует рассматривать как привнесение в этот материальный поток своего ноу-хау. В процессах задействованы тысячи работников, организованных в соответствии с внутренней иерархией предприятия. В итоге на выходе предприятие получает продукт, предназначенный для реализации во внешней среде. Вырученные при этом денежные средства позволяют предприятию повторить указанный цикл и продолжить свое функционирование, а часть их, приходящаяся на прибыль, может быть направлена на инвестирование. Таким образом, деятельность промышленного предприятия представляет собой систему видоизменения материального потока, проходящего через него. На рис. 1 схематично представлены преобразования материального потока на промышленном предприятии.

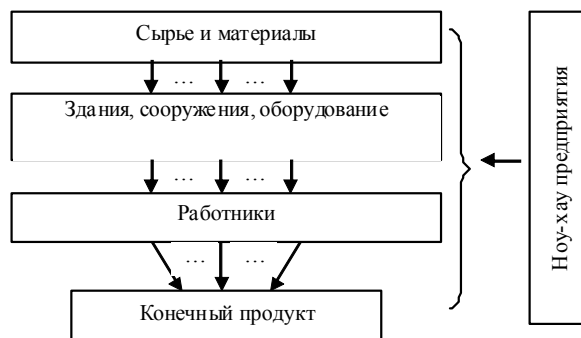

Рис. 1. Организация материального потока на промышленном предприятии

Каждый участник производственной деятельности привносит добавочную стоимость в процессе преобразования материального потока и непосредственно влияет на себестоимость выпускаемой продукции. Управление предприятием целесообразно осуществлять посредством координации действий в закрепленных за работниками секторах ответственности и выстраиванием алгоритмов взаимодействий подчиненного персонала.

Руководитель, стремящийся реализовать поставленные перед ним задачи, применяет инновационные подходы в своем секторе ответственности. При оперативном управлении предприятием в соответствии с иерархией доминирующим является подход директората. Именно эта группа руководителей инициирует основные приемы управления на предприятии. Количество функциональных секторов работы на практике должно соответствовать численному составу директората. Оно не может изменяться без учета специфики деятельности предприятия. Кроме того, директорат решает задачу обеспечения интеграции предприятия с внешним окружением; на него возложены обязанности формирования внутренних механизмов управления и установления их взаимоотношений с внешней средой на основе компромисса.

При организации управления предприятием наиболее важны следующие

аспекты его деятельности, или целевые подсистемы: финансы; экономика; инженерное обеспечение (техника и технологии); производство; коммерция; управление персоналом; управление качеством; информационное и организационно-методическое обеспечение; безопасность (рис. 2).

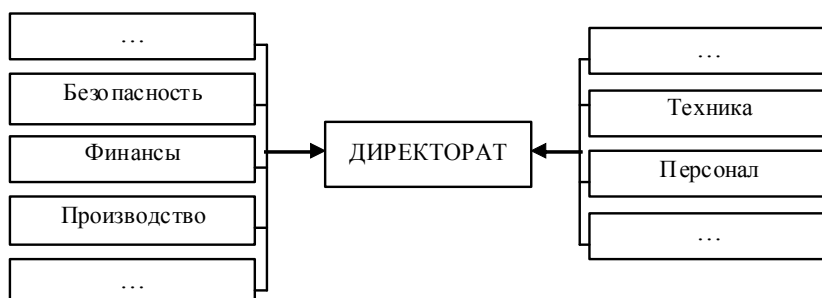

Рис. 2. Структурная модель актуальных подсистем управления предприятием

Все стороны деятельности предприятия взаимосвязаны, и управление в целом носит комплексный характер. К наиболее важным компонентам механизма управления предприятием относится управление качеством, управление информацией, управление затратами. Этот комплекс компонентов управления определяет правила поведения внутри промышленного предприятия и создает основу для его устойчивого функционирования в условиях рыночного окружения.

Потребность в изменениях создает предпосылки для распространения идеологии TQM (Total Quality Management) – всеобщего, или всеохватывающего, управления на основе качества на промышленном предприятии. Управление качеством должно быть организовано в соответствии с требованиями международных стандартов ISO серии 9000:2000. Ключевым звеном в обеспечении качества выступает реализация требования документирования процедур и процессов, обеспечивающих функционирование промышленного предприятия.

Формирование механизма управления промышленным предприятием целесообразно осуществлять с учетом основных требований стандартов, а именно:

- управление качеством является частью общей системы управления предприятием, ориентирующих всех сотрудников – от руководителя предприятия до рабочего – на постоянное совершенствование процесса производства, начиная с обеспечения требуемого уровня качества продукции до сдачи продукции заказчику;

- производственная деятельность, характерная для каждого предприятия, по своей структуре и содержанию неоднородна и состоит из различных операций, которые можно сгруппировать по составу выполняемых работ, оформив их в процессы – основные и поддерживающие;

- совокупность взаимосвязанных основных и поддерживающих процессов образует бизнес-модель предприятия, состоящую из бизнес-процессов, каждый из которых представляет собой отдельный объект управления с соответствующими функциями управления;

- при разработке бизнес-модели важно установить, в какой степени дости-

жение целей, обусловленных политикой предприятия, обеспечивается постановкой определенных задач в рамках бизнес-процессов;

- необходимы четко установленные границы бизнес-процессов и соответствующие процедуры в системе управления;

- существующая система общего менеджмента должна быть дополнена функциями по обеспечению качества;

- комплексные изменения в существующей структуре управления предприятием и действующих процедурах должны обеспечивать более четкую и согласованную деятельность по разработке, производству и обслуживанию продукции.

Важным аспектом формирования механизма управления предприятием является формирование единой документированной системы посредством осуществления следующих мероприятий: разработка структуры управления; определение политики предприятия, управления качеством и состава необходимой для этого документации. Подобная документированная система, логично складывающаяся из мероприятий в рамках конкретного бизнес-процесса, понятна каждому сотруднику предприятия [3].

Для управления информационными потоками на промышленном предприятии целесообразно использовать интегрированную информационно-управляющую систему ERP-класса. Стандарт ERP – это стандарт управления ресурсами предприятия на основе создания единого информационного пространства предприятия. Бизнес-модель предприятия на базе ERP-стандартов способствует интеграции различных компонентов (подсистем) управления, снижает число ошибок, устраняет излишние операции. Эффективное внедрение такой модели возможно только с использованием информационных технологий. Прогнозирующие и планирующие возможности ERP-систем позволяют существенно снизить затраты и повысить качество бизнес-процессов на предприятии.

Для управления затратами можно использовать такой современный экономический инструментарий, как контроллинг. В рамках системы контроллинга предприятия управление затратами обеспечивается индивидуальным для каждого предприятия организационно-методическим комплексным решением, предполагающим единый замкнутый цикл. Использование методологии контроллинга в работе промышленного предприятия должно носить характер документально оформленной технологии управления, предполагающей наличие специальных процедур анализа деятельности для своевременного принятия решения (рис. 3).

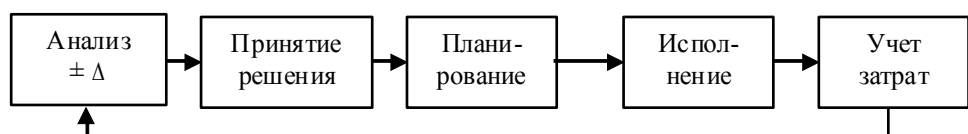

Рис. 3. Схема цикла управления

Основной задачей контроллинга является формирование, внедрение и развитие системы управления предприятием в части координации управленческой

деятельности по определению, уточнению и достижению целей организации. Такой подход к управлению должен охватывать все подразделения предприятия, а масштабы ее применения могут меняться в зависимости от уровня управления и актуальности соответствующего направления или предметной области. Таким образом можно сформировать структурированный комплекс организационной и методической поддержки управленческой деятельности со специальными сценариями и процедурами принятия управленческих решений, то есть структуру контроллинга промышленного предприятия.

Использование системы контроллинга в системе управления предприятия повышает эффективность принятия управленческих решений, поскольку учитывает неопределенность и изменчивость внешней среды, потребности обеспечения информацией для принятия адекватных управленческих решений, развитие систем управления, процесс объединения различных областей науки при управлении развитием промышленного предприятия, формирование методов оценки качества управления.

Предлагаем алгоритм внедрения системы контроллинга в механизм управления промышленным предприятием, состоящий из пяти этапов.

Первый этап – это создание замкнутого цикла управления затратами и прибылью предприятия, включающего сферу планирования: уточнение целей и задач в основных областях деятельности предприятия; разработка планов по функциональным областям в рамках каждого бизнес-процесса; определение финансовых планов-бюджетов; соотнесение их с центрами и возникновения затрат и центрами возникновения прибыли. Затем сфера выполнения: определение критериев достижения целевых показателей; распределение полномочий и ответственности; внесение изменений в показатели планирования; мотивация персонала на достижение поставленных целей, а также учет фактических затрат и прибыли, анализ результатов деятельности и обеспечение активного регулирующего воздействия результатов анализа на последующий цикл планирования и принятие управленческих решений.

Второй этап – разработка системы управленческого учета по следующим направлениям: учет полной и частичной себестоимости; дифференцированный учет; учет по центрам ответственности.

Третий этап – установление стандартных процедур планирования, бюджетирования, учета и анализа, в частности разработка взаимосвязанных нормативных документов, обеспечение управления документооборотом.

Четвертый этап – интеграция управленческого и финансового учета. В этих целях необходимо определить количественные показатели для оценки эффективности деятельности; создать информационную систему для принятия управленческих решений; разделить процессы получения информации различными группами пользователей (внутренними и внешними); разработать многоцелевую классификацию затрат для обеспечения задач учета; распределить полномочия и ответственность при передаче информации.

Пятый этап – согласование стратегического с тактическим и оперативным планированием с целью обеспечения реализации политики промышленного предприятия и определения задач по важнейшим направлениям работы.

Применение контроллинга как технологии управления во всех областях дея-

тельности предприятия позволит обеспечить стабильность выполнения необходимых процедур, а также создать предпосылки для объективной оценки качества работы функциональных участников внутрифирменного взаимодействия. Кроме этого, применение контроллинга способствует реализации важнейших принципов TQM и принятию решений, основанных на фактах. Таким образом, механизм управления промышленным предприятием включает экономический инструментарий, отвечающий современным требованиям национальной экономики.

Необходимым условием реализации ключевых компонентов механизма управления является неразрывность функциональной взаимосвязи, что обеспечивается путем согласования на стадии разработки и интеграции всех видов указанных структур, рабочих процедур и инструментов их поддержки [4]. Такой подход формирует единый механизм управления промышленным предприятием.

Необходимо закрепить такие регламенты, процедуры и методики в документах высшего уровня – стандартах предприятия, которые регулируют весь спектр организационных и иных регламентов управления. На первой стадии реформирования управления предприятием стандарты способны зафиксировать существующие процедуры и регламенты, чтобы в дальнейшем обеспечить развитие всех компонентов механизма управления [5].

Таким образом, при формировании организационной структуры промышленного предприятия наряду с ответственностью за разработку и управление процессами производства необходимо предусмотреть ответственность за разработку и управление процессами управления. Целесообразно организационно закрепить ответственность за разработку и управление процессами управления на уровне директората (и, возможно, выделить эти работы в отдельный сектор), что позволит предприятию вести планомерную работу по качественному совершенствованию управления и обеспечит его долгосрочное развитие.

Формирование механизма управления промышленным предприятием в целях повышения качества и эффективности управления в современных условиях хозяйствования заключается в осуществлении комплекса организационных, методических и технических решений, предполагающих определенный уровень развития ключевых компонентов управления промышленным предприятием – качеством, информацией и затратами, наряду с созданием единой базы документации и иерархии координирующих коллегиальных органов в условиях влияния факторов внешней среды.

Достоинством предлагаемого нами механизма управления промышленным предприятием является возможность решения следующих задач: исполнение функций управления, оценка качества управления, поведение при исполнении функций, устранение противоречий целей разных уровней управления, регулирование и регламентация функций, создание системы мотивации и стимулирования персонала для достижения поставленных целей предприятия. Комплексная реализация предлагаемых мероприятий обеспечит долгосрочную основу для полноценной работы промышленного предприятия в условиях острой конкуренции и необходимую поддержку дальнейшего эффективного развития других компонентов управления с учетом новых задач.

Библиографический список

1. Мильнер Б.З. Теория организации: учебник. М., 2002.
2. Томпсон А.А., Стрикленд А.Дж. Стратегический менеджмент: Искусство разработки и реализации стратегии: учебник для вузов / пер. с англ. М., 1998.
3. Дедов О.А. Управление экономической адаптацией промышленного предприятия к условиям рыночной среды: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. Ижевск, 2003.
4. Strategic Enterprise management: Wertorientierte Unternehmensfuehrung. SAP AG, 2001.
5. Прикладной экономической инструментариий превентивного антикризисного управления устойчивым развитием организации / кол. авт.; под ред. Ю.П. Григорьева. СПб., 2012.

V.A. Markov, A.S. Fomina
Multivariate Statistical Methods
to Identify the Economic
Clustering in Regions on the
Basis of Labor Market Indicators

The conditions for the successful implementation of the state policy in the field of optimization of the labor market are analyzed. By means of statistical tools the mechanism of the analysis of the economic clustering influence on indicators of the regional labor markets is shown. By the example of the Volga regions the actual processes of stable economic clusters formation are investigated.

Key words and word-combinations: models of regional clusters formation, economic clustering in the regions, statistical methods.

Анализируются условия реализации государственной политики в области оптимизации рынка труда. С помощью статистического инструментариия показывается механизм анализа влияния экономической кластеризации на индикаторы региональных рынков труда. На примере регионов Поволжья исследуются фактические процессы формирования устойчивых экономических кластеров.

Ключевые слова и словосочетания: модели формирования территориальных кластеров, экономическая кластеризация в регионах, статистические методы.

УДК 31.33
ББК 65.051

В.А. Марков, А.С. Фомина

**МНОГОМЕРНЫЕ
СТАТИСТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ
ВЫЯВЛЕНИЯ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
КЛАСТЕРИЗАЦИИ
В РЕГИОНАХ
НА ОСНОВЕ ИНДИКАТОРОВ
РЫНКА ТРУДА**

Региональное экономическое развитие на современном этапе испытывает дефицит многих видов ресурсов, в первую очередь финансовых и инвестиционных, необходимых для модернизации реального сектора. Не менее важным ресурсом, роль которого непрерывно возрастает во всем мире, является труд. В регионах России остро стоит проблема несоответствия между спросом и предложением на труд с позиций квалификации, производительности и адекватного вознаграждения на фоне дефицита капитальных вложений.

Недостаточные резервы региональных бюджетов, постоянный поиск компромисса в направлениях привлечения инвестиций, в том числе частных, выводят государство на

путь кластерной политики. Эффективность использования кластерного подхода в качестве механизма развития территории основана на том, что он обеспечивает ряд синергетических эффектов в области кооперации, укрепляет роль точек роста внутреннего рынка и базы внешней экспансии, конкурентоспособности рынка труда и экономики в целом.

В данном исследовании представляется целесообразным использовать современный европейский подход – «полюс конкурентоспособности» [1], основанный на партнерстве бизнеса, центральных и местных властей. Государство заинтересовано в глобальной конкурентоспособности своей экономики и достижении «полюсов конкурентоспособности» мирового уровня, что выражается в оказании различных форм государственной поддержки при реализации стратегий развития территорий на базе экономических кластеров [2].

Экономический кластер представляет собой обобщение неких экономических явлений, сходных по определенным свойствам. Такое объединение процессов или объектов на принципе общности (однаправленности) развития позволяет государству (региону, организации) добиваться целого ряда преимуществ.

Для региональной экономики формирование кластеров обеспечивает рост занятости населения и привлечение квалифицированных специалистов; помогает развитию смежных секторов в экономике.

Процесс грамотного регулирования и стимулирования работы кластера способствует наиболее успешному функционированию рынка труда и региональной экономики в целом, в результате чего обеспечиваются гарантии в сохранении рабочих мест работающим в малом бизнесе, сохранение и увеличение налоговой базы, сокращение выплат по безработице и т.д. [3].

Рассмотрим, насколько активно в регионах Поволжья идет объединение хозяйствующих субъектов внутри и между отдельными видами экономической деятельности региона с точки зрения организованного комплексного развития.

Отнесение межотраслевых конгломератов к экономическим кластерам основывается на выполнении системы следующих гипотез:

- превышение в среднем по экономике производительности труда по видам экономической деятельности вследствие использования более совершенных организационно-технических процессов;
- наибольшая концентрация производства;
- неотрицательная средняя рентабельность;
- высокая производительность труда и оплата труда (выше средней по региону) [4, с. 4];
- направление основных инвестиционных потоков в регион, вследствие чего инвестиции на одного занятого в отраслях кластера должны превышать аналогичные по региону;
- отличие средней численности занятых на предприятиях кластера от общерегиональной. При этом успешность развития кластера зависит от выживаемости новых производств, стартапов и инновационных предприятий, поэтому важна оценка формы распределения среднесписочной численности в предприятиях кластера относительно общерегиональной [5, с. 19].

Таким образом, параметры оптимальности рынка труда являются основны-

ми характеристиками экономического кластера. Следовательно, создание «плюсов конкурентоспособности» в регионе невозможно посредством политики выравнивания положения предприятий, отраслей или социальных групп, тем более что бюджетное финансирование при объективной ограниченности в объемах может давать реальный социально-экономический эффект только при адресной направленности, определенной концентрации усилий в местах сосредоточения трудовых ресурсов с высоким человеческим потенциалом.

Анализ состояния экономической кластеризации в регионах Поволжья проводится с помощью многомерных методов статистического анализа.

Условимся в дальнейшем под кластером понимать совокупность отраслей, наиболее близких между собой по значениям признаков типологизации. Экономические же кластеры – это лишь некоторые из полученных кластеров, отвечающие требованиям смежности производств, сильных межотраслевых зависимостей, последовательного вклада в процесс создания и движения стоимости.

Исследование с применением методов иерархического и дивизимного кластерного анализа позволит сформировать представление об экономических кластерах и их устойчивости в каждом исследуемом регионе за семь лет с 2006 по 2011 г., сравнить специализацию регионов, определить с точки зрения федерального управления наличие позитивных (кооперационных) и негативных (конкурентных) процессов между регионами. Последующая проверка значимости кластеризации методами дисперсионного анализа покажет зрелость кластеров в регионах Поволжья, степень их экономического превосходства и влияния на организацию развития рынка труда.

Логическую схему анализа представим на рис. 1.

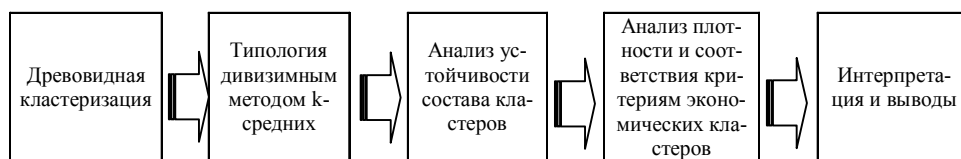

Рис. 1. Алгоритм исследования экономической кластеризации рынков труда в регионах Поволжья

Авторами сформулирована система критериев отнесения к экономическому кластеру, на основе которых подобраны статистические данные для регионов Поволжья.

Для многомерного кластерного анализа отобраны и рассчитаны по отраслям на базе официальных данных следующие показатели: удельная заработная плата (отношение заработной платы к производительности труда); рентабельность; доля ВДС в общем объеме ВРП; инвестиции на одного занятого; доля инвестиций в отрасль в общем объеме инвестиций в регионе; производительность труда (отношение ВДС отрасли к численности занятых в регионе); отношение среднегодовой численности занятых в экономике к численности предприятий и организаций региона.

Первый этап – древовидная кластеризация – является наиболее известным

методом представления матрицы расстояний или сходства и основан на идее дендрограммы, или диаграммы, дерева. В процессе исследования проведена кластеризация исходных данных с использованием пакета Statistica 10.0. Фактически в каждом регионе отрасли четко разделены на три кластера.

На втором этапе типологии дивизимным методом k -средних, имея информацию о числе максимально различных кластеров в каждом регионе из иерархического дерева, можно проверить оптимальность предварительного выделения кластеров и определить их состав. Данная задача также реализуется посредством программы Statistica 10.0 и стандартизации при этом данных.

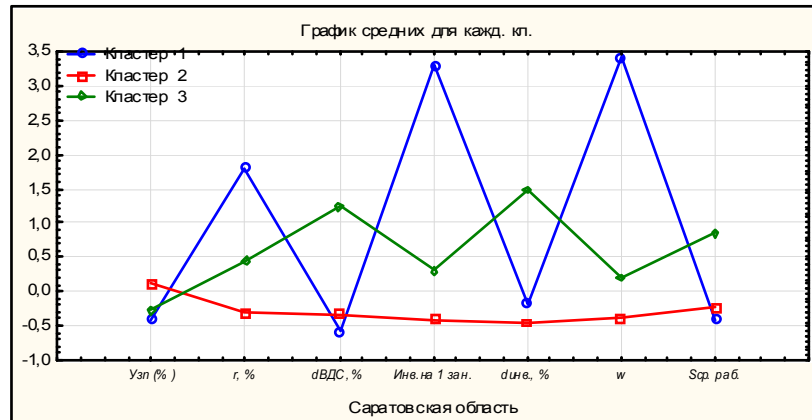

Рис. 2. Разделение видов экономической деятельности на кластеры в Саратовской области

Полученные графики средних значений для исследуемых регионов – например, кластеризация в Саратовской области – представлены на рис. 2. Анализ графиков позволяет сделать вывод о достаточно корректном разделении на кластеры. Данные средних значений в исследуемых регионах показывают, что по всем семи признакам средние значения в кластерах существенно отличаются друг от друга.

Определение устойчивости кластера предполагает анализ стабильности попадания в него одних и тех же видов экономической деятельности за разные временные отрезки исследуемого периода. Для рассматриваемых регионов первый и третий кластеры – основа для формирования экономических кластеров. Вторые же кластеры, за исключением таковых в Тамбовской и Ульяновской областях, являются объединением отраслей разнородных с точки зрения производимой продукции, не связанных перетоком товаров и услуг, со слабыми межотраслевыми связями. Причиной тому стала лишь похожая, усредненная картина для критериальных показателей рынка труда. Предметом нашего внимания выступают кластеры с нетипичным, в первую очередь высоким, уровнем отраслевых показателей, что является основой их конкурентоспособности и концентрации ресурсов рынка труда.

Так, для двух регионов (Волгоградская и Саратовская области) добыча полезных ископаемых на протяжении шести лет неизменно выделяется в отдельный кластер, что свидетельствует о приоритетности развития этого направления в регионе. Ульяновская область в данном случае тоже не исключение, но при этом в ее кластер включается еще и обрабатывающее производство.

Плотность состава кластера, по нашему мнению, определяется по значениям межгрупповых и внутригрупповых дисперсий признаков, что дает представление о «качестве» кластеризации: чем меньше значение внутригрупповых и больше значение межгрупповых дисперсий, тем лучше признак характеризует принадлежность объектов к кластерам. Величина внутригрупповой дисперсии в свою очередь информирует о плотности отраслей кластера по распределению значений соответствующих показателей.

Таким образом, исходя из принципов эволюции сложных социально-экономических систем, внутренний состав кластера, с одной стороны, должен включать максимальное разнообразие форм организации экономической деятельности, что сказывается на не равных по объему и динамике показателей использования и вознаграждения труда, интенсивности и успешности деятельности. С другой стороны, нежелательная внутри кластерная плотность индикаторов ограничивается необходимостью соблюдения значимых межкластерных расстояний, достаточного уровня различий (на основе сравнения фактических и табличных значений критерия Фишера с заданной вероятностью).

Анализ кластеров в зависимости от признаков, по которым внутригрупповая дисперсия ниже межгрупповой, показал, что данные признаки и являются кластерообразующими, так как характеризуются наивысшей плотностью значений.

Типы отраслей (точнее, типы эволюции параметров использования трудовых ресурсов на предприятиях отраслей, включенных в соответствующий кластер) разработаны авторами как многомерные характеристики. Значимость различий между типами, следовательно, задается вариацией одновременно всех показателей.

На наш взгляд, кластер не может состоять из одного вида экономической деятельности, равно как и из большинства отраслей экономики. К экономическому кластеру сложно отнести близкие по характеристикам с позиций работника и работодателя отрасли, явно не связанные между собой (к примеру, образование и сельское хозяйство). Экономический кластер должен характеризоваться более высокой, чем средняя по региону, эффективностью – следовательно, он более устойчив в динамике (развивается). Таким образом, к экономическим кластерам не относятся *k*-кластеры, в которых отдельные виды экономической деятельности появляются и пропадают в отдельные периоды.

В результате анализа средних уровней параметров рынка труда и выявления соответствия полученных кластеров выдвинутым ранее гипотезам – характеристикам экономических кластеров – определено фактическое состояние и установлена динамика экономических кластеров в регионах Поволжья.

Из всех *k*-кластеров шесть идентифицированы авторами как экономические кластеры.

В *Волгоградской области* экономическим кластером может считаться № 1. Он включает в себя обрабатывающие производства, энергетику, транспорт и

связь, предоставление различных видов услуг – проектно-изыскательские работы и НИОКР, аренду оборудования, рекламную и сбытовую деятельность и другие. Данный кластер характеризуется как смешанный – *промышленно-энергетический и транспортно-логистический*. Он является внешнеориентированным [6, с. 274] с позиций сбыта за пределы региона, по критериям рынка труда – сбалансированным с позиций как работника, так и работодателя. В то же время он направлен на привлечение внешних трудовых ресурсов, привлекателен для специалистов инженерно-технических специальностей и важен для развития крупных предприятий указанных отраслей.

В *Воронежской области* экономическим кластером может считаться № 3, состоящий из сельскохозяйственных и добывающих предприятий; предприятий, производящих тепловую, электрическую энергию; предприятий газо- и водоснабжения, а также учреждений здравоохранения. Кластер можно охарактеризовать как *индустриально-аграрный*. Он имеет невысокую долю в региональном ВРП, но обладает конкурентоспособными уровнями критериев и работника и работодателя. По большинству критериев наблюдается также высокая плотность результатов. В то же время процессы на рынке труда данного региона не являются в высокой степени когерентными – это свидетельствует о том, что кластер находится на стадии формирования.

В *Самарской области* предприятия добывающих, обрабатывающих производств и энергетика, а также транспорт и связь образуют чрезвычайно мощный, зрелый экономический кластер, по критериям работника характеризующийся высокой организованностью, плотностью и уровнем развития. Единственный индикатор со среднерегionalным уровнем – размер инвестиций на одного занятого. Очевидно, это произошло вследствие достаточно большого числа смежных предприятий всех видов, в которых капиталовложения на порядок отличаются от инвестиций в крупные промышленные группы. В то же время с позиций работника организованность динамики и плотность показателей производительности труда и рентабельности мало отличаются от общеобластных, что может свидетельствовать о неблагоприятной ситуации со спросом на рынке труда. Кластер № 3, с нашей точки зрения, можно определить как *индустриальный*, с наличием нескольких крупных кластерообразующих «ядер». Этот кластер является внешнеориентированным, что в свою очередь делает внешнеориентированным и рынок труда, так как привлекает специалистов из других регионов положительными с позиций работников значениями критериев.

В *Саратовской области* кластер № 1 состоит только из предприятий добывающих производств, поэтому независимо от высоких результатов его нельзя назвать экономическим кластером. Кластер № 3 является экономическим кластером, включающим предприятия агропромышленного комплекса, обрабатывающих производств, энергетики, транспорта и связи. В то же время он демонстрирует невысокие результаты, приходит в упадок, в первую очередь по уровню заработных плат, привлекаемых инвестиций, рентабельности и производительности труда. Системность и организованность процессов на рынке труда и достаточная плотность критериальных показателей дают основания считать кластер *аграрно-*

индустриальным, но отнести его к эффективно развивающимся и на этом основании возложить роль локомотива регионального развития невозможно.

В *Тамбовской области* экономическими кластерами можно признать № 2 и 3.

Кластер № 2 включает предприятия сельского хозяйства, обрабатывающих производств, энергетики, строительства и торговли, характеризуется достаточно высокими по сравнению со среднеобластным уровнем значениями критериев работника, но невысокими – работодателя. В кластере № 2 отмечается невысокая системность в получении прибыли от производства, низкая инвестиционная привлекательность, разброс между уровнем производительности и оплатой труда. На этом основании можно сделать вывод, что данный *индустриальный* кластер является внутриориентированным, нацелен на потребности региона.

Кластер № 3 состоит из предприятий по производству и распределению электроэнергии, газа и воды, транспорта и связи, услуг по организации бизнес-процессов (реклама, менеджмент, проектно-исследовательские и опытно-конструкторские работы и т.п.). Низкий внутрикластерный уровень рентабельности и высокий диапазон размеров предприятий свидетельствуют о сбалансированном, но медленном становлении этого комплекса в качестве ведущего регионального горизонтально ориентированного кластера. При этом как межотраслевой комплекс с четко прослеживающейся направленностью на привлечение работников и инвестиций, высокой социальной ориентацией он может считаться одним из признаков стабильного развития области. На наш взгляд, можно назвать этот кластер *индустриальным с элементами инновационной технологической направленности*.

В *Ульяновской области* экономическому кластеру соответствует кластер № 2. Он включает агропродовольственные и добывающие предприятия, а также учреждения здравоохранения. Межотраслевая связь указанных видов деятельности представляется слабой, что уже не соответствует природе экономического кластера. Отсутствие кластера в Ульяновской области доказывают и низкий уровень средней зарплаты, производительности труда и рентабельности, ее плотность и организованность в данном *k*-кластере. Таким образом, данная группа предприятий разных видов экономической деятельности не выступает конкурентоспособной на региональном рынке, и может быть определена как пришедший в упадок базис социально-экономического развития области. Достаточно высокая производительность труда (278 тыс. руб. в год) не конвертируется в прибыль и заработную плату, вследствие чего эти производства можно считать социально ориентированными, направленными на поддержание стагнирующей рабочей силы и требующими государственной поддержки и переориентации на другую номенклатуру продукции. Региональные власти предпринимают усилия по улучшению положения, вследствие чего в данных отраслях отмечаются высокие показатели производительности труда и инвестиций на одного занятого (по региону – 30% от всех привлекаемых средств).

Проведенный анализ дает основание утверждать, что ведущая роль экономических кластеров в развитии региона состоит в росте конкурентоспособнос-

ти, повышении эффективности хозяйствования, занятости и, следовательно, уровня жизни населения, но главное – в качественном улучшении спроса на рынке труда, что способствует повышению уровня трудового и человеческого капитала в регионе. Региональные власти при разработке и реализации программ развития в первую очередь должны ориентироваться на «полюсы конкурентоспособности», коими экономические кластеры и являются.

Библиографический список

1. Черноуцан Е.М. Полюса конкурентоспособности как важнейший инструмент реализации нового курса промышленной и региональной политики Франции // Проблемы государственной политики регионального развития России: мат-лы Всерос. науч. конф. М., 2008.
2. Высокие технологии – стратегия XXI века // Высокие технологии XXI века: мат-лы конф. Десятого юбилейного междунар. форума, 21–24 апр. 2009 г. М., 2009. С. 507–510.
3. Цихан Т.В. Кластерная теория экономического развития // Теория и практика управления. 2003. № 5.
4. Жуковская В.М. Удельная оплата труда – индикатор конкурентоспособности // Вопросы статистики. 2009. № 7. С. 3–12.
5. Блинова Т.В., Русановский В.А. Экономическая политика, структура занятости и безработица в российских регионах. М., 2002.
6. Пальцев В.В. Совершенствование механизмов создания промышленных кластеров как проблема современного менеджмента // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2010. № 4(83).

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

S.V. Zelenkina
**The Dialogue with the Other
in the Post-Modern Model
of Human Being**

The concept of human being in the context of features of the model of the world in the contemporary postmodern philosophy is analyzed. The possibilities of a dialogue in the era of virtual communication are studied.

Key words and word-combinations:
Other, dialogue, virtual communications.

Анализируется концепция человеческого бытия в контексте особенностей модели мира современной постмодернистской философии. Исследуются возможности диалога в эпоху виртуальных коммуникаций.

Ключевые слова и словосочетания: Другой, диалог, виртуальные коммуникации.

УДК 1:316
ББК 60.026

С.В. Зеленкина

ДИАЛОГ С ДРУГИМ В ПОСТМОДЕРНИСТСКОЙ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Диалог присутствует в любом культурном контексте. В эпоху постмодернизма противоречивая коммуникация с Другим приобретает еще более специфические особенности, так как проходит в поле смещенных ценностных ориентаций общества и жизненных ориентиров. В философии XX в., в немалой степени являющейся философией языка, не случайно понятие Другого приобретает актуальность как направленное на объект диалога и коммуникации, тоже являющихся феноменами [1]. Идея диалога, как никогда, актуальна именно в наше время мультиинформационного потока, хлынувшего на человека.

В основу понятия «Другой» легла гегелевская категория «свое иное», отлично выражающая суть: то, что не есть Я, но представленное, однако, в отношении ко мне и для меня; предполагающее диалог и коммуникацию, где каждый из коммуникативных партнеров не только является значащим для другого, но и обусловлен другим. Поскольку человек может определить себя лишь через

Другого, возникает проблема самоопределения в условиях дискурсивно-хаотичного существования Другого.

Проблема идентификации Другого становится проблемой самоидентификации. Издавна эта проблема имела более конкретное значение, означая человека иной культуры, носителя иного языка или представителя иного сословия. Но если для человека современного она приобрела значение взаимодействия с человеком, находящимся рядом, то в последние десятилетия все более острой становится проблема коммуникации с человеком кажущейся близости, с субъектом диалога по ту сторону экрана, когда диалог сведен исключительно к текстуальному выражению. Таким образом, равный субъекту диалога онтологически, то есть существуя в том же пространстве ценностей и смыслов, Другой переместился из сферы предметности в сферу символического.

Феномены человеческого бытия получают свое выражение в языке как одной из форм существования человека. Исторически концепция Другого не нова, но именно постклассическая философия акцентирует ее связь с языком, одновременно намекая на его враждебность. Например, отмечает Ж. Лакан, «как только... ребенок столкнется с Другим, он немедленно теряет свою былую невинность и начинает защищаться от реальности посредством языка» [2, с. 251]. Для ребенка Другой, олицетворяемый взрослым, изначально трансцендентен [3]. Сознание человека, неразрывно связанное с языком, противостоит Другому как объекту коммуникации. Здесь имеет место парадоксальная ситуация, когда язык является и необходимым средством для понимания Другого, и защитой от него. Впрочем, это частная сторона парадоксальности самой фигуры Другого.

Возможность познания Другого, сознание которого по отношению к нам трансцендентально (то есть содержание его переживаний остается мне недоступным, как никогда не данное мне непосредственно, а лишь опосредованно и гипотетически, через уподобление моему собственному), находится под вопросом. Мы можем попытаться объяснить Другого, но понимание объекта не имеет ничего общего с его познанием. Тем не менее именно непостижимый Другой является для нас средством самопознания, познания структур своего бытия, потому что Я человека также не может быть определимо посредством самого себя как недостижимое для познания.

Единственный опыт, который Другой не может нам передать, это опыт умирания. В этом смысле очень точно сказано в экзистенциализме, что каждый умирает в одиночку. Казалось бы, смерть, данная человеку как факт смерти Другого, должна была бы убеждать его в собственной смертности, но этого не происходит, она может убедить человека лишь в смертности Другого, но никак не собственного Я, по отношению к которому она «радикально иное» и потому принадлежность того, кто «расположен» в «ином», кто к этому «иному» «причастен» [4, с. 103].

Именно здесь реализуется сартровское «ничтожение» Другого в его состоянии низведения к вещественности больше чем каким-либо иным образом, приближая его к «ничто», пугая его этим. Таким образом, получается своего рода отрицание отрицания. Особенно заметно это становится позже, во время феномена постмодернизма как феномена игры, опровержения самого себя. Взаимодействие в эпоху средств электронного общения рождает феномен ролевого поведения.

Процесс коммуникации перестал быть диалогом между Я и Ты. Открытый диалог «лицом к лицу» превратился в диалог частично обезличенных субъектов, поскольку при общении в электронной сети человек не имеет возможности получить такую невербальную информацию, как жесты, интонация, язык тела. Если реальная коммуникация предполагает наличие Другого, то при абстрактной, например электронной, ее форме дружба исчезает; человек общается не с реальными собеседниками, а с искусственно созданными образами, призванными замещать реальные образы. Другой становится не зеркалом, а экраном, где теряется связь с реальным объектом. Э. Тоффлер называет такое общество обществом компьютерных пользователей, максимально обезличенных и отдаленных друг от друга [5], отсутствующих как данность здесь и сейчас, существующих «не как данности, а как «следы» данностей, знаменующие не «присутствие», а «отсутствие означаемого» [6, с. 123]. Как пишет М.Н. Естропов, исследуя труды Э. Левинаса, «след» есть «явленное отсутствие», его отсылка всегда остается пустой [4, с. 104]. Другой становится отсылкой к иному Другому, в полном соответствии с принципами философии постмодернизма, где такой системой отсылок предстает перед нами текст.

Это восприятие далекого Другого коррелирует во времени с восприятием человеком смерти, которая приобрела свойства отчужденной, о чем писал Ф. Арьес в работе «Человек перед лицом смерти» [7]. Смерть не принадлежит человеку так же, как не принадлежит и жизнь, и в дальнейшем легко будет проследить тенденцию к изменению этого фактора: с возрастанием самосознания своей индивидуальности, уникальности и ценности своей жизни соответствующим образом изменится и отношение к смерти. Выделяя пять моделей смерти по типу отношения к ней как собственности и проводя последовательный анализ, Ф. Арьес показывает, как первая модель, называемая им традиционной, в дальнейшем претерпела трансформацию, при которой смыслы и значения этих элементов смещались в сторону индивидуального начала.

Другой воплощает в себе черты небытия, которое невозможно помыслить, и смерти, агрессивной и непредсказуемой для современного человека, не вписывающейся в естественный порядок вещей, и подвергается такому же трансцендированию сознанием человека. Сложно представить в классической философии столь явное присутствие Другого, в отличие от философии XX в., в частности экзистенциалистской. Столь подробно рассмотренный Другой – герменевтически у Х.-Г. Гадамера и П. Рикера, как отрицание моего Я у Ж.-П. Сартра, как абсолютно иной Э. Левинаса – в реальности предстает оттесненным в сторону восприятием современного человека с позиции, близкой к солипсизму.

С одной стороны, каждый индивид нуждается в реализации собственного Я в рамках того общества, в котором находится. С другой стороны, общество в состоянии расколотости, со множеством ценностей и норм, отсутствием общепринятых норм не способствует взаимодействию с Другим и признанию его на основе уважения различий.

П. Козловски называет современное общество «обществом постмодерна, творческим обществом, обществом формирующейся культуры» [8, с. 137]. Столкновение с «иным» в таких условиях неизбежно, человек вынужден постоянно вести диалог с ним. Социокультурное различие часто рождает вражду. Частично

соглашаясь с С. Хантингтоном [9, с. 34], утверждавшим, что «в новом мире самые обширные, серьезные и опасные конфликты будут вспыхивать не между социальными классами, не между богатыми и бедными, не между какими-либо иными экономическими группами, а между народами, принадлежащими к разным культурам», можно прийти к заключению, что в основе вражды современности лежат социокультурные различия между представителями одного народа.

Появление новых средств коммуникации предполагает и изменение образа мышления, восприятия мира, себя и Другого в этом мире. Виртуальная реальность, ставшая феноменом современного развития общества, накладывает специфический отпечаток на феномены человеческого бытия, такие, как коммуникация. «Идея виртуальности ведет к пересмотру понятий реальности и существования других онтологических категорий» [10]. «Фактическим символом информационного общества может стать обесмысливание бытия через информационные схемы-сюжеты, логически и целостно представляющие собой своего рода мозаику», – считает А.И. Воронов [11]. Современная культура, характеризующаяся «состоянием постмодерна» (по выражению Ж.-Ф. Лиотара) как стилем мышления, и постмодернизм как характеристика нового периода в ее развитии [12, с. 5] определяют такое мышление человека, в котором превалирует игровое отношение к действительности, языку и собственному бытию; бытию, в котором важнейшие категории заменяются симулякрами, и языку, в котором вытесняются важнейшие экзистенциальные категории, а традиционное целостное восприятие их сменяется фрагментарным.

В различные исторические эпохи в коллективном сознании по-разному строились отношения между двумя фундаментальными явлениями мироздания – жизнью и смертью: от понимания смерти как естественного продолжения и завершения жизни до полного их разрыва в сознании человека, разведения их как двух различных сущностей, их взаимоотрицания. Однако с культурологической точки зрения связь между жизнью и смертью можно сформулировать в несколько иной плоскости, – когда отношение к одному из этих феноменов становится мерилем отношения к другому. В истории культуры такая взаимосвязь предстает своего рода константой, включающей культурные основания общества, являющиеся совокупностью социокодов культуры, ценностей и смысложизненных ориентиров, а также архетипов мышления и деятельности, на которых строится деятельность человека.

Феномен постмодернизма – это феномен игры, опровержения самого себя, парадоксальности. Пародия на все предшествующие эпохи, созданная и воплощенная постмодернизмом, проявилась в культе аутентичности самой по себе, в стремлении мыслить все творческие проявления как игровую сферу, в абсолютизации самоутверждения как такового, не задаваясь вопросом, имеются ли точки сопряжения между художественной деятельностью и картиной мира. В традициях постмодерна возникает искаженный образ мира, образ неживой и неподлинной реальности. Таким образом, на коммуникацию и диалог субъекта с Другим накладывается эффект феномена постмодерна, в точности повторяя его особенности, что не может служить поводом для позитивного его восприятия, но позволяет лучше изучить его особенности, что может иметь значение в социальном плане.

Библиографический список

1. Демидов А.Б. Феномены человеческого бытия. Минск, 1999.
2. Постмодернизм: энциклопедия. Минск, 2001.
3. Лакан Ж. Имена-Отца. М., 2006.
4. Евстропов М.Н. Эмманюэль Левинас: «Лицо» как абсолютное выражение // Изв. Томск. политехн. уни-та. 2010. Т., 317, № 6.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и насилие на пороге XX века. М., 2004.
6. Феррони В.В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского государственного университета. 2012. № 1.
7. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.
8. Козловски П. Культура постмодерна. М., 1999.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизация. М., 2003.
10. Опенков М.Ю. Виртуальная реальность: онтодиалектический подход: дис. ... д-ра филос. наук. М., 1997.
11. Воронов А.И. Философский анализ понятия «виртуальная реальность»: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1999.
12. Мокин Б.И. Философский постмодернизм. Саратов, 2006.

К.А. Kuznetsova
The English School
of Sociological Research
of Management and
Organizations: Traditions
and Modernity

Scientific traditions and modern directions of the English school of sociological research of management and organizations are considered. The contribution of its representatives in the development of world sociology is covered.

Key words and word-combinations: English sociology, social research, organization, management.

Рассматриваются научные традиции и современные направления Английской школы социологических исследований управления и организаций. Освещается вклад ее представителей в развитие мировой социологии.

Ключевые слова и словосочетания: английская социология, социологические исследования, организация, управление.

УДК 316(091)
ББК 60.51

К.А. Кузнецова

АНГЛИЙСКАЯ ШКОЛА
СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
УПРАВЛЕНИЯ
И ОРГАНИЗАЦИЙ:
ТРАДИЦИИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

Последние годы ознаменовались ростом исследовательского интереса к проблемам социального управления и организаций. Не только практики-управленцы, но и ученые различных научных дисциплин интенсивно переосмысливают сложившиеся в мировой практике знания в целях более тесной их адаптации к современным условиям. Современное социальное управление содержательно связывается с развитием новых форм

системной организации, привитием особой культуры социального взаимодействия людей в сфере труда и производства для более тесного их приспособления к условиям рынка [1–3]. Теоретики и практики управления, пытаюсь осмыслить негативные уроки современного социального управления, вынуждены делать социологические обобщения по поводу содержания управленческих инноваций, рассматривать в качестве самостоятельных проблем различные аспекты этого феномена и изучать в целом концептуальные модели управленческого процесса [4].

Социологическая наука как система знаний об обществе, безусловно, носит универсальный характер. Вместе с тем на характер и направление конкретного социологического исследования, отмечают эксперты [5], оказывают весьма существенное влияние принадлежность ученого к определенной национальной научной школе и связанные с ней традиции. К числу ведущих социологических школ с богатым научным наследием относится Английская школа, представители которой сыграли заметную роль в становлении и развитии классической социологии. В рамках данной школы, в частности, был разработан ряд концепций, которые послужили методологической основой многих хрестоматийных социологических исследований управления и организаций в современном обществе [6, с. 189]. Однако, несмотря на многообразие издаваемой социологической литературы [7], научное наследие и традиции британской социологии, особенно в рассматриваемой области, остаются малоизвестными и находятся на периферии исследовательского интереса отечественных ученых. На наш взгляд, представляется необходимым в определенной степени восполнить существующий пробел и актуализировать это важное направление социальной мысли, демонстрирующее образцы решения как общетеоретических, так и практических общественных проблем.

В истории британской социологии выделяют три этапа: начальный, классический и современный, на каждом из которых ученые внесли определенный вклад в исследование управления и организаций [8, р. 10]. Начальный этап связывается с традицией эмпирических исследований, восходившей к XVII в. В рамках эмпирической «предсоциологии» осуществлялся анализ довольно широкого спектра социально-демографических данных, который в дальнейшем использовался как важное управленческое приложение теоретических и практических знаний, приводящее к успеху в различных сферах общественной жизни. Пионерами в этой области считаются представители школы политической арифметики: Э. Галлей, Д. Граунт, Г. Кинг, В. Петти. Политическая арифметика – направление социальных исследований, основанное на сборе и анализе эмпирической информации, преимущественно данных официальной статистики, для целей управления и администрирования общественными процессами. По мнению экспертов, политическая арифметика знаменовала в истории социального познания переход от простого описания общественных явлений к систематическому наблюдению и количественному выражению их порядка и последовательности и сыграла заметную роль в становлении и развитии классической социологии [9].

Классический этап охватывает начальный период британской социологии с момента ее зарождения в середине XIX в. и до Второй мировой войны. В этот период ученые пытались найти главный, решающий фактор развития общества,

социальной организации и управления. Наиболее широкое распространение в британской социологии в это время получили, в частности, следующие теоретические направления: органицизм, социогеография, социальный дарвинизм, различные психологические концепции. Для мирового обществоведения второй половины XIX в. характерно появление нового жанра – социального обследования. Стремительная индустриализация Великобритании, одной из первых вступившей на путь капиталистического развития, не только принесла стране успехи в политике и экономике, но и породила ряд острейших социальных проблем. Потребность в их решении привела к созданию новой исследовательской процедуры, имеющей целью не только понять, что происходит в обществе и государстве, но и использовать полученные знания в целях эффективного управления социальными процессами. Приоритет здесь также принадлежит англичанам и связан прежде всего с именем Чарльза Бута [10, р. 47].

Особую известность Буту принесли социальные обследования, результаты которых опубликованы в 17-томном труде «Жизнь и труд народа Лондона» [11]. В работе освещены следующие области: бедность, промышленность и религиозные влияния. Источником послужили данные переписи населения 1891 г. В результате была составлена полная картина экономической организации города в терминах демографических характеристик для каждого вида занятости. Полученная в итоге «Индексная карта Лондона», которую он окрасил в соответствии со «средними социальными условиями» жителей, была лишь одной из серии карт, раскрывающих пространственные распределения различных аспектов социальной организации и функционирования английской столицы. Хотя первоначально намерением Бута было отразить существующую социальную реальность, полученные данные объективно показывали, что необходимы определенные перемены, которые требовали соответствующих управленческих решений. Поэтому в финальном томе Бут часто отказывается от простой констатации социальных фактов и предлагает выводы и обобщения в адрес субъектов государственного управления.

По мнению американского историка социологии Гарольда Пфаутца, труды Ч. Бута не только сыграли важную роль в развитии европейского обществознания, но и оказали непосредственное влияние на становление социологии в США, в особенности Чикагской социологической школы. Его эмпирические обобщения относительно социальной и пространственной структур современного городского поселения, а также многие из нововведений в области методологии, методики и техники исследования вряд ли были превзойдены американскими социологами-урбанистами и поколение спустя [12, р. 125].

В плеяде представителей классической британской социологии видное место занимают Беатриса и Сидней Вебб, с именами которых связывают развитие социально-инженерной функции социологических исследований управления и организаций [13, с. 13–14]. Наиболее известными результатами их сотрудничества являются труды «История тред-юнионизма» (1894) и «Промышленная демократия» (1897). В этих работах, посвященных британскому рабочему движению, профсоюзы рассматриваются как маленькие демократии, эволюционирующие от «примитивной» к «представительной» форме, а процесс выработки политики и принятия управленческого решения при этом переходит из рук непосредственных членов к представительным органам и организациям. Книги

содержат методологические положения описательного анализа с использованием метода наблюдения.

С точки зрения экспертов [14, р. 14], для своего времени эти работы стали удивительным образцом социологического анализа, сочетающего детальные эмпирические данные с концептуальным анализом и стремлением объяснить приводимые факты с помощью их теоретической интерпретации. Авторы пришли к выводу, что достижение таких социальных целей, как высокий уровень здравоохранения, адекватная система образования, гарантии достойных условий существования для инвалидов, больных, престарелых, остро нуждающихся, не под силу ни кооперативу, ни профсоюзам, ни коммерческим предприятиям. Эти проблемы могут быть решены только органами местного управления с учетом социальных потребностей. В связи с этим исследователи решили в 1898 г. изучить структуру и функции системы британского местного управления. Результаты осуществленного анализа публиковались с 1906 г. по 1929 г. в десяти томах общим объемом свыше четырех тысяч страниц. Большую популярность также завоевал их учебник «Методы социального исследования» (1932), где, в частности, дан детальный анализ метода включенного наблюдения и методов анализа документов.

Английские исследователи П. Томпсон и Д. Мак-Хью полагают, что именно благодаря традициям социальных обследований британская социология приобрела современный характер. По их мнению, поворот к современной исследовательской парадигме управления и организаций в британской социологии произошел в связи с результатами эксперимента, осуществленного в 1950-х годах учеными Манчестерского университета. Руководил экспериментом Макс Глюкман, один из основоположников Английской школы антропологии организаций, ставшей известной не только методом детального этнографического описания, но и определенным подходом к анализу социальной ситуации. Эта категория рассматривается как средство понимания и критического теоретизирования более широких аспектов социальной организации. В числе основных задач эксперимента ставилась проверка гипотезы: приведет ли к повышению эффективности производства внедрение организационных и управленческих нововведений или, наоборот, повлечет за собой негативные последствия, снизит эффект ранее внедренных и прижившихся форм организации труда. Посредством полевых методов исследования трудовых отношений на уровне конкретного предприятия ученые пытались найти объяснение тому, как взаимосвязаны новые технологии и организационные структуры, инновационная политика и стратегии управления [15, р. 23].

В русле этих идей цех промышленного предприятия в манчестерских исследованиях предстал тем фокусом, в котором сходятся основные проблемы социальной жизни Великобритании. Были сформулированы несколько последовательных подходов к концептуализации полученных в ходе исследования данных. Первый подход позволил связать особенности социальной организации на уровне цеха и макросоциальные процессы, характеризующие структуру промышленности. Вторым подходом к теоретическому объяснению стал анализ различных моделей приспособления в отношении между рабочими и управленцами в контексте классовой структуры Великобритании. Третий подход рассматривает цех как отражение социальной структуры окружающего сообщества. Таким образом, манчестерские исследования расширили представления

о предприятии как закрытой системе. Была сделана попытка соединить анализ конкретной ситуации на уровне цеха и контекст социальных структур и процессов, происходящих в обществе [16, с. 108–110].

Манчестерские исследования значительно повлияли на современные этнографические исследования в организациях. Так, с конца 1960-х годов стали появляться этнографии интернациональных промышленных предприятий, функционирование которых рассматривается в контексте глобализации мировой экономики, а также влияния национальных бюрократий, международных организаций и фирм на политику конкретного региона. В работах 1980-х годов стали выходить на передний план социокультурные подходы к развитию организационных систем, формируются два наиболее значимых направления в этнографических исследованиях организаций: этнография работы и этнография профессий. В новом тысячелетии представители Английской школы все шире охватывают своими исследованиями различные сферы управления и организаций. Многие из этих исследований носят прикладной характер и направлены на разработку управленческих методов, ведущих к желаемым результатам в решении конкретных социальных проблем [17, с. 40–41].

Известный английский историк социологии М. Рид отмечает, что британская традиция способствовала становлению многих частных научных дисциплин и специальных социологических теорий менеджмента, изучающих технико-организационные и социальные аспекты управления общественным производством в современных условиях [18, р. 137]. Тенденции глобальных общественных изменений, связанные с миграцией, формированием полиэтнического рынка труда, интернационализацией бизнеса и создания мультинациональных корпораций, требуют соответствующих инструментов социального контроля и управления. Этнографические исследования, с их «мягкими» качественными методами, позволяют проникнуть в непосредственную суть происходящих событий и найти способы усовершенствования управленческих технологий, тем самым напрямую решая задачи достижения эффективности социального управления.

Столь важная роль социологических исследований, ориентированных на практическое применение и достижение реального социального эффекта, опыт их реального воплощения в управление социальными институтами и процессами могут найти, на наш взгляд, самое широкое применение в решении проблем современного российского общества, находящегося в условиях сложного качественного роста. Эти объективные условия, связанные с трансформацией всех сфер общественной жизни, нередко порождают различного рода нестабильные состояния, кризисные ситуации, разнообразный фон неопределенности и дезорганизации в социальном развитии. Все это, в свою очередь, актуализирует дальнейшее исследование сложившихся в мировой социологии концепций управления и организаций, а также возможностей их адаптации к отечественным условиям.

Библиографический список

1. Энциклопедия социального управления / под ред. А.И. Кравченко. М., 2012.
2. Социальный менеджмент / под ред. Д.В. Валового. М., 2000.
3. Ярская В.Н. Социальная политика, социальное государство и социальный менеджмент // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1, № 1.

4. Актуальные проблемы социального управления: «круглый стол» // Социологические исследования. 2008. № 2. С. 98–107.
5. *Здравомыслов А.Г.* Национальные социологические школы в современном мире // Общественные науки и современность. 2007. № 5. С. 75–86.
6. *Култыгин В.П.* Классическая социология. М., 2000.
7. Социологическая литература: библиографический указатель / сост. В.А. Ознобкин. М., 2013.
8. *Krause E.* Sociology in Britain: A Survey of Research. N.Y., 1969.
9. *Кузнецов А.Г.* Политическая арифметика социального управления // Вестник ПАГС. 2012. № 1 (30). С. 123–127
10. *Kent R.* A History of British Empirical Sociology. L., 1981.
11. *Booth C.* The life and Labour of the people in London. L., 1903.
12. International Encyclopedia of the Social Sciences. N.Y., 1968.
13. *Култыгин В.П., Кузнецов А.Г.* Общая социология. М., 2004.
14. *Bulmer M.* Development of sociology and of empirical social research in Britain // Essays on the history of British sociological research. Cambridge, 1985.
15. *Thompson P., Mc Hugh D.* Work Organizations: A Critical Introduction. L., 1995.
16. *Романов П.В.* Социологические интерпретации менеджмента: исследования управления, контроля и организаций в современном обществе. Саратов, 2000.
17. *Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Михель Д.В.* Социальная антропология современности: теория, методология, методы, кейс-стади. Саратов, 2004.
18. *Reed M.* Sociology of Management. L., 1989.

P.V. Grigoriev
Features of the Impact of Modern
Post-Industrial Society on Man

The problem of the impact of the emerging man-made world on a human being and the biosphere nature is considered. Special attention is given to the researches of the effects of such impact.

Key words and word-combinations: post-industrial society, techno-sphere, techno-biogenic processes.

Рассматривается проблема воздействия формирующегося техногенного мира на человека и биосферную природу. Уделяется особое внимание исследованиям последствий таких воздействий.

Ключевые слова и словосочетания: постиндустриальное общество, техносфера, технобиогенные процессы.

УДК 1:316
ББК 60.033

П.В. Григорьев

ОСОБЕННОСТИ
ВОЗДЕЙСТВИЯ
СОВРЕМЕННОГО
ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА НА ЧЕЛОВЕКА

Сегодня искусственный вещественно-предметный мир проникает не только в социум, но и в природу. Понятие «техногенное общество» впервые появилось в развернутой формулировке Э.С. Демиденко в 2003 г. в книге «Глобалистика: энциклопедия». Это понятие «первоначально использовалось как синоним индустриального общества (цивилизации), пришедшему на смену аграрному,

традиционному обществу. Современное общество вступает в новое состояние, характеризующееся не только развитием на основе научно-технического прогресса, но и техногенным состоянием, – все увеличивающимся воздействием техники и техносферы на общество, природу и человека и соответствующей трансформацией последних» [1, с. 1000–1001].

Если обратиться в прошлое, то увидим, что человек до определенного времени развивался и существовал как биосферное существо, в котором природные задатки преобладали, природные качества были более развиты, чем социальные. Человек в биосферно-природной среде претерпевал естественный отбор, который по праву ученые называют биосферным, так как происхождение и жизнедеятельность людей определялись в подавляющей степени состоянием и развитием биосферы. Однако начиная с земледельческой эпохи стали происходить первые техногенные изменения. Они еще не угрожали существованию биосферы и человека, как сегодня, когда человечество трансформирует всю живую природу, уничтожает ее огромные биосферные пространства, замещает их техносферой, создает искусственные условия своей жизни и деятельности.

В связи с переходом от земледельчества к индустриальному обществу наша планета вступила в новую фазу развития – техногенную. В техносферных условиях существенно активизировались и размножились не только жизненные процессы самого человека, но и биологические, особенно с развитием биотехнологий. Благодаря этому человек совершил переход к постбиосферному существованию, возвышению над биосферной природой. Например, в конце XIX в. Россия была земледельческой (аграрной) страной и почти девять десятых ее населения проживало на селе. В этот период жизнь и деятельность человека очень сильно зависели от состояния биосферы, многогранного воздействия организмов друг на друга, особенно от воздействий микроорганизмов на человека. Например, как показала перепись 1897 г., «43% детей умирало в возрасте до 5 лет, из семерых детей, которых рожала в среднем российская женщина, четверо уходило из жизни до 15–17 лет» [2, с. 125–135].

В постиндустриальном обществе складывается тенденция к существенному падению состояния здоровья и деградации населения в обычных городах и мегаполисах мира. В техногенном обществе продолжает разрушаться биосфера и динамично формируется техноноосфера, в связи с этим уменьшается физическая нагрузка на человека, давление естественного отбора. Организм человека подвергается трансформационным и деградационным процессам, которые опасны для его здоровья и дальнейшего воспроизводства новых поколений.

Многие ученые отмечают, что в постиндустриальном обществе увеличилась средняя продолжительность жизни человека и достигла 70–80 лет, то есть выросла в два раза по сравнению со средней продолжительностью жизни в развитом земледельческом обществе. Однако наряду с этим в XX–XXI вв. наблюдается негативная трансформация природных качеств человечества. Рост же продолжительности жизни обусловлен прежде всего созданием и внедрением социально-оздоровительной и медицинской инфраструктуры, пропагандой здорового образа жизни, высоким уровнем образования и относительно качественными продуктами питания.

Активно распространяются патологические заболевания среди населения городов в постиндустриальном обществе, в том числе среди детей и молодежи, например сердечно-сосудистые, онкологические, аллергические, психические, генетические, эндокринные и т.п. Все эти заболевания, как считают многие исследователи в области медицины и биологии, обусловлены разрушениями иммунной, сердечно-сосудистой, эндокринной, половой и других жизненно важных систем человеческого организма, связанными со значительными изменениями среды обитания и деятельности людей, губительным техногенезом, которые негативно влияют на состояние биосферы.

Патологические изменения в организме и жизни человека в основном проявляются в мегаполисах, где распространено большое количество синтезированных химических веществ. Так, «в Лос-Анджелесе за четыре десятилетия (тридцатые – семидесятые годы XX в.) загрязненность воздуха увеличилась примерно в 40 раз, и почти в такой же пропорции возросли многие легочные болезни, включая и рак легких. Онкологические заболевания среди мужского населения США увеличились в XX в. с 4–5 до 36–37%, а аллергические заболевания – в десятки раз и достигли уровня 14–15%» [2, с. 226–333]. Сегодня жители всей планеты Земля столкнулись не только с проблемой воспроизводства населения, но и с постепенным уничтожением биосферной жизни и биосферного человека.

К примеру, на основе проведенных в Курганской области исследований специалисты определили, какие катастрофические последствия ожидают российское население в условиях роста техногенности и ухудшения условий жизни. Как известно, прошедшее столетие в индустриально развитых странах ознаменовалось существенным снижением рождаемости и акселерацией роста и развития детей, что было характерно и для нашей страны. Темп увеличения роста людей составлял примерно 2,54 см за поколение. В конце же прошлого столетия пришла децелерация – массовое торможение физического и интеллектуального развития детей. За последние два десятилетия, как показали исследования 3 тыс. рожениц и детей Кургана, средний рост женщин уменьшился со 167 до 162 см. И женщины и дети уменьшились не только в росте, но и в весе. Как показали исследования, суточная калорийность рациона беременных женщин составляет 87% от рекомендуемой нормы [3, с. 69].

В техносферной среде активно происходит трансформация биогенных процессов, а это в свою очередь порождает возникновение и дальнейшее развитие технобиогенных процессов. Именно по этой причине запускаются патологические процессы в организме человека; в частности, в нашей стране темпы роста детской инвалидности стали превышать даже динамику инвалидности взрослого населения.

Сам термин «техногенная инвалидность» введен в научный оборот в 2010 г. Э.С. Демиденко для обозначения социального явления быстрого роста инвалидности, которая характеризуется бурным распространением в мире техногенности во второй половине XX в. «В конце XX в. началось быстрое омоложение болезней и рост детской инвалидности, особенно в России, где детская инвалидность опережает взрослую по темпам роста примерно в 1,5 раза. В настоящее время в России насчитывается около 13 млн инвалидов, или пример-

но 9% всего населения» [3, с. 263]. Человек на протяжении всей истории постоянно адаптируется к окружающим изменениям: вначале к природе, затем к технике, технологии, информации, пытается их подчинить и использовать в своих целях. В связи с этим развивается «техногенная адаптация» – «это приспособление человека, социальных и культурных форм его жизни к непрерывному развитию техногенной среды» [4, с. 260].

В результате активной деятельности по технизации мира человеку приходится вживаться в техногенную среду и создавать ее новые качества для успешного функционирования. В процессе всего технологического развития техногенная детерминация форм человеческой жизни увеличивалась и постепенно уничтожала детерминацию природную. Человек сегодня не в состоянии контролировать влияние техногенной среды на биосферу и дальнейшее ее направление развития. Как отмечает исследователь А.М. Ковалев, «вместо зависимости человека от внешней природы произошло усиление зависимости его от искусственной природы» [5, с. 261].

В постиндустриальном обществе люди не мыслят свое существование без информационных средств, которые делают жизнь комфортнее, мобильнее, однако многие современные исследователи находят в них негативное воздействие. Например, сотовые телефоны и компьютеры своими электромагнитными полями вызывают онкологические заболевания у жителей планеты, особенно детей. «Так, всего за 4 года (2004–2007) заболевания глаз у калининградских детей увеличились на 48%; специалисты называют главную причину этого – бесконтрольное пользование компьютерами» [5]. Исследование шведского ученого Л. Харделла показали: «У детей, начинающих пользоваться сотовым телефоном в 8–12 лет, к 21 году в 5 раз чаще развивается опухоль мозга. Такова же вероятность и опухоли слухового нерва. Специалисты отмечают среди ближайших расстройств у людей от мобильной связи ослабление памяти, снижение внимания, умственных и познавательных способностей, раздражительность, нарушение сна, склонность к стрессам, эпилептическим реакциям» [6, с. 19].

Одной из отличительных черт постиндустриального общества и техногенного мира является трансформированная вода. Как известно, вода – это жизнь и одна из важнейших составляющих биосферы и живого вещества (живых организмов). Еще одна особенность современного общества, на наш взгляд, – низкое качество продуктов питания по сравнению с биосферными продуктами. «Несмотря на то что более двух третей населения развитых стран мира принимают «витаминные» таблетки, т.е. биодобавки (а в России всего лишь 3–5%), «болезни цивилизации» (ожирение, диабет и т.д.) в этих странах не только не понизились, а, наоборот, даже продолжают расти» [3, с. 282].

Так, данные общей заболеваемости среди населения Калининградской области за последнее десятилетие (2000–2010 гг.) показывают ее увеличение на 33,5% – с 599 до 799 человек на 1000 человек населения. Самым высоким уровнем распространенности в 2010 г. отличались болезни органов дыхания (344,5 тыс. чел.), которые за указанное десятилетие возросли на 33,6% [7]. Причиной увеличения количества заболевших является активное техногенное воздействие, которое определяется более всего засильем газовых выбросов от

автомобилей, ухудшающейся экологической ситуацией, некачественными продуктами питания, влиянием электромагнитных полей.

Постиндустриальному обществу необходимо задуматься об избыточном воздействии техносферы на природу, в первую очередь это касается живых организмов и человека. В этом видится одна из самых опасных глобальных проблем современного развития не только отдельных стран, но и всей планеты. Требуются оперативные меры реагирования со стороны органов власти и совместные усилия всего населения для решения назревших экологических и социальных проблем. Научному сообществу следует продолжать активно не только заниматься исследованием социально-экономических изменений в постиндустриально-техногенном обществе, но и изучать характер техногенного социоприродного развития земного мира. Кроме этого, необходимо продолжать исследования, направленные на прогнозирование последствий дальнейшего распространения искусственной жизни на планете и ее влияния на здоровье человечества, каждого индивида.

Библиографический список

1. Демиденко Э.С. Техногенное общество // Глобалистика: энциклопедия / гл. ред. И.И. Мазур, А.Н.Чумаков. М., 2003.
2. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины. Брянск; М., 2011.
3. New Scientist. 2011. Ноябрь.
4. Попкова Н.В. Философия техносферы. М., 2007.
5. Ковалев А.М. Промышленная цивилизация и судьба России. М., 2003.
6. Гарматина Ю. Не волнуйте дитя: Мозг ребенка беззащитен перед мобильником? // Аргументы и факты. 2009. № 11.
7. Винокурова Ю. Информационно-аналитическая записка «О состоянии здравоохранения в Калининградской области» // Научно-популярный портал ученых БФУ им. И. Канта: Интернет-ресурс. URL: <http://intellika.info/publications/1767/>

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

V.I. Shishkina
Political Protests in Perception
of Inhabitants of a Region
(by the Example
of the Saratov Region)

The processes developing in the political protest field of the region during the period of “political winter” in December 2011-March 2012 are analyzed. The important focus is on identifying the main trends of the perception of political protests by inhabitants of the region.

Key words and word-combinations: regional political protest, protest moods of citizens, perception of the political protest.

Анализируются процессы, развивавшиеся в политическом протестном поле региона в период «политической зимы» декабря 2011 – марта 2012 г. Важный акцент сделан на выяснении основных трендов восприятия политических протестов жителями региона.

Ключевые слова и словосочетания: региональный политический протест, протестные настроения, восприятие политического протеста.

УДК 66.01(235.54)
ББК 32.01(470.44)

В.И. Шишкина

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОТЕСТЫ В ВОСПРИЯТИИ ЖИТЕЛЕЙ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Политический сезон 2011–2012 гг. всколыхнул общественность России. Он был ознаменован массовыми протестами, которые привлекли широкое внимание. «Массовый митинг протеста – это... ненасильственный способ политического давления и тем самым оказания влияния гражданского общества на власть. Одновременно массовый митинг протеста – это вызов и предупреждение этой власти, что ресурс ее легитимности ограничен» [1]. В России не так часто проявляется протест, имеющий в своей основе острую общественно-политическую подоплеку, поэтому протесты 2011–2012 гг. стали новым для современного политического поля явлением.

Массовые протесты прокатились по всей стране. Наричательными стали выступления оппозиции в Москве на Болотной площади и проспекте Ак. Сахарова в 2011 г., и последующие акции в преддверии президентских

выборов. Столицу поддержали и регионы. Анализируя политические события 2011–2012 гг., многие исследователи обращались к общенациональным тенденциям и процессам, наиболее ярко освещавшимся в СМИ, проецируя в некоторой степени недовольство, выраженное на площадях и проспектах крупных мегаполисов, на жителей всей страны, что, на наш взгляд, не совсем верно.

Следует понимать, что «политическое пространство регионов является частью федерального политического пространства со своими территориальными, правовыми, субъектными и прочими характеристиками» [2, с. 264], то есть, интерпретируя данные из регионов, необходимо обращаться к общероссийским трендам, но при этом нельзя забывать о специфике субъектов, которая может детерминировать восприятие политической ситуации из регионов в несколько ином контексте, нежели из федерального центра.

В связи с этим, как представляется, достойно особого внимания исследование региональной специфики политического протеста. На наш взгляд, хорошо известный политической науке раскол на центр и периферию сказывается и в данном случае, поэтому важно отследить изменения в политических процессах не только на уровне Федерации, но и на уровне регионов. Экспертным сообществом отмечается тенденция: протест, зародившийся в 2011–2012 гг. в центре постепенно спускается на периферию – в провинцию.

Анализ новых процессов в политическом пространстве регионов требует представления об истоках данного явления в провинции. Опираясь на отрывочные исследования протестов в отдельных регионах, необходимо смоделировать структуру пространства политического протеста и выявить специфику восприятия этого политического явления в Саратовской области.

Проблематику специфики регионального протеста рассматривал в своих исследованиях профессор А.В. Скиперских [3, с. 62–63]. По его мнению, характерны для «провинциального протеста» несколько отличительных черт.

Во-первых, политический протест в регионах отличается, скорее, не количественными характеристиками, а качественным наполнением самого явления, что происходит за счет специфики субъектов участия в региональном политическом протесте.

Во-вторых, субъекты протеста в провинции изначально осознают ограниченные рамки своих возможностей, например невозможность мобилизации такого же числа участников, как в столице.

В-третьих, ориентация в узких рамках регионального социума происходит в общественном пространстве, пронизанном коммуникационными каналами между участниками событий: все так или иначе друг друга знают (по крайней мере, лидеры движений, общественники, активисты и т.д.).

В-четвертых, провинциальный протест характеризует желание сохранения анонимности для простого обывателя, который не хочет строить политической карьеры, а просто чувствует потребность заявить о своем несогласии с политической властью. В результате политический протест трансформируется, а традиционные репертуары протестных действий – митинги, шествия, пикеты – приобретают элементы театрализованности. Такое творческое преобразование показывает стремление граждан избежать репрессий со стороны властей за учас-

тие в протестных акциях и в то же время стремление со стороны организаторов уличных протестов смягчить, дерадикализировать политический протест для простого обывателя, с тем чтобы привлечь его для участия в массовых акциях. Примером подобного может служить акция саратовской оппозиции в феврале 2012 г., когда всех желающих приглашали на «масляничные гуляния», «проводы политической зимы».

Формирование пространства политического протеста в Саратовской области происходило следующим образом.

В декабре 2011 – марте 2012 г. активизировались все оппозиционные акторы региона, действующие в области. Наряду с традиционными участниками оппозиционного движения (КПРФ, ЛДПР, «СР», «Яблоко») появились новые протестные группы, такие, как «Саратовское объединение избирателей» (далее – СОИ), гражданские сетевые активисты (создатели и участники группы «ВКонтакте» Р. Сергеев и С. Вилков, участник «Российского социалистического движения»).

Анализируя протестную активность данных субъектов, можно отметить явную несогласованность их протестных действий. Попытки их скоординировать путем создания консолидированного субъекта протеста в регионе не принесли ожидаемого результата. Традиционные участники, мы бы назвали их наиболее устойчивыми протестными акторами региона, КПРФ и ЛДПР, поддерживая волну гражданского политического протеста на начальном этапе, сохранили свою самоидентичность и функционировали как традиционные институциональные субъекты политики. В то же время деятельность гражданских активистов постепенно теряла уровень напряжения, выполнив свою роль ретранслятора протестного недовольства людей. Еще один «новообразовавшийся» субъект – СОИ – попытался институционально закрепиться, но, по сути, свою миссию «моста» между гражданским обществом и политическим протестом не выполнил.

Представляет интерес ответная реакция граждан, их отклик на протекавшие процессы. Воспользуемся итогами электоральной панели ВЦИОМ при изучении динамики изменения протестных настроений граждан в Саратовской области. В сентябре 2011 г. 64,1% [4] респондентов оценивали возможность массовых акций протеста довольно низко (по десятибалльной шкале – от 1 до 10, где 1 – наименьшая вероятность). Заметное изменение этого показателя произошло в декабре 2011 г. после выборов в Государственную Думу. С ноября 2011 по март 2012 г. отмечается закономерное увеличение разброса мнений граждан по вопросу о возможности появления массовых протестов. Высокую степень вероятности (8–9 баллов) стали прогнозировать с декабря 2011 г., сразу после выборов в Госдуму, когда общественно-политическое поле было насыщено информационными сообщениями о протестах. При этом уровень респондентов, высоко (8–10 баллов) оценивающих вероятность протестных акций, варьируется от 24,5% в декабре 2011 г. – 26,4% в феврале 2012 г. до 15,1% в марте 2012 г., экстремально не увеличиваясь за весь период исследования. С февраля рамки возможности массовых протестов, по мнению респондентов, снижаются, что свидетельствует о неуверенности и неопределенности в прогнозах данного явления.

В динамике показателя личного участия происходит небольшое перераспре-

деление перед президентскими выборами: лидируют позиции 1–2 балла у 60,4% респондентов. Высокую вероятность своего участия отметили только 18,8% опрошенных. Заметно изменение после выборов Президента РФ, когда 1–2 баллами (низкая вероятность) оценивали возможность своего участия 56,6% опрошенных.

Таким образом, для респондентов Саратовской области отношение к ситуации с протестами менялось следующим образом: чем чаще упоминались и проводились акции, тем менее определенным становилось отношение к протестным мероприятиям. Можно предположить, что информационное поле не давало гражданам четко разграниченных понятий, они столкнулись с ситуацией реального выбора своей позиции, своего отношения к ситуации. Однако нельзя не отметить некие «охранительные» тенденции в отношении личного участия в акциях протеста.

После выборов в федеральный парламент 62,3% опрошенных низко оценивали (на 1–2 балла) вероятность личного участия в протесте, тогда как после президентских выборов только 56,6% на 1–2 балла оценили возможность своего участия в подобных акциях. Возможно, это объясняется тем, что волна протестов после выборов в Государственную Думу была более «стихийной» и «непредсказуемой», тогда как уже после выборов 4 марта 2012 г. сама протестная волна стала снижаться.

Уровень осведомленности респондентов о декабрьских акциях 2011 г. был достаточно высок. Хорошо знали о проводимых акциях в начале декабря 39,6%, в конце – уже 49,1% опрошенных. В то же время на вопрос о природе этих политических протестов 88,7% респондентов затруднились ответить. Для граждан были не ясны цели организаторов и участников митингов – те же 88,7% не дали четкого ответа. Ситуация стала меняться к февралю 2012 г., когда 52,8% респондентов ответили, что простые люди ходят на акции протеста, чтобы добиться правды и справедливости.

Ответная реакция граждан на призывы участвовать в акциях протеста в начале декабря была достаточно сдержанная: 52,8% убеждены, что эти призывы обоснованны, но сами участвовать в них не будут. К концу месяца эти же 52,8% опрошенных высказали предположение, что если народ вышел на улицы с лозунгами, то это является «свидетельством растущей демократизации и приведет к оздоровлению политической ситуации». Таким образом, в декларативной форме призывы к протестам понятны для более чем половины респондентов, но это не означает, что такое восприятие ситуации позволит им изменить свою стратегию поведения в случае реальных протестов. По мнению Ю.М. Баскаковой, «политическое выражение накопленного недовольства пока не значительно... жители пока сами не видят связи между положением дел и собственной политической позицией, стратегией политического поведения» [5].

На наш взгляд, еще одним подтверждением, неопределенности позиции респондентов является то, что на вопрос, кто принимает участие в акциях протеста, 69,8% интервьюируемых ответили: «Все, кто хочет выразить свое мнение о политике властей», а 11,3% предположили, что это те, «кого заставили принимать участие». Так проявляется восприятие гражданами протестного

движения как движения, аморфного по составу, цель которого – добиться правды и справедливости от властей. В то же время, по мнению респондентов Саратовской области, эти действия являются обоснованными и они, скорее, поддержат участников акций (50,9% в декабре 2011 г.). Однако отношение к протестующим существенно меняется после выборов Президента РФ. Если в декабре 2011 г. половина респондентов поддерживала претензии протестующих, то в марте 2012 г. 54,7% не поддерживали участников протестного движения. С нашей точки зрения, здесь могли сыграть роль как неустойчивость протестной стратегии поведения, так и само отношение к выбираемым институтам власти. Известно, что у россиян к выбору исполнительной ветви власти более пиететное отношение [6, с. 30].

Таким образом, характеристики провинциального протеста, предложенные А.В. Скиперских, вполне можно спроецировать и на ситуацию в Саратовской области. Акции достигали 1000 человек по численности участников в декабре 2011 г., но в основном массовость ограничивалась 200–500 участниками. Ответная реакция граждан является подтверждением того, что жителям региона требовалось прежде всего качественное наполнение протестных действий, а не их количественная составляющая.

Интерес представляют субъекты протестного поля в регионе, которые не сумели достичь консенсуса для разработки совместной стратегии дальнейшего развития. При этом четко прослеживается попытка расширения протестного пространства региона за рамки традиционных участников, возросла роль гражданских активистов.

Представляется, что в Саратовской области политический протест был зафиксирован достаточно явно, но при этом носил характер «модного» явления, в котором так крепко переплетена политика со всеми остальными сферами жизни общества. Явления политического характера в нашем регионе чаще всего очень быстро институционализируются в рамках формальных или полужформальных организаций, со временем доказывая свою жизнеспособность. Однако когда трендовые веяния 2011–2012 гг. закончились, политический протест, не имея под собой социальной базы, потерял свою значимость.

Библиографический список

1. Яницкий О.Н. О циклах политического протеста. URL: <http://mir-politika.ru/3500-o-ciklah-politicheskogo-protesta.html>
2. Долгов В.М. Региональное политическое пространство // Российская политическая наука: в 5 т. Т. 5: 1995–2006 гг. М., 2008.
3. Скиперских А.В. Специфика провинциального политического протеста в современной России (на примере города Ельца Липецкой области) // Теории и проблемы политических исследований. 2012. № 2/3.
4. Электоральная панель ВЦИОМ. URL: <http://politpanel.wciom.ru/>
5. Баскакова Ю.М. Недовольные и несогласные: социальное недовольство и его масштабы (ч. 2) // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 3.
6. Ахременко А.С., Мелешикина Е.Ю. Голосование «против всех» как форма политического протеста: проблемы изучения // Политическая наука: современное состояние: тенденции и перспективы. 2002. № 1.

A.A. Yegorov
**The Arctic Region in the System
of Economic Security of Russia**

The significance of the economic security of Russia is analyzed. The place of the Arctic region in the system of political and economic security in conditions of globalization is considered.

Key words and word-combinations: economic space, economic security, geopolitical processes, the Arctic region.

Анализируется значение экономической безопасности России. Рассматривается место Арктического региона в системе политико-экономической безопасности в условиях глобализации.

Ключевые слова и словосочетания: экономическое пространство, экономическая безопасность, геополитические процессы, Арктический регион.

ББК 66.2(2Рос)
УДК 327(170+571)

А.А. Егоров

АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

На современном этапе развития национальное государство в экономике оказывается ведущим игроком в мировом экономическом пространстве. Как и всякое социально-экономическое явление, глобализация несет с собой не только позитив, но и весьма ощутимые неудобства и даже опасности, главная из которых состоит в том, что геоэкономические процессы получают все большую самостоятельность по отношению к национальным государствам и поэтому становятся менее управляемыми.

В связи с этим проблемы экономической безопасности приобретают приоритетное значение для всех стран мира. Сегодня в свете происходящих изменений в экономике следует учитывать как старые экономические центры, так и новые. Представляется, что старые экономические центры, как и прежде, будут выполнять ведущую роль в системе международных отношений.

В России продолжают экономические преобразования, что сказывается и на внешнеэкономической деятельности. Н. Щербакова отмечает, что «реализация курса на открытость экономики, свободу торговли становится общемировой тенденцией, поскольку дает стране ряд потенциальных преимуществ: увеличение объема национального дохода вследствие роста массы вовлекаемых в международный оборот ресурсов и факторов производства; переход от традиционного товарообмена к более высоким формам сотрудничества (научно-технической кооперации, производственной ин-

теграции); приближение уровня отечественного производства к мировому; повышение степени мобильности национальных факторов производства; ускорение формирования в стране рыночной инфраструктуры» [1, с. 154].

В 90-е годы XX в. Россия оказалась в совершенно новом для себя положении. Открытость ее границ повлекла за собой незаконную миграцию, терроризм, наркоторговлю, контрабанду, религиозный, национальный и политический экстремизм, сепаратизм, притеснения русскоязычных в бывших советских республиках. Потребовалась радикальная реорганизация вооруженных сил, «силовых» структур, чтобы придать этому механизму работоспособную форму.

Практическая деятельность исполнительных и законодательных органов в этом направлении дала определенные результаты. Так, понятие экономической безопасности вошло в нормативные документы и заняло прочное место в политических дискуссиях по экономическим вопросам. В 1996 г. была принята Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, одобренная Указом Президента РФ от 29 апреля 1996 г. № 608. Экономической проблематике отводится существенная роль в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, последняя версия которой одобрена в начале 2000 г. В 1997 г. в этом документе как составной части механизма обеспечения национальной безопасности впервые сформулирована концепция о внутреннем характере наиболее серьезных угроз безопасности России. К их числу относятся такие факторы, как системный экономический кризис, социально-политическая напряженность, национализм, религиозный экстремизм, сепаратизм, терроризм и другие.

Элементы содержательности стали присутствовать в определении экономической безопасности через понятие «устойчивость». Устойчивость и безопасность являются важнейшими характеристиками экономики. Устойчивость экономики отражает прочность и надежность ее элементов, вертикальных, горизонтальных и других связей внутри системы, способность выдерживать внутренние и внешние нагрузки. Чем устойчивее экономическая система, тем жизнеспособнее экономика, а значит, и оценка ее безопасности будет достаточно высокой.

Устойчивое развитие экономики и экономическая безопасность являются основными условиями жизнедеятельности любого общества. При этом определяющим условием выступает развитие, а безопасность это развитие лишь обеспечивает. Достигнутый уровень развития экономики влияет на формирование соответствующих возможностей обеспечения экономической безопасности, например путем пополнения ресурсной составляющей системы ее обеспечения. В данном случае можно говорить о развитии экономики как о структурном компоненте экономической безопасности. Обеспечение экономической безопасности следует рассматривать только в качестве одного из условий эффективного функционирования и устойчивого позитивного развития экономики. Всякие попытки придать понятию «экономическая безопасность» другое содержание затрудняют дальнейшую теоретическую проработку.

Различные теоретические подходы к определению понятия «экономическая безопасность» существуют в настоящее время. Так, в статье В.В. Моргунова представлен один из них: «Сущность экономической безопасности определяется состоянием экономики и институтов власти, при котором обеспечивается

гарантированная защита национальных интересов, социальная направленность политики, достаточный оборонный потенциал даже при неблагоприятных условиях развития внутренних и внешних процессов для страны» [2, с. 53–54]. В данном аспекте под экономической безопасностью понимается состояние экономики страны, которое по объемным и структурным параметрам достаточно для обеспечения существующего статуса государства, его не зависящего от внешнего давления политического, социального и экономического развития, способного поддерживать уровень легальных доходов, обеспечивающий абсолютному большинству населения благосостояние, соответствующее стандартам цивилизованных стран. Термин «экономическая безопасность», так же как и категория «национальная безопасность», появился недавно. До Второй мировой войны больше говорили об «обороне» и «обороноспособности». С принятием 1947 г. в США закона «О национальной безопасности» был сформирован Совет при Президенте США. Совету поручили обосновывать решения, касающиеся как внешней, оборонной, так и экономической политики. В России к вопросам экономической безопасности стали обращаться с середины 90-х годов XX в.

И.Я. Богданов дает следующее определение: «Экономическая безопасность – это экономическая категория, характеризующая такое состояние экономики, при котором обеспечиваются устойчивый экономический рост, оптимальное удовлетворение общественных потребностей, рациональное управление, защита экономических интересов на национальном и международном уровнях. Экономическая безопасность является важнейшим компонентом национальной безопасности, ее материальным фундаментом» [3, с. 28]. Кроме того, под безопасностью в экономической сфере, или экономической безопасностью, можно понимать такой режим функционирования сообщества (от отдельной семьи до человечества в целом), который обеспечивает неуязвимость и независимость реализации ее хозяйственных интересов по отношению к возможным угрозам и негативным последствиям [4, с. 45]. Экономическая безопасность понимается и как состояние защищенности национального хозяйства от внешних и внутренних угроз, при котором оно способно обеспечивать поступательное развитие общества, его политическую и социально-экономическую стабильность в условиях наличия неблагоприятных внешних и внутренних факторов. Проведенный анализ определений дает возможность установить наиболее точное из них. С нашей точки зрения, таковым является первое определение, так как оно учитывает региональную специфику данной проблематики [2, с. 54–55].

Второй подход представлен трактовкой экономической безопасности как совокупности условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию [3, с. 48]. Указанные определения понятия «экономическая безопасность» позволяют сделать несколько выводов: а) экономическая безопасность является составной частью национальной безопасности любого современного государства, в том числе России; б) экономическая безопасность в качестве синтетического понятия имеет отношение к политологии, экономике, праву.

Исходя из представленных определений можно рассмотреть значение Арктического региона России с точки зрения экономической безопасности в условиях глобализирующегося мира.

На современном этапе значение Арктики возрастает вследствие ее экономического, транспортного и военного потенциала. Сегодня за контроль над Арктическим регионом борются пять стран, которые имеют прямой выход в Северный Ледовитый океан: Россия, США, Канада, Норвегия и Дания. В то же время Китай и Индия также проявляют интерес к данному региону, связанному с энергоресурсами и путем прохода кораблей.

Созданные с целью решения вопросов по Арктическому региону международные организации: Арктический совет (АС), Совет Баренцева Евроарктического региона (СБЕР), ЕС и НАТО, разнородные по своему составу, задачам, функциям, полномочиям, по-разному строят свою политику в отношении Северного региона, усложняя и без того запутанную связанную с ним ситуацию [5, с. 175].

В современных условиях, на фоне существующего кризиса и напряженности в мировой и региональной экономике и энергетике, возрастает и значение геополитических факторов для Арктического региона. Экономическое состояние США, Западной Европы, Японии, России, Китая свидетельствует о том, что с завершением эксплуатации традиционных месторождений будут востребованы другие, расположенные, в частности, в Арктическом регионе, где сконцентрированы значительные залежи углеводородов. Степень же согласованной политики по многим вопросам остается крайне низкой. Сегодня Арктический регион виден как место соперничества государств, а не согласованной позиции по его развитию. Государства стараются решать накопившиеся проблемы военными методами, а не правовыми. Наметилась тенденция к милитаризации региона.

России, как государству, имеющему наибольшую протяженность границ в данном регионе, надлежит не допустить негативного сценария развития в решении настоящих и будущих проблем. Арктический регион ни в коем случае не должен восприниматься как объект конкурентной борьбы между странами и надправительственными организациями [5, с. 175].

В данной проблеме существенный вес имеет мнение мирового сообщества. Его роль может состоять в третьей позиции по разрешению появляющихся противоречий по геополитическим или экологическим спорам. Что касается современной России, то для нее Арктический регион имеет большое значение. Во-первых, речь идет об энергетическом потенциале страны (Штокмановское месторождение газа, минеральные ресурсы прибрежной полосы океана). Во-вторых, 20% территории России находится к северу от Полярного круга. Как пишут В.В. Бушуев и М.О. Моргунова, «экономика российской Арктики генерирует более 10% всего ВВП арктической зоны и производит более 20% экспорта газа, нефти, цветных металлов и рыбы» [5, с. 176].

Для России Арктический регион важен со стратегической точки зрения. Северный Ледовитый океан открывает выход в Мировой океан. В связи с этим особое внимание обращается на развитие береговой инфраструктуры. Использование Арктического морского пути необходимо при освоении природных богатств Севера России. При оживлении Северного морского пути (СМП) могут возникнуть многочисленные технологические проблемы, а именно обустройство прибрежных территорий, портов и других сооружений.

К важным преимуществам СМП относится его функционирование в качестве международного транспортного пути. Перевозка товаров и ресурсов по данному

направлению будет стоить примерно на 40% дешевле, чем по другим маршрутам, что приведет к перераспределению грузопотока в Арктику [5, с. 179]. Арктический путь сможет открыть дорогу российским товарам на глобальный рынок.

Следовательно, экономическая безопасность является частью национальной безопасности, она преследует и определяет цели, задачи как на государственном, так и на международном уровне. Применительно к Арктическому региону можно сделать следующий вывод: тот, кто в современных условиях установит контроль над Северным Ледовитым океаном, над открывающимся новым путем в мировой экономике – получит преимущества в военной сфере и в целом в политике. Сегодня одним из приоритетов России в арктической политике является закрепление Северного морского пути как российского транспортного пути. Для этого она имеет уникальный шанс. В настоящее время только Россия обладает ледокольным флотом, способным проводить корабли в Арктическом регионе.

Библиографический список

1. Бушуев В.В., Моргунова М.О. Энергия Арктики // Партнерство цивилизаций. 2012. № 4.
2. Богданов И.Я. Экономическая безопасность России: теория и практика. М., 2010.
3. Моргунов В.В. Экономическая безопасность как экономическая категория // Экономические науки. 2011. № 10 (83).
4. Цыцин И.С., Веснин В.Р. Мировая экономика: учебник. М., 2006.
5. Щербакова Н. Внешнеэкономическая политика России // Вопросы экономики. 2003. № 1.

E.V. Artamonicheva
The Analysis of the Efficiency
Estimation of Financing a Health
Care Institution (by the example
of the Gorodetskaya CRH)

The efficiency of healthcare institutions is analyzed by the example of a central regional hospital. Recommendations for improving the effectiveness of financing healthcare institutions are given.

Key words and word-combinations: healthcare system, medical services, efficiency, tariff.

Анализируется эффективность учреждений здравоохранения на примере центральной районной больницы. Разработаны рекомендации по повышению эффективности финансирования учреждений здравоохранения.

Ключевые слова и словосочетания: система здравоохранения, медицинские услуги, эффективность, тариф.

ББК 65.291.9
УДК 658.14/.17

Е.В. Артамонычева

АНАЛИЗ ОЦЕНКИ **ЭФФЕКТИВНОСТИ** **ФИНАНСИРОВАНИЯ** **УЧРЕЖДЕНИЯ** **ЗДРАВООХРАНЕНИЯ** **(НА ПРИМЕРЕ** **ГОРОДЕЦКОЙ ЦРБ)**

Здравоохранение является важной системой обеспечения жизнедеятельности общества, а также подсистемой крупной социально-экономической системы. Реформирование сферы здравоохранения должно пресле-

довать решение одной из главных задач – обеспечение должного уровня доступности и качества оказываемой населению медицинской помощи.

Обеспечение качества услуг служит весомым структурным элементом здравоохранения, а в условиях ограниченных финансовых ресурсов существенную роль играет фактор экономичности и рациональности их использования. Повышение качества оказания медицинской помощи зависит от финансовых ресурсов. Закупка современного оборудования, лекарственных средств, проведение капитального и текущего ремонта способствуют улучшению работы учреждения здравоохранения.

Особая роль в системе здравоохранения отводится эффективности финансирования, а ее **оценка представляется** чрезвычайно существенным и необходимым параметром. **Операция по оценке эффективности требуется** для более результативной работы учреждения, а также для отчета перед государственными органами [1].

В современных условиях учреждения здравоохранения сталкиваются с проблемой неэффективного финансирования. Следствием является некачественное обслуживание, то есть устаревшая аппаратура, ветхие помещения, грубый коллектив и много другое. Причиной неэффективного финансирования может служить неправильный расчет сетевых показателей, нерациональное использование источников финансирования, неверная оценка возможностей больницы.

В работах многих ученых отмечается, что для повышения эффективности использования финансовых ресурсов в бюджетных организациях здравоохранения должны проводиться следующие мероприятия: оценка текущего состояния отрасли (макроуровень); переход к эффективному управлению распределением финансирования внутри организации (микроуровень); переход к обеспечению полного возмещения затрат за счет доступных источников финансирования; активное привлечение внебюджетных источников финансирования; переход к принципам оплаты деятельности в зависимости от конечных результатов работы; непрерывный мониторинг структуры и качества оказываемой помощи [2].

Перечисленные мероприятия не отражают основных конкретных методик расчета финансовой эффективности здравоохранения и не содержат примеров их практического использования. В связи с этим нами предложены мероприятия по повышению эффективности финансирования внебюджетной деятельности и деятельности за счет обязательного страхования на примере учреждения здравоохранения ГБУЗ НО «Городецкая ЦРБ» Нижегородской области.

В каждом учреждении здравоохранения существуют источники финансирования, включающие бюджетные средства, внебюджетные средства и средства обязательного медицинского страхования. Сумма доходов для трех источников рассчитывается исходя из стоимости одной услуги (койко-дня, посещения или вызова) – цены и количества оказанных услуг.

Бюджетная цена – это расчетная стоимость медицинских услуг, которая используется для осуществления взаимных расчетов между учреждениями одной территории или подразделениями одного учреждения. Величина бюджетной цены не зависит от величины реальных издержек медицинских учреждений и рассчитывается в зависимости от финансовых средств, распределяемых

между лечебными учреждениями по принципу: не сколько необходимо, а сколько достаточно предоставить для осуществления их хозяйственной деятельности. *Тарифы на медицинские услуги по обязательному медицинскому страхованию* – это денежные суммы, определяющие уровень возмещения расходов медицинских организаций по выполнению территориальной программы государственных гарантий бесплатного оказания медицинской помощи и состав этих расходов [3].

Расчет цены на платные медицинские услуги осуществляется согласно калькуляции на каждый вид услуги отдельно и производится в соответствии с методическими указаниями по приказу министерства здравоохранения Нижегородской области от 30 декабря 2011 г. № 2556 «О формировании доходов и расходов по внебюджетной деятельности государственных учреждений, подведомственных министерству здравоохранения Нижегородской области».

По всем трем направлениям финансирования установлены критерии оценки деятельности, финансовых результатов, эффективности, плановые показатели. Проведем сравнительный анализ оценочных показателей деятельности ГБУЗ НО «Городецкая ЦРБ» по трем источникам.

Во-первых, нами рассмотрены показатели доходов от стационарной и поликлинической деятельности ГБУЗ НО «Городецкая ЦРБ» по источникам финансирования. Их анализ выявил, что большую часть доходов от поликлинической и стационарной деятельности 2011–2012 гг. составляют доходы, полученные за счет средств ОМС. Темп роста доходов по ОМС с 2011 по 2012 г. в стационаре увеличился на 33%; в поликлинике уменьшился на 19%; по бюджету в стационаре сумма доходов уменьшилась на 71%, а в поликлинике уменьшилась на 76%; по платным услугам сумма доходов в поликлинике увеличилась на 45,7% в связи с переводом коек роддома в систему ОМС.

Во-вторых, нами проанализированы показатели деятельности стационарной и поликлинической помощи. Наибольшими из основных показателей деятельности (среднегодовой % коек в стационаре и % посещений в поликлинике) оказались показатели деятельности по ОМС. Темп роста в 2011–2012 гг. по ОМС составил 6%, по бюджету уменьшился на 27%. Темп роста посещений за аналогичный период по ОМС уменьшился на 1,3%; по бюджету процент посещения остался на прежнем уровне; по платным услугам посещения увеличились на 11%. Такой результат достигнут за счет уменьшения объемных показателей, а также перевода услуг роддома в систему обязательного медицинского страхования.

Показатели, характеризующие эффективность деятельности по бюджету, имеют тенденцию к уменьшению их значения (сокращается объем коек, койко-дней, посещений, сокращаются ставки), поэтому данный источник для нас становится непривлекательным. Наиболее перспективными являются средства ОМС и собственные средства от предпринимательской деятельности.

Для развития предпринимательской деятельности учреждений здравоохранения, увеличения финансового результата, а также роста показателей эффективности предлагается открыть платные койки круглосуточного или дневного пребывания в стационаре – при условии выполнения объемных показателей оказания бесплатной медицинской помощи по программе госгарантий. В ре-

зультате учреждения получают дополнительную прибыль от оказания новой медицинской услуги, а пациенту не придется ждать своей очереди на койко-место в стационаре за определенную плату.

В диссертационной работе Н.Ф Соковниковой предложено определение плановой суммы финансовых средств по формуле:

$$\Sigma p = \left(\frac{Q * P}{1000} + \frac{K * T}{1000} \right) * N * D,$$

где Σp – плановая сумма; Q – количество посещений; P – цена посещения; K – количество койко-дней; T – цена койко-дня; N – региональный коэффициент; D – дефлятор.

Определив по данной формуле плановую сумму финансовых средств, требуемую на выполнение территориальной программы обязательного медицинского страхования, автор сопоставляет ее с фактической суммой, сформированной на выполнение территориальной программы обязательного медицинского страхования в организации здравоохранения. С точки зрения эффективности эти суммы должны быть равны, а их соотношение, или уровень расходов, равен 1 [4, с. 14–15].

Считаем целесообразным предложить другой вариант определения плановой суммы финансовых средств. Деятельность за счет средств обязательного медицинского страхования можно сопоставить с деятельностью медицинских учреждений, осуществляемой на платной основе. Таким образом, в основе стоимости (цены) платной медицинской услуги лежит расчет ее калькуляции (себестоимости), а в основе стоимости (цены) медицинской услуги, оказываемой за счет средств обязательного медицинского страхования, лежит расчет тарифа. Разница только в том, что калькуляцию рассчитывает учреждение здравоохранения самостоятельно, по методике Министерства здравоохранения, а тарифы разрабатывает Территориальный фонд обязательного медицинского страхования и указывает в программе государственных гарантий на текущий год.

На основании изложенного предлагаем собственный вариант вычисления тарифов стоимости медицинской услуги за счет средств обязательного медицинского страхования в учреждении по факту:

$$\Sigma \Pi = \left(\frac{T_i * Q_i + T_j * Q_j + \dots + T_n * Q_n}{1000} + \frac{TK_i * QK_i + TK_j * QK_j + \dots + TK_n * QK_n}{1000} \right) * k,$$

где $\Sigma \Pi$ – плановая расчетная сумма; $T_i T_j T_n$ – расчетный тариф стоимости 1 посещения i, j и n -врачей; $Q_i Q_j Q_n$ – количество посещений на 1000 населения k i, j и n -врачам; $TK_i TK_j TK_n$ – расчетный тариф стоимости 1 койко-дня по i, j и n -профилям; $QK_i QK_j QK_n$ – количество койко-дней на 1000 населения по i, j и n -профилям; k – коэффициент регионального нормативного значения положенного объема.

Рассчитав плановый тариф медицинской услуги, можно сравнить стоимость данной услуги по новому расчетному тарифу и стоимость, которую предлагает Территориальный фонд обязательного медицинского страхования. Кроме того, появится возможность оценить финансовый результат, который должен быть

по факту с применением новой реальной цены медицинской услуги, и плановый финансовый результат при условии выполнения объемных показателей (фактического и планового количества услуг).

Подводя итог, следует отметить, что предложенные практические мероприятия приведут к повышению эффективности финансирования. Введение нового вида платных услуг в учреждении здравоохранения послужит развитию предпринимательской деятельности и увеличению внебюджетных средств, которые можно будет использовать для улучшения качества медицинской услуги. В учреждении здравоохранения появится возможность создать резервный фонд с помощью отчисления части прибыли по внебюджетной деятельности и использовать его в непредвиденных ситуациях. Расчет новых тарифов стоимости медицинской услуги в системе обязательного страхования установит стоимость услуги по факту, будет способствовать самокупаемости медицинской услуги, увеличению средств, которые в дальнейшем будут направлены на развитие учреждения здравоохранения. Помимо прочего, точный расчет цены на медицинскую услугу обеспечит рациональное использование финансовых средств. Учреждение сможет спланировать финансовый результат, то есть определить, сколько денег оно заработает и сколько сможет потратить на осуществление медицинской деятельности.

Библиографический список

1. Управление и экономика здравоохранения: учеб. пособие / А.И. Вялков, В.З. Кучеренко, Б.А. Райзберг [и др.]; под ред. А.И. Вялкова. 3-е изд., доп. М., 2013.
2. *Кадыров Ф.Н.* Экономическая служба лечебно-профилактических учреждений. М., 2000.
3. *Комаров Ю.М.* Методология разработки экономических стандартов финансирования больничных учреждений: опыт Германии // Главврач. 2010. № 8.
5. *Соковникова Н.Ф.* Управление ресурсами здравоохранения на основе совершенствования государственного контроля: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006.

РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ

O.Yu. Abakumov
The Establishment and Operation
of the Saratov Provincial Soviet
Party School

УДК 37.015(470.44)
ББК 74.03(235.54)

О.Ю. Абакумов

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ СОВПАРТШКОЛЫ

Формирование сети совпартшкол – партийных учебных заведений массового типа, предназначенных для подготовки низовых кадров партийных, советских, профсоюзных организаций, политпросветработников – началось еще в 1920 г. Приступив к восстановлению народного хозяйства после революционных потрясений и Гражданской войны, партийное руководство обратило внимание на качественный состав партии, на кадры, которые должны были стать проводниками марксистских идей в народные массы. В резолюции XI съезда РКП(б) было отмечено, что «бурные годы гражданской войны не дали возможности уделить достаточно внимания и сил поднятию марксистского образования и культурного уровня рядовых членов партии. Ближайшие годы должны быть посвящены именно этой первостепенной важности задаче». Съезд подчеркнул необходимость «повсеместной организации партшкол средней и высшей ступени» [1, с. 622–623]. Планировалось, что областные совпартшколы будут

с годичным, губернские – с шестимесячным, а уездные – с четырехмесячным сроком обучения.

В Саратове создание губернской совпартшколы началось в мае 1920 г. На все организационные мероприятия губернским комитетом РКП(б) было отведено чуть более недели. Школа создавалась буквально на пустом месте. Под учебный процесс и общежитие было выделено помещение на ул. Московской. Руководителям необходимо было не только оборудовать учебные аудитории, но и составить программу на трехмесячный срок обучения, подобрать лекторов, сформировать библиотеку. Новая советская литература была большой редкостью, поэтому несколько экземпляров первого учебника под названием «Азбука коммунизма» студентам выдавал лично заведующий губсовпартшколой Иосиф Алексеевич Иванов (1890–1924), причем не для индивидуального чтения, а на комнату, для группового изучения.

В установленный губкомом день – 15 мая 1920 г. – в совпартшколе начались занятия. В числе первых слушателей преобладали армейские политработники, направленные воинскими частями на партийную учебу. Губсовпартшкола была полувоенным учреждением. Она находилась в хозяйственном подчинении у губвоенкомата и в материальном отношении снабжалась как военная часть.

Партийные кадры новой власти были жизненно необходимы, и даже трехмесячный срок обучения казался очень долгим. Первый выпуск был произведен досрочно: часть курсантов отправились добровольцами на польский фронт – участвовать в революционном походе на Варшаву и Берлин, остальные были брошены на практическую работу в деревню. Второй выпуск тоже оказался досрочным: преданные власти кадры необходимы были для осуществления продразверстки. Принудительная сдача государству сельхозпродукции вызывала естественную реакцию сопротивления со стороны крестьян. Для подавления крестьянского недовольства, обеспечения снабжения города и сохранения власти большевикам требовались энергичные, преданные идее, жесткие проводники партийного курса («лучшие и устойчивые товарищи»), которых и находили в губсовпартшколах.

Потребность в практических работниках была столь большой, что какое-то время в губсовпартшколе действовали даже 10-дневные курсы, на которых можно было лишь отфильтровать балласт и вооружить пропагандистскими лозунгами новых рекрутов революционной идеи [2, с. 2]. Важность партшколы для упрочения новой власти понимали и в Саратовском губкоме. Проведенная в январе 1921 г. проверка констатировала оторванность школы и от губкома и от ее непосредственного руководителя – агитотделения губполитпросвета. «Ввиду особой важности и особой значимости губпартшколы» было признано необходимым установить тесные контакты с губернскими органами и оказать практическую помощь в налаживании учебы и в хозяйственном обеспечении.

Характеризуя учебный процесс, комиссия отметила: «Положенный в основу работы метод рассчитан на самостоятельность учащихся (групповая работа) и может быть признан вполне правильным – при наличии подготовленных руководителей (политруков) групп. В настоящее время в этом отношении дело обстоит неважно. Кадр политруков, набранный из окончивших губпартшколу

прошлого созыва, неудовлетворителен и нуждается в постоянном инструктировании. Распределение работников школы носит случайный характер. Лица, способные вести работу в группах, иногда заняты в адм.-хоз. части и наоборот». Поэтому агитотделению губполитпросвета было предписано: «Распределить работающих в школе товарищей так, чтобы их способности были максимально использованы», обучить политруков «приемам и методам групповой работы», составить список книг, рекомендуемых для чтения курсантам и политрукам, и «озаботиться подбором этих книг», увеличить количество лекторов и привлекать для проведения занятий ответственных партийных работников. Хозяйственные поручения были довольно прозаичны: «Восстановить существовавшее ранее самообслуживание учащихся. Кроме устранения загрязненности помещений, это имеет и огромное воспитательное значение, принять меры к расширению помещения школы, т.к. теснота, которая увеличивается еще более, как только съедутся курсанты с продработы, не дает возможности хоть сколько-нибудь улучшить положение; обеспечить курсантов еженедельной баней; обеспечить хотя бы в минимальном количестве мылом; разрешить вопрос с прачечной; обеспечить школу достаточным количеством соломы для тюфяков; обеспечить дровами; если представится возможность, дать по 1 паре белья» [3, л. 3].

Летом 1921 г. руководство губсовпартшколы готовилось начать новый этап обучения, определяло кадры преподавателей и политруков по курсам политэкономии, истории рабочего движения на Западе и в России, русскому языку, географии, природоведению, учению о государстве, историческому материализму. Но прибывшие кадры будущих партийных организаторов были весьма слабо подготовлены к предстоящей учебе. По признанию руководителей школы, «часть товарищей, абсолютно неграмотных и неразвитых, была отправлена». При испытании остальных выяснилось, что «если одни прошли уездные совпартшколы, то другие не знали, как называется наше государство, точно так же по классовому сознанию и при устном собеседовании чувствовалась большая разнородность». «Одни имели среднее образование (законченное и незаконченное), а другие едва умели читать и писать», – признавал заведующий школой С. Ополов. Из 159 курсантов летнего (четвертого) набора 1921 г. 102 имели низшее и незаконченное низшее образование, а 15 освоили грамоту, только занимаясь самообразованием. Состав курсантов подбирался стихийно: «Большая часть курсантов попала в школу из лазарета, впоследствии расформированного, женотдела и профсоюзной организации. Здесь поступление в партшколу диктовалось главным образом стремлением «устроиться» [3, л. 37].

Учебный процесс шел с большим трудом, не хватало пособий, квалифицированных преподавателей, раздражали курсантов хозяйственные работы и назначения в караулы, перебои со снабжением. Осенью 1921 г. в связи с продовольственным кризисом курсантам выдавалось «3/4 фунта хлеба в день, рыбы около 7 фунтов в месяц, немного масла и совсем отказано в крупе». Остро стоял и вопрос обеспечения обмундированием, обувью и бельем. Губернская власть выделила 100 пар обуви и 250 комплектов белья для обучающихся. По признаю заведующего школой, «раздачей этой обуви и белья, а также раздачей на рубашки, брюки и платья мануфактуры (имевшейся на складе губпартшколы) была

частично удовлетворена общая нужда курсантов, оборванных и большей частью босых». Все это сказывалось на настроениях курсантов.

Руководитель школы с тревогой сообщал в губком, что «в последнее же время дисциплина опять стала падать, стали говорить о том, что «сначала нас оденьте и лучше нас кормите, а потом требуйте исполнения обязанностей». Подстрекателей он видел в числе оставленных для работы в партшколе выпускников третьего набора, принадлежавших к группе анархо-синдикалистов. В числе опасных анархистов Ополев указывал: «...дочь князя Чегодаева, курсантка Полтинова (кандидат РКП), оставленная при партшколе политруком, (по словам следователя ЧК, тоже дочь князя), делопроизводитель партшколы Трубников (сын помещика), проникший также в ячейке партшколы в кандидаты РКП. Это еще ярче показывает, как иногда производится посылка и набор курсантов в партшколу». Обращал он внимание и на слабость командного состава: «В газетах писали о грубом обращении с курсантами комроты, были даже заменены»; «некоторые из командиров влияли в школе разлагающе»; «мною за последнее время было установлено, что комсостав заперся в позднее время с некоторыми курсантками в своей комнате (что может подтвердить председатель курскома)... В школе есть курсанты и курсантки, которые своим поведением накладывают пятно на партийную школу, они сейчас намечены к откомандированию» [3, л. 37–38].

Действительно, архивные документы по губпартшколе зафиксировали случаи откомандирования. Сохранилось письмо в Первый РК РКП(б) Саратова: «Губпартшкола препровождает при сем в ваше распоряжение курсантов Корбмахеера Григория, уволенного из школы за хулиганство, нанесения всякого рода грубостей курсантам, брань отборными, непристойными словами, за манкирование занятий, и Рыжикову Марию, уволенную за нарушение элементарных начал этики и индифферентное отношение к занятиям» [3, л. 25].

После окончания полномасштабной Гражданской войны все помыслы курсантов и преподавателей губсовпартшколы уже связывались с мирной жизнью и строительством нового общества. Председатель губернского военного Совета жаловался ответственному секретарю губкома РКП(б) И.Д. Мартынову: «Несмотря на постановление Губкома и постановление Губвоенсовета о необходимости военного обучения, в Губпартшколе поставить образцово, имея в виду выпустить не рядовых стрелков, а могущих занять младшие командные должности, выпустить инструкторов для милиционной коммунистической армии, встречаются препятствия со стороны администрации Губпартшколы, т.е. вместо установленных ежедневных 2 час. военных занятий сокращено до 1 час. Это равносильно совершенно не вести занятий, ибо военное дело не лекционное, пока выходят на плац для занятия, пока выстраиваются и проходит 1 час, и надо возвращаться в школу» [3, л. 24]. Весь этот комплекс проблем потребовал кардинальных перемен.

В ноябре 1921 г. новым заведующим губсовпартшколой был назначен опытный партийный работник Николай Николаевич Гуляев (1896–?), ранее уже работавший в школе. Партийная школа перебралась в более пригодное помещение бывшей женской гимназии (ул. Первомайская, 75). Учебный процесс

наладился, хотя перебои в финансировании и снабжении продовольствием сохранялись. Один из курсантов вспоминал в 1925 г. то время: «Тогда наш стол был не то, что теперь: вечером и утром чай с черным хлебом и то в обрез. В обед суп... – прозрачная вода, в которой плавает кусок древней рыбы, на второе чечевичная каша (белков в ней много! – говорили хозяйственники). Никаких вещевых в то время как не знали, да и стипендия была 10 рублей. Одежда учащихся пестрела заплатками. На складе отыскивали полушубки, они представляли из себя только историческую ценность, и начали распределять по заявлениям, затем притащили солдатские ботинки и многих «одежи» [4, с. 2].

В декабре 1921 г. курсанты были отправлены в Заволжье, где продолжали сопротивление советской власти «степные партизаны» атамана Серова. Зимой активные боевые действия обычно не велись, и курсанты участвовали в охране сыпных пунктов, элеваторов, железнодорожных станций. По окончании двухмесячной командировки учебный процесс был продолжен.

В одной из еженедельных информационных сводок, представленной 11 марта 1922 г. секретарем партийной ячейки ГСПШ в райком партии, на вопрос «Чем недовольны рабочие, служащие, спецы?» давался довольно обстоятельный ответ: «Курсанты недовольны своею необеспеченностью в денежном довольствии... и в смысле антисанитарного состояния комнат и недостатка мыла. По приезде из боевой экспедиции 10% заболеваемости тифом. Сотрудники школы (рабочие, канцелярские служащие) недовольны неравным распределением пайков между низшими служащими и лекторским составом. Так некоторые получают полный паек за 3 дня занятий в неделю, а работники физического труда за ежедневную работу – получают пониженную норму продовольствия». Как видим, лозунги о социальном равенстве оставались лишь красивыми словами и не выдерживали столкновения с действительностью. В целом же все было стабильно: «Курсанты интересуются политическим и экономическим вопросом республики (дело Генуэзской конференции, 11-го съезда РКП, сессия Коминтерна, 9 съезд Советов)... Курсанты спокойны в настоящее время... Агитации зловердной не ведется» [5, л. 15–15об].

Параллельно с организацией нормальной работы губернской партшколы обсуждался вопрос о создании в Саратове коммунистического университета. После того как в мае 1922 г. Саратовский губком РКП(б) принял решение об открытии Комвуза, вся практическая подготовительная работа легла на плечи руководства и преподавателей губсовпартшколы. С поставленной задачей они справились, и в середине декабря начались учебные занятия студентов-комвузовцев.

Саратовский областной коммунистический университет, губсовпартшкола и уездная совпартшкола существовали как единый комбинат, во главе с ректором и самостоятельными учебными частями, ведавшими организацией занятий. Первоначально это структурное объединение казалось оправданным. Ревизовавший в марте 1924 г. СОКУ А. Рындич отмечал: «Комбинат – объединение Университета с партшколами вполне жизненен... партшколы много выиграли от объединения в смысле обеспечения преподавательскими силами и т.д. Курсанты много приобретают благодаря совместной работе с студентами» [6, л. 20 об.].

О том, как работала ГПШ на новом этапе, позволяют судить публикации в

местной партийной печати и в газете Саратовского Комвуза «Резервы марксизма». Характеризуя пятый набор курсантов ГПШ, парторг СОКУ М. Вакуленко писала: «В губпартшколу попал тот, кто только мог всеми правдами и неправдами добиться командировки». Несмотря на категоричность суждения, речь не идет о прежней практике сплошного, поголовного набора: состав школы самый разнообразный – от комсомольских и партийных секретарей волостных комитетов до «рядовых работников деревушки и хутора». Это уже не искатели революционной романтики и партийной должности, а проявившие себя практические работники низового звена. Что сближало этот набор с прошлыми, так это уровень подготовки, дававший «чрезвычайно пеструю картину».

К 1922 г. в ГСПШ изменилась организация учебного процесса. Действовавший в то время метод М. Вакуленко называла «лабораторно-эвристический», поясняя: «Каждый преподаватель ведет строго-научную лекцию-беседу, по мере возможности иллюстрирует ее и в следующий час, путем наводящих вопросов, помогает аудитории усвоить материал». Опыт двух триместров показал, что курсанты группы, состоявшей «преимущественно из практических работников, работавших за время революции на всех фронтах и во всех кампаниях, но имевших очень слабую подготовку при поступлении», «научились основательно по-марксистски анализировать любую эпоху древней и средней истории, решать формулы математики и понимать законы физики». Учитывая, что такой потрясающий результат достигнут за полгода, создается впечатление, что словами «основательно» и «по-марксистски» обозначены взаимоисключающие понятия и на практике возможно что-то одно.

Свои «искания» были и в «проработке» учебного материала, то есть в подготовке домашних заданий. Суть практикуемого метода сводилась к тому, что курсанты разбивались на группы по 6 человек, эти группы собирались ежедневно, и курсанты сообща готовили уроки: «Тут просматриваются и исправляются классные записки, разбирается текст прочитанного или читаемого материала, причем в каждой шестерке находится более подготовленный товарищ, который руководит и направляет работу шестерки». Создавалась внешняя идиллия: «Малоуспевающие имеют возможность приобрести необходимые знания, а руководитель получает практический навык» [7, с. 61]. На деле же лидеры подавляли слабоуспевающих, хотя зачастую и помогали, протаскивая их и через коллективную сдачу зачетов. Этот способ был оправдан в условиях нехватки литературы для вовлечения в учебу недостаточно подготовленных, для привития навыков систематической работы, для отработки навыков взаимодействия в коллективе, убеждения, полемики.

Через два месяца после публикации статьи М. Вакуленко, в канун выпуска пятого (годового) набора ГПШ, курсант Мятажный писал в том же журнале о работе школы, но уже рассуждая с позиций курсанта. Он отмечал: «Курсанты получили здесь солидную общеобразовательную подготовку: они научились чисто практически использовать почерпнутые ими знания в области математики, физики, ботаники и др. наук» [8, с. 33], то есть в первую очередь подчеркнута роль школы в изучении общеобразовательных предметов. Собственно говоря, курсантов вооружили марксистской схемой социально-экономического анали-

за, достаточно четко выполнив установку ЦК партии. «Серьезная задача подготовки партийного и советского работника, твердо и точно знающего свое дело», как первоначально (октябрь 1920 г.) определил ЦК РКП задачи совпартшколы, не может быть осуществлена, если этот работник не будет обладать ясным последовательным марксистским мировоззрением, если он не овладеет методом марксизма, как в области сознания мира, так и в области его переустройства», – писал один из главных теоретиков партийной учебы А. Рындич [9, с. 27].

Что же касается декларируемых практических навыков политической и организаторской работы, то о них в Саратове вспомнили в последний момент. Состоявшийся в апреле 1923 г. съезд губсовпартшкол отметил острый недостаток кадров на местах и высказался против продления учебного года, поэтому в Саратовской партшколе и решено было создать краткосрочные секции: профессиональную, партийную, советскую, юношескую, библиотечную, женскую, куда распределили курсантов в соответствии с их интересами. Рекомендовали курсантам посетить и специальные циклы лекций по кооперации и сельскому хозяйству.

Система совпартшкол постоянно совершенствовалась, проходившие съезды практических работников системы партийной учебы корректировали учебные планы, реагировали на новые конкретные задачи в области подготовки кадров. 30 мая 1926 г., подводя итоги первого года работы по измененной программе, представитель учебной части Саратовской партшколы отмечал в газетной публикации: «Новая ГПШ получила более определенное назначение: подготовить кадры деревенских политпросветработников, главным образом – избачей», подчеркивая, что «изба-читальня – центр культурно-просветительской работы местных деревенских сил; изба-читальня должна и может сделаться центром, организующим всю хозяйственную и общественную жизнь деревни, а избач одним из организаторов новой жизни, нового быта, новой идеологии в деревне».

Для достижения новых целей в прежние программы были включены дополнительные предметы: хозяйственное строительство в деревне, работа ВЛКСМ в деревне, организация и методы политпросветработы в деревне, партстроительство в деревне. Дополнялись и традиционные учебные дисциплины. В курсе истории ВКП(б) и ленинизма «особое внимание было уделено роли крестьянства в мировом рабочем движении вообще и в Октябрьской революции в частности». В курсе биологии внимание концентрировалось на объектах сельского хозяйства. Помимо практических знаний, было обращено особое внимание на выработку «самостоятельности и настойчивости» – качеств, «необычайно необходимых деревенскому работнику» [10, с. 1]. Заведующий учебной частью ГСПШ В. Егер убеждал курсантов в необходимости приобретения прикладных знаний и навыков: «Универсалист и практик, умеющий близко стоять к материальному крестьянскому труду, – вот идеал деревенского работника». Приезжающих в деревню лекторов и докладчиков крестьянин считает бездельниками, поэтому «необходимо, чтобы он видел в лекторе, докладчике и т.д. «всамделишного» человека, похожего на него самого своими интересами, деятельностью и трудовым бытом». [11, с. 3].

Учебные занятия в ГПШ строились по лабораторному методу (Дальтон-

план). Двухлетний период обучения предусматривал изучение: политэкономии (150 час.), хозяйственного строительства (225 час.), экономической географии (120 час.), государственного строительства (130 час.), истории классовой борьбы (240 час., два года), истории ВКП(б) (330 час., два года), ленинизма, естествознания (190 час., два года), русского языка (180 час.), математики (180 час., два года), исторического материализма (90 час), партийного строительства (80 час.), политпросветработы (80 час.), методики агитации и пропаганды (105 час.), работы комсомола в деревне (80 час.), агрикультуры [12, с. 2].

По каждому предмету студент получал комплект методических материалов (задание, план работы, списки обязательной и дополнительной литературы), которые в течение двух недель в удобное для себя время должен был изучить, работая в кабинетах и библиотеке. Преподаватели проводили установочное занятие, консультации, руководили подготовкой и осуществляли проверку письменной работы, заслушивали итоговый доклад на конференции. Несомненным плюсом такой организации должна была стать возможность дать оценку качества выполненной работы каждым курсантом. Но по ученическим заметкам в газете видно, что преподаватели достаточно формально относились к проверкам работ и к итоговому зачету могли оценить успехи не всех студентов [13, с. 2].

Традиционно преподавание увязывалось с современностью, с практическими потребностями государства. Опыт социалистического строительства позволил уже критически оценивать труды и взгляды недавних вождей, ставших теперь оппонентами в политической жизни. «Тема по истории ВКП(б): «Годы империалистической войны и февральская революция» охватывает злободневные моменты для внутривластной жизни – исторический анализ ленинской, троцкистской и каменевской позиции в этот период», а тема по курсу экономической политики «Экономика переходного периода» – дает правильную установку на это вопрос, вскрывает теоретическую несостоятельность «теории социалистического накопления» Преображенского, а предмет «Методы агитации и пропаганды» в первом же задании прорабатывает вопрос о формах агитационно-пропагандистской передачи полученных в школе знаний», – сообщил А.П. Гагарин [14, с. 40].

Упор на индивидуальную работу в процессе учебы курсантами оценивался по-разному. А. Перевертайло считал: «Метод занятий в губпартшколе есть самостоятельная исследовательская проработка тех или иных вопросов. Безусловно, этот метод дает громадную пользу тем, кто приехал сюда действительно учиться, и этот же самый метод «хорош» еще тем, что отдельные личности при нем могут великолепно лодырничать». В доказательство курсант обращался к стенгазете «Партшколец», которая из номера в номер отмечала «уменьшение посещаемости и пренебрежение к занятиям» [15, с. 2].

Иную точку зрения отстаивал курсант-второкурсник Ф. Николаев, считавший «самостоятельный метод» «гораздо лучшим и целесообразным», так как, используя его, ГСПШ старается «научить товарища так, чтобы он не только в школе, но и вне ее смог бы в книжном и газетном материале разобраться самостоятельно». [16, с. 4]. Открывавшиеся возможностями учащимися использовались с энтузиазмом. Курсант Д. Кондратьев признавался: «Нарушая регла-

мент работ, вместо 6 часов, мы работали больше, иногда и в ущерб здоровью». Видно, с каким трудом составлялись им из привычных партийных лозунгов фразы газетной заметки: «Это знание мы проверим на практике летом, зная хорошо деревню, сумеем закрепить знание, увязав теорию с практикой» [17, с. 4].

Важным компонентом воспитательной работы среди курсантов и студентов была клубная работа [18, с. 12–13]. Секретарь партийной ячейки СОКУ М. Вакуленко в своей заметке о ГСПШ особое внимание уделила клубу – «яркому месту разумного коллективного творчества»: «Здесь сосредотачивается самая разнообразная умственная деятельность курсантов: индивидуальные занятия, изучение пролетарской литературы, уроки самокритики, разбор материала для стенной и устной газеты и т.д.» [7, с. 62]. Через два месяца в журнальной статье курсант Мятёжный добавляет некоторые детали и правит текст М. Вакуленко: «Клуб является средоточием, где курсанты проявляют свои способности в культурной области». Показательно, что самый большой кружок ГПШ – это кружок физической культуры, который «заметно продвинулся вперед благодаря опытному руководителю, выдвинутому из среды самих учащихся» [8, с. 34], т.е. есть интерес и инициатива обучающихся, неформальный лидер из их среды сделали кружок самым популярным.

К пролетарским праздникам кружки готовили совместные выступления, на такие представления приходили представители «родственных пролетарских организаций»: водного транспорта, грузчиков, подшефных воинских частей. «Но беда только в том, что бедны мы, как церковные крысы: голые стены, нет декораций, красок, пособий и пуст и неуютен читальный зал», – сетовала М. Вакуленко, отмечая, что «если бы не наш дорогой сосед – коммунистический университет, – клубная работа Совпартшколы давно замерла» [7, с. 62].

Еще одним немаловажным воспитательным фактором было участие курсантов в органах самоуправления. М. Вакуленко обращала внимание на то, что «каждый управитель и член такой организации должен обладать известной чуткостью при подходе к другим курсантам и выдержкой, ибо, распорядясь судьбами своих товарищей, удовлетворяя их нужды, можно легко оторваться от массы и потерять свой авторитет» [7, с. 61]. Органы самоуправления были совместные с комвузом и служили формированию управленческих навыков и закреплению механизмов коллективизма.

Следует, однако, признать, что курсанты тяготились соседством с Комвузом. Анализируя практику проведения общих собраний, курсант Дергунов отмечал, что на них едва ли вообще выступал хоть один курсант школы, который «в большинстве случаев чувствовал себя менее опытным и развитым, нежели студент, и вообще у курсантов отсутствовала всякая инициатива, как по линии учебной части, так и по линии самоуправленческой» [19, с. 2].

Для борьбы с пережитками и пороками буржуазного общества в 1926 г. по инициативе старост учебных групп ГСПШ началось формирование своего товарищеского суда, «как наилучшей формы изжития ненормальностей». Он состоял из трех членов и одного кандидата, отобранных из наиболее авторитетных курсантов. Дела, которые должны быть вынесены на рассмотрение этого суда: «индивидуализм; нетоварищеское отношение; бытовые вопросы комбината; раз-

личные нарушения; половой разврат». По мнению курсанта Д. Кондратьева, «здесь наша задача сводится к тому, чтобы в своем быту – курсантском – исправлять все дефекты, мешающие коллективизации – устранять причины, которые дискредитируют наш коммунистический очаг, тем самым не допустить уродства курсантов, предназначенных для пропагандистской массовой работы» [20, с. 4].

Особо следует отметить партийную ячейку ГСПШ, которая представляла собой, по выражению М. Вакуленко, «коллективный партийный глаз, совесть и ум». Естественно, партийное руководство носило всепроникающий характер: «Тщательно обсуждается президиумом ячейки каждая кандидатура всех организаций и представительств». Президиум партиячейки влиял на работу предметных комиссий, школьного совета, заслушивал отчеты и давал указания. [7, с. 62]. С точки зрения курсанта, такое пристальное внимание коллегиального органа играло позитивную роль: ячейка «ставила на собраниях доклады о проделанной тем или иным курсантом работе, где они учились на тех ошибках, которые иногда подмечались их товарищами» [8, с. 34]. Действовала в школе и система партпросвещения: обсуждались актуальные партийные директивы, решения конгрессов Коминтерна и Съездов Советов. Как писал в июньском номере «Вестника Саратовского Губкома РКП» (1923 г.) курсант Мятажный, «приступлено в специально организованном кружке к изучению материала 12 съезда партии» [8, с. 34].

Некоторое представление о жизни партиячейки в 1925/26 учебном году дает заметка парторганизатора Ф. Николаева: «Собраний было 5, на которых основных вопросов проработано 12, мелких разнохарактерных 5. Из них общественно-политических 6, партжизни ячейки 3, жизни и деятельности СОКУ и ГПШ -3... Выступлений в прениях по всем основным вопросам было 41... Собрание укладывается в три часа и проходит, нужно сказать, оживленно... Доклад распределяется между партийцами первого и второго курсов, но большей частью с первого, так как первокурсники гораздо больше имеют свободного времени». Посещаемость колебалась от 50 до 65 чел. (в среднем 86%). Численность парторганизации была примерно 70 чел. (36 – второкурсники, 24 – первокурсники, 10 – служащие школы). Формальные показатели иллюстрируют именно то, на что обращалось первостепенное внимание, при общем одобрении всех предлагаемых решений важно было знать, сколько именно принимало участие в собрании, как голосовали, были ли приглашены комсомольцы и беспартийные [21, с. 3].

В то же время на партийных собраниях (правда, закрытых для комсомольцев и беспартийных) обсуждались и животрепещущие вопросы. В феврале 1926 г. на таком собрании было выражено недоверие ректору СОКУ Ф. Морозову, а курсант Ф. Николаев поставил вопрос и о смене заведующего учебной частью ГПШ В. Егера, который, как он считал, фактически устранился и от руководства школой, и от решения проблем курсантов. Свои критические замечания, в несколько смягченном виде, он изложил позже на страницах газеты «Резервы марксизма» [13, с. 2].

Важной частью обучения в ГСПШ была практическая работа вне стен школы. Курсантов направляли групповодами и пропагандистами в рабочие коллек-

тивы и школы политграмоты, работали они в детских домах и среди пионеров. Для руководителей Саратовской губсовпартшколы было важно, что курсанты на практике приобретают практический опыт, «улавливают настроения и требования масс», испытывают на себе здоровое влияние рабочей среды [7, с. 62]. Однако часто такое прикрепление к организациям было формально. Курсант Д. Кондратьев на страницах комвузовской газеты негодовал: «Практическая работа не дала ожидаемых результатов... едва 10% были использованы правильно. Грубо выражаясь, прикрепляли «огулом»» [17, с. 4].

В годовом отчете Саратовского Комвуза за 1925/26 учебный год, представленном в губком ВКП(б), оценивался опыт существования комбината СОКУ – ГСПШ: «Такое объединение давало ряд материальных выгод и ставило сосуществование в одном здании двух разнопрограммных школ. Однако с течением времени выявились и отрицательные стороны, на которые указывают все чаще и чаще и сами курсанты: подавление инициативы курсантов более развитыми и многочисленными студентами Коммунистического университета – на общих собраниях, в различных комиссиях и организациях Коммунистического университета, во всех мероприятиях и действиях комбината – ставит партшколу в положение подчиненное, пасынковое. Все это дает отрицательные результаты в смысле воспитания курсантов». Губернские власти услышали мнение коллектива Комвуза [22, л. 4]. К тому же по заданию губкома была проведена проверка действовавших уездных СПШ. Отметив достигнутые улучшения губкомовская комиссия признала, что «все же положение остается тяжелым». На первом месте стояли жилищные условия, препятствовавшие нормальной организации учебного процесса.

Учитывая растущую активность бедняцко-среднеяцких слоев деревни, «партия должна направить эту активность по правильному руслу, что можно достичь через усиление работы всех деревенских общественных организаций, насыщением деревни хорошими работниками за счет посылки из городов и через систематическую переподготовку и подготовку самого деревенского партийно-комсомольского актива», в этих условиях бюро губкома постановило: «основным мероприятием, при осуществлении которого возможно улучшение учебно-воспитательной работы и большая материальная обеспеченность СПШ и улучшение качества выпускаемой продукции, является необходимость слияния всех СПШ в одну. Местом объединения считать Саратов», – писал орган саратовского губкома ВКП(б) журнал «Коммунистический путь» [23, с. 84].

Таким образом, с 1927 г. ГСПШ стала действовать как губсовпартшкола 2-й ступени, объединив ресурсы и контингент трех уездных школ (Саратова, Вольска, Балашова) выгода от такого слияния была очевидна: устранена малокомплектность, улучшено обеспечение учебными материалами, обеспечен должный уровень преподавания, облегчен контроль и методическая помощь идеологических структур губкома, упразднен дублирующий свои функции аппарат управления. Расположение объединенной школы в губернском центре позволяло вести переподготовку кадров в соответствии с потребностями и заданиями губернских органов, близость к музеям, театрам разнообразила культурно-просветительскую работу, многочисленные городские лектории и публичные мероприятия были теперь доступны курсантам.

Реформированная школа насчитывала 345 курсантов, в ней действовало три отделения: немецкое (Оренбург, Самара, Пенза, Сталинград направили для учебы по 5 чел. и 7 – Саратов), татарское (укомплектовано партийными организациями Тамбова, Сталинграда, Уральска – по 5 чел. и 7 чел. от Саратов) и мордовским (Самара, Пенза, Ульяновск дали по 5 чел. и 4 чел. – Саратов). Большую часть нового набора составляли демобилизованные красноармейцы 34 чел. Помимо них на учебу направили Сердобский уезд – 20 чел., Петровский, Аткарский – по 25 чел., Новоузенский – 18, Саратовский – 16, Балашовский – 33, Вольский – 57, три района Саратова – 44, Камышинский – 13. План набора был перевыполнен почти на 100 чел. Налицо был и количественный и качественный рост курсантов. Если в 1924 г. членов и кандидатов в члены РКП(б) было только 27%, в 1926 74%, то в 1927/28 учебном году все обучающиеся были кандидатами и членами партии. Менялся и возраст курсантов: в 1924 г. 47% были старше 22 лет, в 1926 г. – 64%, а в 1927 г. – 75%, то есть на учебу пошли зрелые, партийные активисты низового уровня. По социальному составу учащиеся традиционно значительно преобладали крестьяне. За счет внутренних ресурсов при школе была создана «Совпартшкола на дому» и «Вечерняя школа», принимавшие всех окончивших низовые школы политграмоты [14, с. 40–41].

Куда же направлялись выпускники? Курсант Ф. Николаев сообщал об итогах распределения 35 выпускников 1926 г.: на уездную парторботу 3 чел., на комсомольскую, политико-просветительскую и другую в уезды – 6 чел., на волостную партийную, советскую, комсомольскую и другую работу – 23 чел., на районную пионерскую – 1, на низовую деревенскую – 2 чел. [9, с. 2]. О распределении следующего года известно, что выпуск 1927 г. дал деревне 10 пропагандистов, 7 обществоведов, 5 секретарей волкомов ВКП(б), секретарей волкомов ВЛКСМ – 8 (75% от потребности), 15 волостных политпросветорганизаторов и избачей (половина от поступивших заявок). По признанию А.П. Гагарина, «фактически школа дает не узкий кадр «пропагандистов и избачей», а товарищей, идущих на все отрасли низовой парторботы» [14, с. 41].

Задачи социалистического строительства требовали подготовки не только пропагандистских кадров, но и руководителей сельских парторганизаций, комсомольских работников, инструкторов по работе среди женщин. С началом коллективизации резко увеличилось количество совпартшкол. К 1933 г. в СССР работали 256 совпартшкол, в которых обучались 50 тыс. человек. С 1 января 1934 г. началась очередная реорганизация системы совпартучебы. Вместо двухгодичного установлен 8-месячный курс обучения, ориентированный на потребность региона в низовых работниках для промышленности или сельского хозяйства [25, с. 116].

Опыт работы Саратовской ГПШ показал, что партшкола достаточно успешно и оперативно выполняла партийные директивы, связанные с подготовкой кадров для формировавшейся политической системы. Если в первые годы своего существования партшкола переваривала достаточно пестрый по социальному составу контингент искателей «тепленьких местечек», то впоследствии сложилась система отбора на партийную учебу лиц, имевших опыт практической

деятельности. Фактически школа осуществляла переподготовку низового партийного, комсомольского, женсоветского актива. Не предъявляя (в отличие от СОКУ) серьезных требований к начальному образовательному уровню, партийному стажу и опыту практической работы, ГСПШ вела успешную образовательную работу со взрослыми, практикуя современные методики обучения, экспериментируя в организации учебного процесса. Очень точно определил значение ГСПШ курсант Ф. Николаев: «Школа не дала больших знаний, но она выработала до некоторой степени, у каждого курсанта, марксистское мировоззрение» [13, с. 2]. Наиболее способные выпускники получали возможность продолжить образование в Саратовском Комвузе или даже в Москве на различных курсах. Актуальные партийные лозунги, простые мыслительные схемы, приспособленные для решения сложных вопросов, заученные марксистские догмы, воспитанные упорство и вера в правоту партийного курса – с таким багажом отправлялись выпускники ГСПШ в деревню. Для неполучивших элементарного образования, для непрочитавших ни одной книжки, для едва осиливших «Азбуку коммунизма» губсовпартшкола открывала путь в новую советскую элиту. Этот путь был долгим, начинался он с низовой работы в волости (реже районе), но направление этого движения было определено.

Библиографический список

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1: 1898–1953. М., 1953.
2. Гуляев Н. К двум юбилеям // Резервы марксизма. 1925. 13 дек.
3. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 2. Д. 663.
4. Зеленьяк Н. Из прошлого ГПШ и СОКУ // Резервы марксизма. 1925. 13 дек.
5. ГАНИСО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 123.
6. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 3. Д. 834.
7. Вакуленко М. Из жизни и работы губсовещания // Вестник Саратовского Губкома РКП. 1923. № 4.
8. Мятёжный. Из жизни и работы Губсовпартшколы // Вестник Саратовского Губкома РКП. 1923. № 6.
9. Рындич А. Коммунистическое воспитание в Совпартшколе // Коммунистическое просвещение. 1922. № 3.
10. Уч. часть ГПШ: Год работы на новых рельсах // Резервы марксизма. 1926. 30 мая.
11. Егер В. Совпартшкола – лицом к деревне // Резервы марксизма. 1925. 5 нояб.
12. Николаев Ф. Итоги двухгодичной учебной работы в ГПШ // Резервы марксизма. 1926. 21 апр.
13. Николаев Ф. К учебе на 2 семестре // Резервы марксизма. 1926. 8 февр.
14. Гагарин А. Школа Ленинских резервов (К открытию Объединенной Губсовпартшколы II ст. в г. Саратове // Коммунистический путь. 1927. № 18.
15. Перевертайло А. Учеба на I курсе ГПШ // Резервы марксизма. 1925. 15 нояб.
16. Николаев Ф. Об учебе на 2 курсе ГПШ // Резервы марксизма. 1925. 13 дек.
17. Кондратьев Д. К итогам за год в ГПШ // Резервы марксизма. 1926. 30 мая.
18. Абакумов О.Ю. Первые годы работы Саратовского Комвуза: становление системы подготовки кадров // Вестник ПАГС. 1912. № 4.
19. Дергунов. Перспективы работы яч. ВКП(б) при губпартшколе // Резервы марксизма. 1926. 7 окт.

20. Кондратьев Д. К работе товарищеского суда в ГПШ // Резервы марксизма. 1926. 15 дек.
21. Николаев Ф. Деятельность партколлектива ГПШ (за первый семестр) // Резервы марксизма. 1925. 5 нояб.
22. ГАНИСО. Ф. 27. Оп. 4. Д. 380.
23. О Совпартшколах // Коммунистический путь. 1927. № 9/10.
24. Фильченков М.П. Из истории партийных учебных заведений // Вопросы истории КПСС. 1958. № 1.

A.K. Magomedov
Book Review:
Political Relationship and
Political Process in Modern
Russia: tutorial / college
of authors;
ed. by T.N. Mitrokhina. – Saratov:
Stolypin Volga Region Institute
of Administration,
2013. – 260 p.

УДК 32.01
ББК 66.04

А.К. Магомедов

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
Политические отношения и
политический процесс в
современной России: учеб.
пособие / кол. авт.; под ред.
Т.Н. Митрохиной. – Саратов:
Поволжский институт
управления им.
П.А. Столыпина, 2013. – 260 с.**

Рецензируемая книга, написанная коллективом авторов Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, представлена как учебное пособие, хотя подготовленный труд является результатом многолетней исследовательской работы, с выводами которой научная общественность знакома по многочисленным публикациям, в том числе в центральной научной печати, по выступлениям авторов на конференциях разного уровня.

Своевременность появления учебного пособия обусловлена реформами в системе высшего образования современной России. По-

содержит лекции учебных дисциплин, читаемых профессорско-преподавательским составом Поволжского института управления имени П.А. Столыпина студентам, обучающимся по программе «Политические отношения и политический процесс в современной России». Лекции представляют собой своеобразную квинтэссенцию учебных курсов общенаучного и профессионального циклов (как их базовой, так и вариативной части).

Актуальность издания определяется прежде всего очевидным недостатком учебной и учебно-методической литературы, необходимой для организации учебного процесса. Предлагаемое учебное пособие составлено в полном соответствии с документами основной образовательной программы и предназначено для подготовки магистров по программе «Политические отношения и политический процесс в современной России».

Актуальность учебного пособия связана также с очевидной необходимостью осмысления процессов, которые охватили отечественную политическую науку в течение последних двадцати с лишним лет. Нынешняя интеллектуальная и образовательная ситуация в отечественном политологическом сообществе озадачивает. Озадачивает потому, что в атмосфере наплыва западных теорий, материалов, книг, преподавательских стандартов и канонов уровень нашего собственного понимания российских политических процессов остается недостаточным, а их теоретическое объяснение – лишенным существенности и силы. Авторы справедливо отмечают, что на протяжении длительного времени отечественная политическая наука находилась в значительной степени под влиянием американской политической науки, а не собственной практической политики. Но это еще не всё. Непростые времена переживают отечественные профессиональные политологические ассоциации и объединения. Очевидна необходимость в преодолении сложившегося кризиса, вызванного чрезмерным использованием зарубежных подходов и концептов к объяснению российских политических реалий посткоммунизма. Авторы предельно откровенно заявляют, что без изменения ситуации в российском интеллектуальном сообществе нельзя предупредить подрыва авторитета знания в глазах нового поколения студентов-политологов. Назрел поворот к изучению реальности во всех ее противоречиях и к созданию собственных объяснительных моделей. Поэтому данную книгу можно рассматривать как шаг вперед в осмыслении российских политических отношений и процессов.

Рецензируемое издание входит в круг работ, которые принадлежат к особенно динамично развивающемуся в последние годы направлению отечественной политической науки – политическим отношениям и политическому процессу. Главной новацией представленного пособия является то, что оно разработано специалистами различного социально-гуманитарного знания: политического, исторического, философского, социологического. Особую междисциплинарную направленность книге (весьма редкую в таких случаях) придает участие в ней доктора физико-математических наук в качестве автора одной из глав. Это позволяет говорить о данном пособии как о полноценном междисциплинарном учебно-педагогическом издании. Такое сочетание дает возможность совместить и тем самым нарастить эвристический и познаватель-

ный потенциал пособия, адресованного студентам, аспирантам, а также политологическому сообществу в целом. Становится все более очевидно, что подобный результат является следствием того, что в стенах Поволжского института управления имени П.А. Столыпина создана сильная и убедительная научная школа. Статьи авторов издания, появляющиеся в центральных и региональных журналах, неизменно привлекают специалистов новизной материала и оригинальностью исследовательских решений.

Представленный в учебном пособии политологический материал опирается как на достижения мировой политической мысли, на работы отечественных исследователей, так и на собственные авторские разработки. Предложенные в пособии методики могут стать основой для дальнейшего понимания быстро меняющихся отечественных политических отношений и процессов. Достоинством пособия можно считать применение методов, с помощью которых политические процессы, протекающие на современной отечественной почве, выступают как органичные, причинно обусловленные, с собственной историей и социальными, культурными, экономическими основаниями.

Не вызывает сомнения структура издания, она достаточно мотивирована, вполне логична. Эта книга объединяет в себе три познавательных блока-раздела, организованных в четырнадцать глав. Такая структура пособия сосредоточивает внимание читателя на наиболее важных направлениях рассмотрения российских политических отношений и процессов.

В первом разделе «Тенденции и направления развития политической науки: история и современность» авторы дают развернутое описание доминирующих в современной политической науке тенденций и направлений. Следует всецело согласиться с выводами авторов, заключающих, что основными болевыми точками отечественной политологии представляются уход в поверхностную популяризацию западных работ и оттеснение на второй план задачи изучения российских реалий. Российская политическая реальность не поддается адекватной интерпретации посредством применения методологических принципов западной политической науки, которые не приживаются на отечественной почве и не становятся эффективным методологическим инструментарием исследования отечественной политики.

Более зрелый этап развития политической науки в России характеризуется и более адекватными подходами к анализу явлений политической практики. Интересные разработки появились на базе синтеза фундаментальных и прикладных исследований политики. Например: обоснование «гибридного» характера переходного политического режима в постсоветской России или же описание особенностей позиционирования корпораций в пространстве российской власти, а также характеристика современной демократии как переговорного процесса. Это позволяет создать насыщенную репрезентативную картину политических изменений в России. Авторы указывают, как менялся вектор исследования российских политических реалий и институтов (например, политических партий) по мере накопления собственного политического опыта. Тем не менее, несмотря на значительные результаты, достигнутые политологическим сообществом, до сих пор очевидным остается «проседание» методологического на-

правления в отечественных политологических разработках, а также недостаточное внимание, которое уделяется методологическому обоснованию и обеспечению исследований. Указанные проблемы призван решить второй раздел книги, посвященный проблеме методологии политической науки.

Второй раздел «Методология политической науки: методы, технологии, методики» посвящен описанию проблем образовательных технологий и информатизации высшего образования. Он в целом хорошо фундирован и содержит ценный материал, который может и должен быть использован в отечественной политологии. Более чем убедительно звучит тезис авторов о том, что развитие педагогической науки, бурный технический прогресс и новый уровень социальных отношений в совокупности обеспечили возникновение нового явления в образовательном процессе – инновационных педагогических технологий. Суть этого явления заключается в применении технологического подхода к построению и осуществлению педагогического процесса, а принципиальное отличие от традиционных структур процесса обучения состоит в развивающем характере обучения при одновременном воздействии на сенсорную, эмоциональную, двигательную и мотивационную сферы личности. В частности, под образовательными технологиями в высшей школе понимается система научных и инженерных знаний, а также методов и средств, которые используются для создания, сбора, передачи, хранения и обработки информации в предметной области высшей школы. Формируется прямая зависимость между эффективностью выполнения учебных программ и степенью интеграции в них соответствующих информационно-коммуникационных технологий.

Интерес специалистов по политическим процессам, несомненно, вызовет проведенный авторами на основе обширного массива данных анализ взаимозависимости таких параметров, как критерии научности исследования в рамках магистерской программы, информационная база политического анализа, политическое проектирование как междисциплинарный комплекс знаний, особенности дидактики высшей школы, совокупные модели информационных навыков. Это уже само по себе позволяет ввести в отечественную политическую науку крайне полезную и значимую фактуру, которая также весьма поучительна в практическом отношении, поскольку позволяет лучше представить обстоятельства интеллектуальных и политических трансформаций в России.

В третьем разделе «Политические отношения и процессы в современной России» авторы детально рассматривают ключевые аспекты российской политической и интеллектуальной трансформации. Важность обращения к проблеме политического процесса в современной России обусловлена в первую очередь потребностями отечественного политического развития, которые затронули самые разные стороны политики и от хода которых зависит то, какой станет наша страна в ближайшие годы и десятилетия. В связи с этим крайне важен в практическом и в прогностическом плане сделанный авторами вывод о том, что проблемы политического процесса современной России невозможно понять, не определив смысл и направленность самого этого процесса, не поставив его в общий контекст функционирования и развития российского общества, находящегося как под воздействием внутренних факторов, так и под влиянием гло-

бализирующегося мира. Авторы подробно рассматривают импульсы постсоветской трансформации. Особенность нового этапа модернизационного процесса заключалась в том, что резкий поворот 1991 г. не был результатом борьбы за новый модернизационный проект, а являлся непосредственной реакцией на исчерпание возможностей советского проекта, выразившееся с определенного момента в неспособности плановой системы успешно соревноваться с развитыми странами в области технического прогресса и жизненных стандартов населения.

Подводя итоги, следует отметить, что для анализа учебного пособия представлялось необходимым выбрать то, что, на наш взгляд, было наиболее принципиальным с точки зрения структуры, логики и содержания работы. Методические достоинства данного издания бесспорны. Не подлежат сомнению и познавательные достоинства книги – это достоверное экспертное описание сложных политических отношений и процессов в современной России, а также методики их познания. Материалы для учебного пособия отобраны корректно и сгруппированы профессионально. Академические выкладки дополнены педагогической методикой, образовательными технологиями и рационализмом авторов. Равновесие, ясность ума и энергия, с которой коллектив выполнил эту работу, производят впечатление. Теперь решающее слово за студентами.

E.Yu. Strigankova, V.S. Ufaeva
We Present the English Language
Chair of Stolypin Volga Region
Institute of Administration
of the Russian Presidential
Academy of National Economy
and Public Administration

**ПРЕДСТАВЛЯЕМ КАФЕДРУ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
Поволжского института
управления имени
П.А. Столыпина – филиала
Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте РФ**

Реалии и перспективы современного российского общества наряду со многими актуальными задачами социального развития включают решение проблем совершенствования высшей школы и вузовского образования. В связи с этим модернизируется весь комплекс вузовской работы: учебной, методической, научной, воспитательной, организационной.

В социокультурном совершенствовании образования особое место принадлежит языковому обучению и воспитанию, а значит, и вузовским подразделениям, ответственным за данную работу, в том числе кафедре английского языка. Новая социокультурная ситуация, возрастающая сложность и разнообразие образовательных систем требуют динамичного развития и усиления роли управления коммуникативным пространством образования.

В этих условиях инновационным и прагматически ценным является, на наш взгляд, *принцип коммуникативности образования*. Он предусматривает необходимость осуществления синтеза новаций в сфере образования с современными коммуникационными технологиями, привлечение инфраструктурного потенциала социальной коммуникации для создания и развития *концепции коммуникативного образования*. Ее содержание должно включать два уровня понимания синтеза коммуникации и образования: анализ образования как специфической коммуникации в сложной системе коммуникативного социума и анализ специфики коммуникации внутри многогранной и многокомпонентной образовательной деятельности.

В первом случае выделяются проблемы культурного взаимодействия в глобальном и локальном аспектах, а также в конкретной социальной системе. Во втором случае понимание образовательной деятельности как сложной социальной системы актуализирует вопрос о преобразовании архитектуры образовательного пространства для наиболее эффективного взаимодействия обучения и воспитания, что предусматривает рационально ценностное использование их коммуникативного потенциала для реализации гармоничного единства прагматической и гуманистической функций образования. Изложенные утверждения являются научными, методическими и воспитательными принципами в работе кафедры английского языка.

Кафедра английского языка начала свою деятельность в 2002 г. На протяжении десяти лет работу кафедры возглавляет кандидат философских наук, доцент Стриганкова Елена Юрьевна.

Учебный процесс осуществляется профессорско-преподавательским коллективом кафедры, в состав которого входят 19 штатных преподавателей; в том числе: профессор – 1; доценты – 6; старшие преподаватели – 8, преподаватели – 2; ассистент – 1. В период 2008–2013 гг. наблюдался кадровый рост ППС; количество преподавателей, имеющих степень кандидата наук, увеличилось (2008 г. – 3 кандидата наук; 2013 г. – 6). В 2013 г. планируется защита докторской диссертации (Е.Ю. Стриганкова, кандидатской диссертации – Е.А. Гришина).

Среди мероприятий по укреплению кадрового состава кафедры следует отметить, во-первых, работу над диссертационными исследованиями преподавателей кафедры. Так, в 2013 г. из 13 преподавателей, не имеющих степени кандидата наук, 6 преподавателей обучаются в аспирантуре, 2 преподавателя завершили обучение и готовятся к защите диссертационных исследований. Во-вторых, большое внимание уделяется повышению квалификации преподавателей. В 2008/09 учебном году получены 12 свидетельств о повышении квалификации, состоялась одна зарубежная стажировка. В 2009/10 учебном году – 7 удостоверений о повышении квалификации, одна зарубежная стажировка. В

2010/11 учебном году – 8 удостоверений о повышении квалификации, одна зарубежная стажировка. В 2011/12 учебном году – 16 сертификатов о повышении квалификации, 1 зарубежная стажировка. Наконец, в 2012/13 учебном году – 8 удостоверений о повышении квалификации, 10 сертификатов о повышении квалификации, 2 зарубежные стажировки. В-третьих, первостепенное значение придается повышению педагогического мастерства: регулярно проводятся методические и научные семинары кафедры (руководители доцент Л.П. Салеева, кандидат философских наук, доцент Г.А. Балькина); пополняется фонд методического кабинета кафедры; осуществляется мониторинг обеспеченности кафедры средствами ТСО. В 2013 г. начал функционировать и введен в учебный процесс лингафонный кабинет. Укрепляется взаимодействие с учебно-просветительскими языковыми центрами Clever, Book Berry (Саратов) и языковыми кафедрами вузов Саратова (СГУ, СГАУ, СГАП), других городов (Ульяновский педагогический университет, Астраханский технический университет) и зарубежья (Экономический университет в Братиславе).

Английский язык в Поволжском институте управления им. П.А. Столыпина изучается как прикладная дисциплина. В процессе обучения систематически ведется формирование коммуникативной компетенции будущих специалистов, позволяющей практически пользоваться иностранным языком (английским) в научной, информационно-аналитической, профессиональной деятельности; в общении с зарубежными партнерами; в повышении квалификации и самообразовании. Обучение английскому языку происходит в тесной связи с изучаемыми профилирующими дисциплинами, а также с учетом будущей профессиональной деятельности выпускника.

Усилия кафедры ориентированы на создание у студентов положительной мотивации в овладении иностранным языком не только на учебных занятиях, но и во внеаудиторном общении, в процессе которого акцентируется профессиональная направленность владения иностранным языком. В своей учебной деятельности кафедра следует курсу на реализацию идей Болонского соглашения по созданию единого языкового образовательного пространства, а также на решение конкретных задач качественного обучения профессиональной иноязычной коммуникации государственных служащих.

В образовательной деятельности и учебном процессе кафедра уделяет внимание совершенствованию компетентностной методики преподавания языка, внедрению новых образовательных технологий согласно общеобразовательной системе оценки знания иностранных языков или Шкале Совета Европы (CEF, Common European Framework), аккумулирующим опыт российской и зарубежной лингвистики и коммуникативистики. Данные образовательные цели достигаются, в частности, путем разработки и внедрения авторских курсов, позволяющих использовать результаты научных исследований преподавателей в учебном процессе.

Диверсификация и содержательное изменение контента учебных дисциплин, инициированных кафедрой английского языка, способствует повышению качества учебного процесса в сфере ESP (English for Specific Purposes), что является одним из главных принципов Болонского соглашения о едином меж-

дународном образовательном пространстве, а также неотъемлемым условием реализации компетнтностного подхода стандартов третьего поколения.

В рамках дополнительного соглашения о сотрудничестве между центром межкультурной управленческой коммуникации Поволжского института управления имени П.А. Столыпина и факультетом прикладной лингвистики Экономического университета в Братиславе (Словацкая Республика) преподаватели кафедры английского языка читают за рубежом курсы лекций по межкультурной, управленческой и политической коммуникации на английском языке для студентов программ бакалавриата и магистратуры Экономического университета в Братиславе.

В период с 2004 по 2013 г. кафедра английского языка занималась исследованием проблем языка и коммуникации, разрабатывала научную тему «Социокультурные проблемы языка и коммуникации». В постановке научной проблемы кафедра исходила из актуальности изучения взаимосвязей и взаимодействия языка и коммуникации, разворачивающихся в определенном социокультурном пространстве-времени, в изменяющемся мире. Глобализация мира и мультикультурализм делают необходимыми создание новых технологий коммуникативных действий, использование современных методик языкового образования и обучения иностранным языкам, разработку новых моделей общения, воспитание языковой личности, адекватной требованиям времени.

Преподавателями кафедры проводились исследования актуальных проблем языка и коммуникации в социокультурном контексте с позиции междисциплинарного подхода, включающего взаимосвязь философии коммуникации, социолингвистики, педагогики, семиотики и культурологии. Осуществление проекта «Социокультурные проблемы языка и коммуникации» создало научно-исследовательское сообщество, включающее лингвистов, философов, социологов, культурологов, преподавателей вузов Саратова, других городов России и зарубежья, проявивших научный интерес к проблемам коммуникативистики, их теоретической и практической разработке. Результатом творческого сотрудничества являются восемь выпусков сборника научных трудов с международным участием «Социокультурные проблемы языка и коммуникации» ISSN 1995-0500. Кафедрой ежегодно проводится международная научная конференция студентов, магистрантов и аспирантов по актуальным проблемам современной коммуникативистики «Communicative Challenges of the XXIst Century». В 2013 г. состоялась 11-я конференция. По материалам конференции ежегодно публикуется англоязычный сборник научных работ «Communicative Challenges of the XXIst Century». В 2012 г. сборник получил международный статус и был включен в список международных серийных изданий ISSN. В 2013 г. вышел в свет 4-й выпуск сборника.

Новационным результатом проводимых кафедрой исследований по различным направлениям научной темы «Социокультурные проблемы языка и коммуникации» являются:

разработка и внедрение в процесс обучения электронного учебного пособия Internet Exam Coach (авторы: Е.Ю. Стриганкова, Г.А. Балькина, Е.А. Акинина, Е.Г. Гришенкова); в 2008 г. оно получило первое место в конкурсе на лучший электронный УМК вуза;

проведение качественного социологического исследования среди студентов Экономического университета в Братиславе (Словакия) и студентов ПАГС, с целью выявления степени использования ICT в процессе обучения (общая выборка: 600 анкет); результат оформлен в виде статьи на английском языке, размещенной в сети SSRN;

проведение I Интернет-конференции «Социокультурные проблемы языка и коммуникации», Интернет-конференция проводится ежегодно, являясь дискуссионной площадкой для авторов сборника (июнь 2009 г.);

организация и проведение (совместно с центром межкультурной управленческой коммуникации) IX Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов по актуальным проблемам современной коммуникативистики «Communicative Challenges of the XXIst Century», где впервые сформированы концепция и научные направления работы конференции в соответствии с СНИР кафедры (2010 г.);

подготовка к печати англоязычного сборника студенческих научных работ по материалам IX Международной научной конференции студентов, магистрантов и аспирантов «Communicative Challenges of the XXIst Century», сборник становится ежегодным (2010 г.);

присвоение сборнику научных работ студентов, магистрантов и аспирантов «Communicative Challenges of the XXIst Century» международного номера ISSN 2304-9901 (2012 г.);

развитие творческого сотрудничества и научного взаимодействия с коллегами языковых кафедр Экономического университета в Братиславе в области лингводидактики и компьютерно-опосредованного обучения иностранным языкам; заключение и реализация договоренности с факультетом прикладных языков Экономического университета в Братиславе по реализации программы обмена преподавателям для чтения лекций по циклу «Межкультурная управленческая коммуникация» (2011 г.);

разработка инновационных курсов на английском языке в рамках реализации программы Business Administration;

участие преподавателей кафедры в программе академического обмена преподавателями для чтения лекций и проведения практических занятий по циклу прикладной межкультурной коммуникации в управленческой и политической сферах в Экономическом университете в Братиславе (2011–2013 гг.).

На кафедре успешно функционирует студенческий научный кружок «English Club». Его деятельность направлена на формирование и развитие навыков общения на иностранном языке (английском) в рамках межкультурной коммуникации; исследование актуальных проблем языка и коммуникации в социокультурном контексте. Деятельность кружка подчинена изучению взаимосвязей и взаимодействия языка и коммуникации в условиях глобализации и мультикультурализма. Руководителем кружка является старший преподаватель кафедры английского языка А.А. Ремонтова.

Проведение заседаний научного кружка направлено на внедрение новых технологий коммуникации и основано на современных методиках языкового образования и обучения иностранным языкам, разработке новых моделей об-

щения. Проблематика обсуждаемых тем ориентирует студентов на решение задач как профессионального, так и общеобразовательного, научного, лингвострановедческого характера. Тематическое разнообразие обеспечивает большой диапазон речевых действий: монологическое высказывание (защита собственной точки зрения), ведение дискуссии (беседа, спор, вопросно-ответный диалог, соразмышление), выработка коллективного мнения. Научная направленность работы кружка состоит в использовании студентами дополнительной научно-публицистической литературы по теме общения и умении обосновывать и отстаивать собственную точку зрения.

Воспитательная деятельность кафедры английского языка является неотъемлемой частью образовательного процесса. Своей первостепенной задачей преподаватели кафедры видят воспитание языковой личности, способной активно обмениваться знаниями, информацией и практическим опытом в условиях иноязычной речевой деятельности. Поскольку культурная компетенция – неотъемлемая составляющая коммуникативной компетенции специалиста управленческой сферы, овладение основами коммуникации лингвокультурного общества, на языке которого ведется общение, является необходимым и обязательным условием его успешной работы.

Большую роль в оказании поддержки адаптации студентов к социокультурной среде института играет школа кураторства, работа которой на кафедре английского языка стала доброй традицией, поддерживаемой сотрудничеством с факультетами политико-правового управления и государственного и муниципального управления. Доцент кафедры Е.А. Ревуцкая неоднократно признавалась лучшим куратором года.

Международная деятельность кафедры является одним из приоритетных направлений ее работы. Основу данного вида деятельности составляет установление, поддержание и дальнейшее развитие международных научных контактов с вузами ближнего и дальнего зарубежья. Реализация целей научного проекта кафедры «Социокультурные проблемы языка и коммуникации» позволила развить международные отношения с коллегами из Экономического университета в Братиславе (Словацкая Республика); Университета штата Индиана (США); Университета Остина (Техас, США); Университета Анадолу (Турция); Харьковской государственной академии культуры (Украина), Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Республика Беларусь), Института международного менеджмента «Imi-Nova» (Республика Молдова).

Международная образовательная деятельность кафедры развивается при информационной и административной поддержке центра межкультурной управленческой коммуникации Поволжского института имени П.А. Столыпина. Преподаватели кафедры являются участниками академического обмена, реализуемого на основании договора между факультетом прикладных языков Экономического университета в Братиславе и центром межкультурной управленческой коммуникации. Кроме того, они принимают участие в международном спецкурсе «Business Administration». Преподавателями кафедры были разработаны и прочитаны учебные курсы: Managerial Communication; Cross-cultural Communication and Administration; Human Resources. В качестве слушателей

выступили студенты Экономического университета в Братиславе, Национального университета государственной службы Будапешта, а также студенты Поволжского института управления имени П.А. Столыпина.

В качестве перспектив развития кафедры особо выделяются следующие направления: дальнейшая разработка концепции коммуникативного образования, ее практическая реализация, развитие и совершенствование; подготовка совместно с факультетом прикладной лингвистики Экономического университета Братиславы программы двойных дипломов по направлению бакалавриата «Зарубежное регионоведение»; исследование коммуникативной проблематики с опорой на актуальные теоретические и практические проблемы: коммуникация как культурный код и социальное действие; коммуникативные практики в социально-политической сфере современного общества; политическая коммуникация. Безусловными перспективными направлениями являются также выделение роли социокультурного подхода в обучении иностранному языку и иноязычной культуре студентов управленческого вуза; внедрение информационно-коммуникативных технологий в процесс современного высшего образования; определение специфики коммуникации и общения в системе дистанционного обучения специалистов социального управления.

Все названные задачи составляют вектор развития и ответ кафедры английского языка на вызовы современности.

***Е.Ю. Стриганкова**, кандидат философских наук, доцент,
заведующий кафедрой английского языка;*

***В.С. Уфаева**, доцент,
заместитель заведующего кафедрой английского языка*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абакумов Олег Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: abakumovoy@mail.ru

Акаев Дмитрий Валерьевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, социальной политики и регионоведения Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: d_akaev@mail.ru

Андряшко Марина Васильевна – заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Барановичского государственного университета, Республика Беларусь
e-mail: andryashkomv@mail.ru

Антипов Константин Анатольевич – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета
e-mail: konstant77@mail.ru

Артамонычева Евгения Владимировна – соискатель кафедры финансов и финансового менеджмента Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
e-mail: EV-Artamonicheva@yandex.ru

Аяцков Дмитрий Федорович – доктор исторических наук, профессор, директор Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: df@pags.ru

Буров Владимир Александрович – доцент кафедры антикризисного управления Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: bva1959@yandex.ru

Герасимова Валентина Владимировна – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: kafeconomics@pags.ru

Григорьев Павел Владимирович – аспирант кафедры философии Балтийского федерального университета имени Имануила Канта
e-mail: pv.grigoryev@gmail.com

Егоров Антон Алексеевич – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: anton11leon@gmail.com

Зеленкина Светлана Владимировна – аспирант кафедры философии Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А.
e-mail: zel.svetl@yandex.ru

Иванов Александр Владимирович – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и бизнеса Ульяновского государственного университета
e-mail: strategiya2010@lenta.ru

Исмаилова Гулноза Сайдиганиходжаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых основ управления Академии государственного управления при Президенте Республики Узбекистан
e-mail: g_ismailova@dba.uz

Казанцева Наталья Валерьевна – адъюнкт кафедры уголовной политики и организации предупреждения преступлений Академии управления МВД России
e-mail: kv.nataly@mail.ru

Кирбитова Светлана Валерьевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
e-mail: lightdark@mail.ru

Коблова Юлия Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры институциональной экономики Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: sovcova_yulya@rambler.ru

Кожаккина Светлана Олеговна – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Саратовского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, соискатель кафедры методологии образования Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
e-mail: sso-87@mail.ru

Колосовский Андрей Михайлович – член-корреспондент РАЕН, кандидат технических наук, доцент кафедры экономики фирмы и рынков Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
e-mail: AKolosovskii@kantiana.ru

146 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

Кузнецова Кристина Андреевна – аспирант кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью Саратовского государственного социально-экономического университета
e-mail: Strekozozza@mail.ru

Магомедов Арбахан Курбанович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью и рекламы Ульяновского государственного университета
e-mail: armagomedov@gmail.com

Мансуров Айрат Мансурович – соискатель кафедры экономики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: meon_nauka@mail.ru

Марков Владимир Александрович – канд. экон. наук, доцент кафедры статистики, Саратовский государственный социально-экономический университет
e-mail: markov.saratov@mail.ru

Рынковой Тарас Петрович – соискатель кафедры политической аналитики и прогнозирования Национальной академии государственного управления при Президенте Украины
e-mail: rynkovoy@meta.ua

Савченко Александр Александрович – аспирант кафедры конституционного и административного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Волгоградский филиал)
e-mail: volzhanin34@yandex.ru

Стриганкова Елена Юрьевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: English@pags.ru

Уфаева Виктория Сергеевна – доцент, заместитель заведующего кафедрой английского языка Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: victoria-ufaeva@yandex.ru

Фомина Александра Сергеевна – аспирант кафедры статистика, Саратовский государственный социально-экономический университет
e-mail: aleks.gapon@gmail.com

Шишкина Вероника Ивановна – аспирант кафедры политических наук Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
e-mail: vero1202@yandex.ru, vero1202@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Oleg Yurievich Abakumov – Candidate of Science (History), docent of the History of Russian Statehood and Law Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: abakumovoy@mail.ru

Dmitry Valerievich Akaev – Candidate of Social Sciences, docent of the Sociology, Social Policy and Regional Studies Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: d_akaev@mail.ru

Marina Vasilievna Andriyashko – head of the Criminal Law Disciplines Chair, Baranovichi State University, the Republic of Belarus

e-mail: andriyashkomv@mail.ru

Konstantin Anatolievich Antipiev – Candidate of Sciences (Sociology), docent of the Sociology and Politics Chair, Perm National Research Polytechnic University

e-mail: konstant77@mail.ru

Evgenia Vladimirovna Artamonicheva – competitor of the Finance and Financial Management Chair, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

e-mail: EV-Artamonicheva@yandex.ru

Dmitry Fedorovich Ayatskov – Doctor of Science (History), Professor, Director of Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: df@pags.ru

Vladimir Aleksandrovich Burov – docent of the Crisis Management Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: bva1959@yandex.ru

Valentina Vladimirovna Gerasimova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

e-mail: kafeconomics@pags.ru

148 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

Pavel Vladimirovich Grigoriev – post-graduate student of the Philosophy Chair, Baltic Federal University named after Immanuel Kant
e-mail: pv.grigoryev@gmail.com

Anton Alekseevich Yegorov – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: anton11leon@gmail.com

Svetlana Vladimirovna Zelenkina – post-graduate student of the Philosophy Chair, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A.
e-mail: zel.svetl@yandex.ru

Aleksandr Vladimirovich Ivanov – Candidate of Sciences (Economics), docent of the Management and Business Chair, Ulyanovsk State University
e-mail: strategiya2010@lenta.ru

Gulnoza Saidiganikhodzhaevna Ismailova – Candidate of Science (Law), docent of the Legal Bases of Management Chair, Public Administration Academy under the President of the Republic of Uzbekistan
e-mail: g_ismailova@dba.uz

Natalia Valerievna Kazantseva – post-graduate student of the Criminal Policy and Organization of Crime Prevention Chair, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia
e-mail: kv.nataly@mail.ru

Svetlana Valerievna Kirbitova – Candidate of Sciences (Economics), docent of the Public Administration Chair, Vladivostok State University of Economics and Service
e-mail: lightdark@mail.ru

Yulia Aleksandrovna Koblova – Candidate of Science (Economics), docent of the Institutional Economics Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: sovcova_yulya@rambler.ru

Svetlana Olegovna Kozhakina – research associate of the Scientific Research Department, Saratov Institute of Advanced Training and Retraining of Education Personnel, competitor of the Education Methodology Chair, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky
e-mail: sso-87@mail.ru

Andrei Mikhailovich Kolosovsky – Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Candidate of Technical Sciences, docent of the Economics of Firms and Markets Chair, Immanuel Kant Baltic Federal University
e-mail: AKolosovskii@kantiana.ru

Kristina Andreevna Kuznetsova – post-graduate student of the Economic Sociology, Advertising and Public Relations Chair, Saratov State Social and Economic University
e-mail: Strekozozzzza@mail.ru

Arbakhhan Kurbanovich Magomedov – Doctor of Sciences (Politics), Professor, Head of the Public Relations and Advertising Chair, Ulyanovsk State University
e-mail: armagomedov@gmail.com

Airat Mansurovich Mansurov – competitor of the Economics Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: meon_nauka@mail.ru

Vladimir Alexandrovich Markov – Candidate of Sciences (Economics), docent, Professor of the Statistics Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: markov.saratov@mail.ru

Taras Petrovich Rynkovoy – competitor of the Political Analysis and Forecasting Chair, National Academy of Public Administration under the Office of the President of Ukraine
e-mail: rynkovoy@meta.ua

Aleksandr Aleksandrovich Savchenko – post-graduate student of the Constitutional and Administrative Law Chair, the Volgograd Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: volzhanin34@yandex.ru

Elena Yurievna Strigankova – Candidate of Sciences (Philosophy), docent, Head of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: English@pags.ru

Victoria Sergeevna Ufaeva – docent, deputy head of the English Language Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: victoria-ufaeva@yandex.ru

Aleksandra Sergeevna Fomina – post-graduate student of the Statistics Chair, Saratov State Socio-Economic University
e-mail: aleks.gapon@gmail.com

Veronika Ivanovna Shishkina – post-graduate student of the Political Sciences Chair, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail: vero1202@yandex.ru, vero1202@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЧНАЯ ВЛАСТЬ, ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

4

Аяцков Д.Ф., Буров В.А.

Социально-экономическая стабильность в регионах:
вызовы и решения (по материалам Гайдаровских чтений в Саратове) 4

Антипьев К.А.

Оценка муниципальных органов власти местным сообществом
(по материалам социологических исследований в Пермском крае) 9

Кирбитова С.В.

Муниципалитет – открытое акционерное общество:
соотнесение понятий и признаков 17

ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

23

Рынковой Т.П.

Технологизация государственного управления в Украине
в контексте социальных и политических трансформаций 23

Андряшко М.В.

Реализация государственной семейной политики в Республике Беларусь 27

Исмаилова Г.С.

Особенности децентрализации управления
в Узбекистане: эксперименты и реформы 31

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

36

Казанцева Н.В.

Основные криминогенные факторы,
обуславливающие совершение преступлений,
посягающих на свободу совести и вероисповедания в России 36

Савченко А.А.

Актуальные проблемы резервирования
и изъятия земельных участков для муниципальных нужд 42

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

49

Герасимова В.В., Мансуров А.М.

Социальная ответственность
в развитии партнерских отношений государства и бизнеса 49

Акаев Д.В.

Использование краудсорсинговых Интернет-проектов
в социально-политических процессах 56

Кожакина С.О.

Потребность подростков
в социальной успешности 60

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РОССИИ

66

Колосовский А.М.

Институциональные аспекты постиндустриальной модернизации экономики
России и ее эксклавного региона 66

Коблова Ю.А.

Оценка формирования сетевой экономики России на основе индикаторов
развития информационно-коммуникационных технологий 72

Иванов А.В.

Формирование механизма управления промышленным предприятием
в современных условиях 78

Марков В.А., Фомина А.С.

Многомерные статистические методы выявления экономической кластеризации
в регионах на основе индикаторов рынка труда 85

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА СОЦИУМА: ПОДХОДЫ, КОНЦЕПЦИИ, МНЕНИЯ

93

Зеленкина С.В.

Диалог с Другим в постмодернистской модели человеческого бытия 93

Кузнецова К.А.

Английская школа социологических исследований управления и организаций:
традиции и современность 97

Григорьев П.В.

Особенности воздействия современного постиндустриального общества
на человека 102

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И УПРАВЛЕНИЕ В РОССИИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

107

Шишкина В.И.

Политические протесты в восприятии жителей региона
(на примере Саратовской области) 107

152 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

Егоров А.А.

Арктический регион
в системе экономической безопасности России 112

Артамонычева Е.В.

Анализ оценки эффективности финансирования учреждения здравоохранения
(на примере Городецкой ЦРБ) 116

**РЕЦЕНЗИИ.
ХРОНИКА НАУЧНЫХ СОБЫТИЙ
121**

Абакумов О.Ю.

Создание и деятельность Саратовской губернской совпартшколы 121

Магомедов А.К.

Рецензия на книгу:
Политические отношения и политический процесс в современной России:
учеб. пособие / кол. авт.; под ред. Т.Н. Митрохиной. – Саратов:
Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, 2013. – 260 с. 134

**Представляем кафедру английского языка Поволжского института
управления имени П.А. Столыпина – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ** 138

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ
145**

CONTENTS

PUBLIC AUTHORITIES AND PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

4

Ayatskov D.F., Burov V.A.

Socio-Economic Stability in the Regions: Challenges and Solutions
(based on Gaidar Readings in Saratov) 4

Antipiev K.A.

Evaluation of Municipal Authorities by the Local Community
(based on case studies in the Perm Region) 9

Kirbitova S.V.

Municipalities – Joint Stock Companies: Relating the Concepts and Features 17

THE EURASIAN SPACE: INTEGRATION PROCESSES AND REGIONAL MANAGEMENT EXPERIENCE

23

Rynkovoy T.P.

Technologization of Government in Ukraine in the Context of Social and Political
Transformations 23

Andriyashko M.V.

Implementing the State Family Policy in the Republic of Belarus 27

Ismailova G.S.

Features of Government Decentralization in Uzbekistan:
Experiments and Reforms 31

LEGAL REGULATION IN CONTEMPORARY RUSSIA

36

Kazantseva N.V.

The Major Criminogenic Factors Causing Commission of Crimes Encroaching
on the Freedom of Worship and Religion in Russia 36

Savchenko A.A.

Topical Problems of Land Reservation and Withdrawal for Municipal Needs 42

SOCIAL POLICY IN THE RUSSIAN FEDERATION

49

Gerasimova V.V., Mansurov A.M.

Social Responsibility in the Development of the Partnership between
the State and Business 49

154 2013 ● ВЕСТНИК ПАГС

Akaev D.V.	
Using Crowdsourcing Internet Projects in Social and Political Processes	56
Kozhakina S.O.	
The Need of Teenagers for Social Success	60

**SOCIAL-ECONOMIC MODERNIZATION
OF RUSSIA**

66

Kolosovsky A.M.	
Institutional Aspects of Postindustrial Modernization of the Economy of Russia and Its Exclave Region	66
Koblova Yu.A.	
The Evaluation of Forming the Network Economy of Russia on the Basis of Information and Communication Technologies Development Indicators	72
Ivanov A.V.	
Formation of Industrial Enterprise Management Mechanism in Modern Conditions	78
Markov V.A., Fomina A.S.	
Multivariate Statistical Methods to Identify the Economic Clustering in Regions on the Basis of Labor Market Indicators	85

**PHILOSOPHY AND CULTURE OF SOCIETY:
APPROACHES, CONCEPTS, OPINIONS**

93

Zelenkina S.V.	
The Dialogue with the Other in the Post-Modern Model of Human Being	93
Kuznetsova K.A.	
The English School of Sociological Research of Management and Organizations: Traditions and Modernity	97
Grigoriev P.V.	
Features of the Impact of Modern Post-Industrial Society on Man	102

**PUBLIC POLICY AND ADMINISTRATION IN RUSSIA:
YOUNG SCIENTISTS' VIEW**

107

Shishkina V.I.	
Political Protests in Perception of Inhabitants of a Region (by the Example of the Saratov Region)	107
Yegorov A.A.	
The Arctic Region in the System of Economic Security of Russia	112
Artamonycheva E.V.	
The Analysis of the Efficiency Estimation of Financing a Health Care Institution (by the example of the Gorodetskaya CRH)	116

**REVIEWS.
SCIENTIFIC EVENTS CHRONICLE
121**

Abakumov O.Yu.

The Establishment and Operation
of the Saratov Provincial Soviet Party School 121

Magomedov A.K.

Book Review:
Political Relationship and Political Process in Modern Russia:
tutorial / college of authors; ed. by T.N. Mitrokhina. – Saratov:
Stolypin Volga Region Institute of Administration, 2013. – 260 p. 134

***We Present the English Language Chair of Stolypin Volga Region Institute
of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*** 138

**INFORMATION ABOUT THE AUTHORS
148**

Научное издание

**ВЕСТНИК
ПОВОЛЖСКОЙ АКАДЕМИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ**

Научный журнал

№ 4 (37)

Редакторы *Т.П. Иванова, Л.Н. Головченко, Е.В. Феклистова*
Компьютерная верстка *М.В. Лысцевой*

Тем. план 2013 г., п. № 850

Подписано к печати 24.09.2013 г. Формат 70x100 ¹/₁₆.

Бумага офсетная. Гарнитура Лазурского.

Усл. печ. л. 12,9. Уч.-изд. л. 13,5. Тираж 500. Заказ 487.

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина.
410031, Саратов, ул. Соборная, 23/25.

**Требования к рукописям научных статей,
представляемым для публикации в научном журнале
«Вестник ПАГС»**

1. Редакцией журнала принимаются к рассмотрению статьи, связанные с управленческой тематикой (управление политическими, социальными, экономическими процессами, правовое регулирование различных сфер жизни общества и государства, социальное и гуманитарное развитие, актуальные проблемы современной России и международного сообщества). Редакция оставляет за собой право публиковать статьи и по иным направлениям науки.

2. Статьи представляются ответственному секретарю журнала не менее чем за три месяца до планируемой даты опубликования в номере журнала.

3. Автор представляет статью на бумажном и электронном носителях, объемом 0,3–0,5 п.л. (8–12 стр. печатного текста 14 кеглем 1,5 интервалом со стандартными полями). Сноски оформляются в квадратных скобках по тексту статьи, с указанием номера источника по библиографическому списку и страницы либо статьи нормативного акта, на которые ссылается автор (например: [8, с. 16], [8, ст. 16]). Библиографический список формируется в конце статьи по мере упоминания источников в тексте (не по алфавиту и не по иерархии источников). Не допускается дублирование наименований, а также указание под одним номером нескольких наименований источников или используемой литературы. Оформление библиографического списка должно соответствовать ГОСТ Р.7.0.5. – 2008. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция. Библиографический список входит в общее количество страниц статьи автора.

4. Помимо текста статьи автором представляются единым отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–4 коротких предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора, индексов УДК и / или ББК (только на русском языке), и / или DOI, и / или других классификационных индексов или систем регистрации;

б) ключевые слова и словосочетания (не более трех);

в) пристатейный библиографический список;

г) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, контактная информация (почтовый адрес, адрес электронной почты, контактный телефон).

Ответственность за достоверность указанных сведений несет автор статьи.

5. Статьи оцениваются членами редакционной коллегии, специалистами ПАГС или других вузов по профилю, соответствующему содержанию статьи. Статья направляется на рецензию без указания Ф.И.О. и иных данных, позволяющих идентифицировать автора. Автор вправе ознакомиться с выполненной рецензией. Автор вправе представить заверенную рецензию научного руководителя, доктора / кандидата наук соответствующего профиля.

6. Плата за публикацию статьи в журнале с аспирантов не взимается.

Ответственный секретарь научного журнала

«Вестник Поволжской академии государственной службы»

Акаев Дмитрий Валерьевич

(8452) 33 92 29

vestnik@pags.ru (в теме сообщения обязательно указывать: «Вестник ПАГС»)

Материалы журнала размещены по адресу: <http://vestnik.pags.ru>